

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Минский государственный лингвистический университет

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

МАТЕРИАЛЫ
III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Минск, 13–14 октября 2017 г.

Минск МГЛУ
2018

УДК 81
ББК 81.0
У59

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 3 от 25.06. 2018 г.

Редакционная коллегия: Н. В. Фурашова (*ответственный редактор*), Н. Е. Лаптева, Ю. И. Сидорчук

Универсальное и национальное в языковой картине мира : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 13–14 окт. 2017 г. / редкол.: Н. В. Фурашова (отв. ред.), Н. Е. Лаптева, Ю. И. Сидорук. – Минск : МГЛУ, 2018. –216 с.
ISBN 978-985-460-808-2.

В материалах конференции освещаются проблемы соотношения универсального и культурно обусловленного в картинах мира, зафиксированных разными языками, рассматривается роль сходств и различий языковых картин мира в процессах межкультурной коммуникации, обучении иностранным языкам, а также в переводческой деятельности и литературоведении.

Для специалистов в области лингвистики, переводо- и литературоведения, преподавателей иностранных языков, а также аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.0

ISBN 978-985-460-808-2

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В рамках III Международной конференции «Универсальное и национальное в языковой картине мира» исследователи в очередной раз обратились к проблеме соотношения универсальных аспектов, лежащих в основе языков, и национально или культурно обусловленных, предопределяющих их специфику.

Материалы выступлений, представленные в сборнике, отражают интерес лингвистов к данным аспектам и результаты исследований, проводимых в данном направлении. Они также свидетельствуют о том, что вынесенная на обсуждение проблема важна и в теоретическом, и в прикладном плане: в преподавании иностранных языков, переводе с одного языка на другой, в межкультурной коммуникации и т.п. Теоретическая значимость данных исследований заключается в том, что они выполнены на основе междисциплинарного подхода, являющегося сегодня требованием времени.

Сборник содержит материалы выступлений 73 участников конференции из семи стран (Беларуси, Германии, Грузии, Литвы, России, Украины и Чешской Республики) – как авторитетных ученых, так и исследователей, находящихся в поиске путей решения поставленных задач в различных областях науки. Объектом изучения в докладах был ряд языков – английский, белорусский, китайский, немецкий, русский. Проблемными полями, которые рассматривались на материале данных языков, стали языковая и концептуальная картины мира, языковые универсалии и национально-культурная специфика разных уровней языка, переводоведение в аспекте межкультурной коммуникации, картина мира в произведениях художественной литературы, диалог культур в обучении иноязычному общению, фразеологическая картина мира в разных языках.

В материалах представлены как традиционные взгляды на разные феномены языка, так и относительно новая, в ряде случаев авторская, их трактовка. Это стало причиной дискуссий во время конференции и даст возможность читателю не только получить информацию о проводимых исследованиях в рамках поиска универсального и национального в языковых картинах мира, но и критически осмыслить полученные результаты, традиционные взгляды на язык и новые подходы к его исследованию.

Редколлегия

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Л. И. Богданова (Москва, Россия)

НОВЫЕ СЛОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ НОВОГО МИРООЩУЩЕНИЯ

Новые слова, появляющиеся в языке, в том числе и на основе заимствования из других языков, нередко называют симптомами нового мироощущения [1]. Предметом рассмотрения в настоящей работе являются новые лексико-фразеологические единицы терминологического характера, которые отражают и когнитивные процессы, происходящие в сознании людей, и формирование нового взгляда на мир. Как отмечает И. Кечкеш, «ресурсы языка всегда ориентированы на ранее известную реальность, а новым знаниям всегда не хватает языка» [2, с. 11]. Появление новых слов и словосочетаний в результате заимствования, развитие новых значений у старых слов – это реакция языка на перемены общественно-политической и экономической жизни общества, обусловленные временем. Отвечая на вызовы времени, новые слова используются для обозначения актуальных для современной жизни смыслов, среди которых особое место занимают такие, как «интерес к будущему, потребность в долгосрочном планировании и поиске его инструментов» [3, с. 41].

Последнее время в российском обществе стало модно заниматься прогнозированием, что проявилось в активном использовании новых заимствованных слов и словосочетаний. Многие ученые, журналисты, специалисты-практики взяли на вооружение такие заимствованные термины, как *форсайт* (foresight), *бизнес-планирование* (business-planning), *дорожная карта* (roadmap) и др., не всегда до конца представляя, что скрывается за этими названиями.

Рассмотрим семантику словосочетания *дорожная карта*. В прямом значении оно понимается как ‘атлас дорог, соединяющих географические пункты’. На базе первого значения появилось второе значение – значение маршрута: на карте может быть указан путь перемещения товаров или людей от начального пункта к конечному. Третье значение можно считать новым: ‘технологическая дорожная карта’ реализует идею выпуска продукта или поставок его потребителям [4]. Дорожная карта представляет собой графический план продвижения какой-либо отрасли, направления к намеченной цели с учетом разных факторов. При этом в отличие, например, от бизнес-плана дорожная карта предполагает несколько сценариев развития. Основу дорожной карты составляют «узлы», т.е. этапы развития, где надо принимать важные решения в зависимости от сложившейся ситуации. Дорожная карта – это не только план, но и мониторинг его реализации. Однако в нетерминологическом употреблении *дорожная карта* нередко используется как синоним обычного долгосрочного плана, при этом теряются важные содержательные компоненты: ‘наглядность’, ‘пошаговость’, ‘вариативность движения к цели’. Интернет дает следующие примеры употребления данного

словосочетания: *Дорожные карты дадут нам понимание цели; Дорожная карта Медведева о доступности обезболивающих; Дорожная карта к высокой зарплате медперсонала; Куда ведёт дорожная карта здравоохранения?; Дорожные карты охватят всю сферу образования; Дорожная карта демонстрации российского образования* и т.п. Исследование употребления словосочетания *дорожная карта* в современном образовательном дискурсе (ср. *дорожная карта университета, дорожная карта факультета на 2017 год* и т.д.) показывает, что этот термин девальвируется в семантическом плане, утрачивая не только компонент 'вариативность развития', но и даже 'долгосрочный характер планирования'. Факт потери термином *дорожная карта* важных компонентов значения зафиксирован новейшими электронными словарями иностранных слов. Так, например, в электронном словаре И. Мостицкого *дорожная карта* определяется всего лишь как 'план действий'. Новый калькированный термин нередко вступает в противоречие с устоявшимся употреблением словосочетания *дорожная карта*. Так, без широкого контекста непонятно, о чем может идти речь, например, в статье с заголовком: «*Дорожная карта Крыма*». Двойственность восприятия снимается с помощью уточнений. Ср.: *Большая детальная дорожная карта Крыма* (карта автомобильных дорог) и *Соцсфера Крыма получила «дорожную карту»*. *Дорожная карта инфраструктуры Крыма. Куда вкладывать. Минрегион разработал дорожную карту для Крыма* и т.п. [5].

Предпочтительное использование словосочетания *дорожная карта* вместо привычных и слегка надоевших словосочетаний типа *план развития* или *план мероприятий* нередко диктуется правилами языковой моды и представлением, что новые слова отражают изменившуюся реальность и новое мироощущение. Достаточно популярен в современном научном экономическом дискурсе и термин *форсайт* (от англ. *foresight* – предвидение). Казалось бы, *форсайт* можно было бы заменить известным словом *прогноз*. Однако, по мнению специалистов, эти слова нельзя считать эквивалентными. По словам Дмитрия Пескова, руководителя направления «Молодые профессионалы» Агентства стратегических инициатив (АСИ), прогноз может быть абсолютно безответственным заявлением одного человека, в то время как *форсайт* предполагает вовлечение в процесс создания будущего тех, кто в нем наиболее заинтересован («Наука и технологии РФ. Что такое *форсайт* образования?»). Будущее действительно нуждается в новых людях с креативным мышлением, способных породить не только новые идеи, но и создавать новые объекты, т.е. речь идет о креативном классе. *Креативный класс* – термин, введенный американским экономистом Ричардом Флоридой, имеет непосредственное отношение к формированию будущего и *форсайту* (ср. название его книги «Креативный класс: люди, которые меняют будущее»).

Итак, *форсайт* понимается как комплексное моделирование основных факторов и сил, которые влияют на построение будущего. В области образования *форсайт* предполагает проектное деятельностное образование, «образование полного жизненного цикла» (*Форсайт образования*).

Как отмечают экономисты, будущее в современной цивилизации перестало быть абстракцией, пространством фантазий и субъективных прогнозов, постепенно оно превращается в экономический инструмент. Термин *форсайт* обозначает методику долгосрочного прогнозирования научно-технологического и социального развития, основанную на опросе экспертов. При этом разработка и представление дорожной карты может служить частным методом представления результатов форсайта. Сосредоточенный на глобальных вопросах того или иного общественного сектора, форсайт намного шире в инструментальном плане, чем дорожное картирование. Общим свойством рассматриваемых категорий специалисты считают их вариативность, учет различных сценариев и формирование разнообразных прогнозов. В обычном употреблении набор этих признаков не получает выражения. Ср. употребление слова *форсайт* в интернет-объявлениях: *Личный форсайт – интерактивные занятия для 9 и 11 классов. Кабинет № 109. Старшая школа. Ученики в игровой ситуации смоделируют стратегии успешного будущего. Операторы будущего – кто занимается форсайтами в России?* и т.п. [6].

Итак, мы видим, что язык при помощи новых слов отвечает на *вызовы* времени, при этом надо заметить, что слово *вызов* также претерпело семантические изменения. В своем новом, калькированном значении оно активно используется и в политическом, и в научном дискурсе. Ср.: *Как справиться с новыми вызовами XI века? Как справиться с вызовом нового дня; Преодоление бедности: старый вызов нового времени; «Славянские языки в условиях современных вызовов»* и т.п. В плане отражения нового мироощущения заслуживают внимания и такие лексико-фразеологические единицы, как *социальный лифт, золотые парашюты, хромая утка, сбитый лётчик* и т.п. Значения данных единиц к настоящему моменту находятся в процессе становления. Существует проблема их адекватного лексикографического представления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова, М. Е. Иноязычные заимствования в русском языке как симптом нового мироощущения / М. Е. Жукова // Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2011. – № 63. – С. 92–95.
2. Кечкеш, И. Слово, контекст и коммуникативное значение / И. Кечкеш // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 7–18.
3. Богданова, Л. И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур / Л. И. Богданова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 41–50.
4. Что такое дорожная карта? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elhow.ru/chto-takoe-dorozhnaja-karta>. – Дата доступа : 05.09.2017.

5. Дорожная карта [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bossmag.ru/archiv/>. – Дата доступа : 05.09.2017.
6. Форсайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.prdesign.ru/text/>. – Дата доступа : 04.09.2017.

H.-H. Dröbiger (Vilnius/Kaunas, Lithuania)

PERSPECTIVATION AND PERSPECTIVE.
OUTLINES ON CONCEPTUAL METONYMY

Perspectivation as a new term introduced by Graumann & Kallmeyer in 2002 is about to give the more widely used term perspective a complement to emphasize the relation between process – the perspectivation – and its result – the perspective – and as a common cognitive and communicative practice as well. As Graumann & Kallmeyer suggest, both perspective and perspectivation are founding instances of any discourse. The study of perspectivation poses questions with respect to the role that communication of perspectives plays in text and interaction, and what important strategies of perspectivation one can observe in different contexts. For the analysis of human strategies of orientation in space and time spatial reference ... proved to be of primordial interest (Weissenborn & Klein, 1982). From here it is only a short step to the analysis of referential movements in texts (Klein & Stutterheim, 1989) and its interpretation as representation of perspectival moves [1, p. 5].

Considering this, perspectivation can be taken as a form of conceptual movements within the mental space of contiguity, in short terms: a metonymical movement. Different perspectivations, which allow some certain focusing on subjects, are not strictly bound to syntactic categories like active voice or passive voice. Baldauf [2, p. 45] calls such constructions like Germ. *Das Land steigt vom Fluss aus steil an – Das Land fällt zum Fluss hin steil ab* ‘The land rises steeply from the river – The land drops steeply towards the river’. Other well known examples in German can be told: *den Tisch abwischen – den Schmutz abwischen* ‘wipe the table – wipe off the dirt’ [3, p. 33]. Also, such formulations appear, which not only allow to tell different perspectives to subjects but perspectivations grounding in different speakers’ attitudes to subjects: Germ. *der Saal ist halb leer – der Saal ist halb voll* ‘the hall is half empty – the hall is half full’.

Dirven introduces the concept of CONVERSION into the discussion about metonymy. The kind of “conversion” he has in mind does not appear in syntax in general but on the level of predicate-argument relation. Certain arguments of an argument structure – Dirven namely calls INSTRUMENT – are metonymically moved especially onto the position of ACTION (or PROCESS) [4, p. 277–278]. Dirven summarizes these metonymical movements under the term EVENT-SCHEME metonymy and distinguishes five types:

- a) object verbs (*to fish, to crew, to anger*);
- b) instrument verbs (*to harpoon, to head, to veto*);

- c) manner verbs (*to queue, to balloon, to spoon*);
- d) locative verbs (*to bottle, to shelve, to record*);
- e) essive verbs (*to author, to nurse, to knight*) [4, p. 280].

Additionally, Dirven presents three canonized EVENT-SCHEMES, which constitute the basis of that what he calls conversational metonymy: 1) the action scheme, 2) the localization or movement scheme, 3) the essive scheme [Ibid, p. 280], however, the latter I would call causative or ornative. Generally, this systemizing idea is something like a schematic construction of a mental space with its typical feature of processuality including its components. The consequence of this idea is the fact that grounding on principles of contiguity metonymic movements within the mental space are possible.

Illustrating this principle of metonymic movements within mental spaces, this article presents examples from a study in translation I carried out in 2015 by analysing the ways of rendition of culture-bound words in the translations of the Grimms' Fairy Tales (GFT) from German into English and Lithuanian by taking two different translations into the mentioned languages [5].

Metonymical movements as a rendering technique in translations

Metonymically created correspondences appearing in translations are the result of linguistic and cognitive movements within a mental space that is basically characterized by contiguity. These correspondences are lexically realized by semantically autonomous words, phrases and partially by other linguistic items constituting a semantic and cognitive relation within the mental space. Grounding on the study from 2015, I can distinct the following types of metonymical movements:

1. **Metonymical shift** can be seen as a semantic and cognitive movement on a vertical axis of concepts, in which a basic category is centred. This basic category can coincide with a hyperonym. Usually, movements are done towards the basic category, beyond or below it.

2. **Metonymical twist** is grounding in the idea of a spatial imagination of the mental space of contiguity. Within this mental space, metonymical movements can happen, which use the semantic and cognitive relations within concepts for the twist. This leads to alternative points of view, to different angles of comprehension and interpretation of concepts.

3. **Metonymical distortion** is a kind of movement within the mental space of contiguity, which goes far beyond shifts or twists. This leads to a semantic and cognitive distance to the original term or concept, so that the term used in the target language can only be understood by interpreting the target language term including such more general concepts like ABSTRACTION and/or VAGUENESS.

All these three metonymical movements can be found in translations, though the metonymical twists play a crucial role because of their manifold forms of perspectivation. There is no doubt that the single categories of the metonymical twists remind of adverbial components in linguistic performances. Therefore, in the following section, I will focus on the LOCAL RELATIONS metonymical twists are done by the translators' creativity to create different perspectives to the story told in the GFT.

Metonymical perspectivation in translations – an empirical study

Alongside to codified lexical equivalents used to render culture-bound words, translations contain very often instances of metonymical twists, which are **not** codified equivalents but according to context, to communicative characteristics of sorts of texts and to a translators' creativity they might be called **correspondences** to the source language term. Creating a different perspective by translating a text is a special linguistic and cognitive procedure. However, metonymical twists of perspective appear in a manifold, complicated way.

One sort of metonymical twists is called PERSPECTIVATION, which expresses changes in points of view to or changes in understanding an event, an object, individuals and their activities. Lexical and semantic forms of this sort of twists are conversion, semantically and syntactically they appear as adverbial changes, or they come as a twist by changing the perspective of activities. A typical occurrence of the metonymical twist of perspective in translations are LOCAL RELATIONS, which are given as relations between an object and its (typical) place of existence. A metonymical twist of this LOCAL sub-sort is done by twisting from the object onto the place of that object instead of naming the object. In GFT 169 *Herd* 'hearth' [6] > *virtuvė* 'kitchen' [8]. A variant of this metonymical twist appears as a twist from a PLACE onto PERSON(S) AT THIS PLACE, e.g. in GFT 97 *Hof* 'royal court' [6] > *ministers* [10]; in GFT 179 *Schloss* 'castle' > *pas karalių* 'with the King' [7]. Another variant of this metonymical twist appears as a twist from an EVENT onto a PLACE OF THAT EVENT, in GFT 51 *auf die Jagd gehen* 'to go hunting' [6] > *išeiti į mišką* 'go into the forest' [7].

Some instances of metonymical twist of perspective in translations appear as combinations of PLACE and MOVEMENT within the LOCAL RELATIONS. While in the given example "to go hunting" the event is focused on, in the case of *Tor* 'gate' or *Hof* 'yard as a part of a construction' an equality of place and movement might be stated. The metonymical twist goes with both PLACE and MOVEMENT, which shall be illustrated and explained using an excerpt from GFT 116.

How Germanic *zum Tor hinaus machen* was rendered into LT and EN versions of the text (source: author, highlighting: author)

Am andern Morgen ließ der König in der ganzen Stadt den Schuh seiner Tochter suchen: er ward bei dem Soldaten gefunden und der Soldat selbst, der sich auf Bitten des Kleinen zum Tor hinaus gemacht hatte, ward bald eingeholt und ins Gefängnis geworfen [6].	LT 1: Kitą rytą karalius liepė po visą miestą ieškoti dukters šlepetės, Ją rado pas tą kareivį, kuris jau buvo žmogelio pamokytas ir išbėgęs iš miesto , pavijo ir įmetė į kalėjimą [7].
	LT 2: Kitą rytą karalius liepė po visą miestą ieškoti dukters kurpaitės, ir rado ją pas kareivį, o patį kareivį, kuris mažylio įprašytas buvo pasitraukęs iš miesto , greitai pasivijo ir uždarė į kalėjimą [8].

	<p>EN 1: Next morning the King had every inch of the town searched for his daughter's shoe. It was found at the soldier's, and the soldier himself, who at the entreaty of the dwarf had gone outside the gate, was soon brought back, and thrown into prison [9].</p>
	<p>EN 2: The next morning the king had the entire city searched for the shoe. It was found in the soldier's room, but the soldier himself had already left the city at the behest of the little dwarf. He was soon overtaken, however, and thrown into prison [10].</p>

The different ways to render the Germanic phrase *zum Tor hinaus machen* show, putting all variants together, the whole of possible combinations of different techniques to handle the given phrase:

> *išbėgti iš miesto* ‘to run away from the town’ [7] including the metonymical twist of perspectivation of Germ. *Tor* ‘gates’ > “town” (Lith. *miestas*, genitive case *miesto*) as a PART > WHOLE metonymical twist, and Germ. *hinaus machen* > “run away” (Lith. *išbėgti*) as another, more precise kind of physical movement;

> *pasitraukti iš miesto* ‘to withdraw from the town’ [8] including the same metonymical twist PART > WHOLE combined with a twist of the way how to move “withdraw” (Lith. *pasitraukti*);

> *to go outside the gate* [9] including the codified equivalents *gate* and *to go outside*, in which *to go* appears as a universal expression in English to name all kinds of movement by semantically being quite vague and therefore similar to the vague Germ. phrase *hinaus machen*;

> *to leave the city* [10] including the metonymical twist Germ. *Tor* ‘gates’ > *city* as a metonymical twist PART > WHOLE and Germ. *hinaus machen* > *to leave* as another perspective to the given physical movement.

A special form of the metonymical twist within the LOCAL RELATIONS is performed by means of grammar, thus, it is possible to name this special form local-adverbial twist. One of the frequent instances of that adverbially performed twist can be observed, for example, in GFT 4 *Stube* ‘parlour’ [6] > *vidus* ‘the inside’ [7]; in GFT 85 *Stube* ‘parlour’ [6] > *į vidų* ‘into inside’ [7]; in GFT 26 *Stube* ‘parlour’ [6] > *kai įeisi* ‘if you enter’ [8]; in GFT 27 *Stube* ‘parlour’ [6] > *į vidų* ‘into inside’ [8]. In GFT 62, *konnte man in die Stube sehen* ‘they could look into the parlour’ [6] was rendered into *galėjai vidun pažvelgti* ‘they could look into the **inside**’ [8]. Translating GFT 15 and 108, *inside* [10] was also used for Germ. *Kammer* ‘chamber’.

To complete the overview to the perspective twists within LOCAL RELATIONS, the following will present in short terms¹ more of its instances: (1) from PLACE onto OBJECT/PERSON/EVENT IN THE PLACE: in GFT 60 *Hühnerhof* ‘chicken farm’ [6] > *vištos* ‘chicken’ [7; 8]; (2) from OBJECT/PERSON onto PLACE OF OBJECT/PERSON: in GFT 82 *Bäcker* ‘baker’ [6] > *kepykla* ‘bakery’ [7]; (3) perspective twist containing a metonymical twist from an individual to his/her activity: in GFT 127 *Küchenmädchen* ‘kitchen maid’ [6] > *dirbti virtuvėje* ‘to work in a kitchen’ [7; 8]; (4) perspective twist by naming a direction instead of an object: in GFT 169 *Treppe* ‘stairs’ > *upstairs* [9; 10].

Instead of conclusions: additional remarks on perspective twists

Amongst the three major metonymical movements rendering a certain vocabulary, the metonymical twist appears in the most manifold way including especially perspective twists within the local relations. However, not only local relations are an area for perspective twists. Additionally, perspective twists can appear within other types of semantic and cognitive relations, as they are: 1) causal relations, esp. mutual twist between cause and effect; 2) within events including activities, persons, objects; 3) between events and parts of this event; 4) within functional relations including persons, objects, activities and their functions; 5) within instrumental relations; 6) within relations of existence and identification; 7) on the basis of conversion; 8) perspective twist from active voice to passive voice.

REFERENCES

1. *Graumann, C. F.* Perspective and perspectivation in discourse. An introduction / C. F. Graumann, W. Kallmeyer // *Perspective and Perspectivation in Discourse* / ed. by C. F. Graumann, W. Kallmeyer. – Amsterdam, 2002. – P. 1–11.
2. *Baldauf, C.* Metapher und Kognition. Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher / C. Baldauf. – Frankfurt/Main : Lang, 1997 – 357 p.
3. *Drößiger, H.-H.* Bemerkungen zur kommunikativen und kognitiven Charakteristik der Metonymie im Deutschen / H.-H. Drößiger ; ed. by Kalbų studijos // *Studies about Languages*. – 2004. – № 5. – S. 30–40.
4. *Dirven, R.* Conversation as a conceptual metonymy of event schemata / R. Dirven // *Metonymy in Language and Thought* / ed. by K.-U. Panther, G. Radden. – Amsterdam ; Philadelphia, 1999. – P. 275–287.
5. *Drößiger, H.-H.* Realienbezeichnungen in den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Intrakulturelle und interkulturelle Aspekte / H.-H. Drößiger. – Hamburg : Dr. Kovač, 2015. – 265 S.
6. *Grimm, J.* Kinder- und Hausmärchen. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm. Mit einem Anhang sämtlicher, nicht in allen Auflagen veröffentlichter Märchen und Herkunftsnachweisen // J. Grimm, W. Grimm ; hrsg. von Heinz Rölleke. – Stuttgart : Reclam, 2010. – 1552 S.

¹ For more detailed descriptions see [5].

7. Brolių Grimų Pasakos // Iš vokiečių kalbos vertė J. Balčikonis / transl. by J. Balčikonis. – Kaunas, 2010. – Vol. 1–2. – 735 p.
8. *Broliai Grimai*. Vaikų ir namų pasakos // Iš vokiečių kalbos vertė A. Pranas Druktenis / transl. by A. Pranas Druktenis. – Vilnius : Alma littera, 1999–2001. – T. 1–4. – 1003 p.
9. *Grimm, J.* The Complete Fairy Tales of the Brothers Grimm / J. Grimm, W. Grimm ; transl. by M. Taylor. – Ware : Wordsworth Libr. Coll., 2009. – 847 p.
10. The Complete Fairy Tales of the Brothers Grimm / transl. by J. Zipes. – N. Y. : Bantam Books, 2003. – 762 p.

E. Piirainen (Steinfurt, Germany)

“WIDESPREAD IDIOMS IN EUROPE AND BEYOND”:
BENEFITS FOR LANGUAGE WORLDVIEW?

The starting point of this paper is new insights into the uniformity of European standard languages in the realm of phraseology. Recent multilingual research has shown that cross-linguistic similarities are much greater than previously known. There are many *widespread idioms* (WIs for short), i.e. idioms that occur in a large number of languages in almost the same lexico-semantic structure. These are results of the long-term project “Widespread Idioms in Europe and Beyond” which now has been brought to an end for the time being.

The present paper intends to relate these new insights to the general theme of the International Conference “The Universal and the Culture-based in the Language Worldview”. The idea that the world is principally perceived through the medium of language, which determines the speakers’ worldview (proposed by W. v. Humboldt and later reformulated by Sapir and Whorf as the theory of “linguistic relativity”) can be found in several branches of phraseological research. This conception is usually accompanied by postulates that the analysis of figurative language allows insight into the speech community’s own culture and mentality, if not into its “national character”. My paper wants to point to some points of contact between the two research directions – widespread idiom research and language worldview research – although it will not be able to answer general questions as to what extent phraseology may be involved in constituting a worldview of a language community. Therefore, there is a question mark in the title of the paper.

In the following, I first want to discuss the terminology used here and briefly outline the project “Widespread Idioms”, especially with regard to the causes of the wide distribution of idioms across a number of languages. Subsequently, we will have a look at the opposite, at two lesser-used languages at the edge of Europe, which differ fundamentally from the standard European languages in terms of their phraseology. Along with this the question arises as to whether connections to the problem of language worldview can be established.

Terminology

For the object-language units discussed in this paper, I prefer the term *figurative lexical unit* to *phrase* or *phraseologism*, because the definition of the latter terms requires the criterion of polylexicality. Phrasemes must consist of more than one word. This term is unsuitable for a multilingual approach, as a figurative multiword unit of one language may well correspond to a figurative compound or figurative one-word of another language. The term *figurative lexical unit* (FLU) includes the following definition criteria: Firstly, FLUs have the characteristic of *conventionalization*. They are elements of the mental lexicon. Their form and meanings are fixed (within a certain standard variability), that is, they are lexicalized – in contrast to freely created figurative expressions, such as poetic or ad-hoc-metaphors. Secondly, FLUs have the property of semantic ambiguity. They consist of two conceptual levels: they can be interpreted at the level of their literal reading and at the level of their figurative meaning – which both can be activated simultaneously. In most cases, the primary reading is connected with fragments of world knowledge and evokes a mental image. *Idioms* are the prototypical units of the group of figurative lexical units. What is most important: FLUs such as idioms differ from non-figurative units (it means: from all other elements of language) by these two conceptual levels. We will return to this peculiarity when it comes to uncovering the causes of the wide spread of idioms.

Let us illustrate this ambiguity by an example, the idiom *to swim against the current/stream*. The literal reading evokes an image: one can imagine how a person is swimming against the current of a river or the like. This image is a good basis to compare a person's behavior and is mapped onto a more abstract concept. The figurative meaning of the idiom can be formulated as 'to go against prevailing opinion or thought; to think or act contrary to the views of the majority at the time (*as if* the person was swimming against the current of a river or the like)'.

We need yet another definition, that of the term *widespread idiom* which has been introduced into linguistics only recently. The working definition is: "Widespread idioms (WIs) are idioms that – when their origins and particular cultural and historical development is taken into account – have the same or a similar lexical structure and the same figurative core meaning in various different languages, including geographically distant and genetically unrelated languages" [1, p. 62]. Our example *to swim against the current* is such a widespread idiom. It is reported to exist in about 58 European and several non-European languages; cf., for example, Icelandic *að synda móti straumnum*, North Frisian *töögen di Stroom swum*, Romanian *a înota împotriva curentului*, Lithuanian *prieš srovę plaukti*, Russian *плыть против течения*, Estonian *vastuvoolu ujuma*, Tatar *агымга каршы йозу*, Mongolian *урсгал сөрж сэлэх*, Vietnamese *bói ngược dòng*, Korean *sorui-reul geoseureu-da*, etc., all translating literally as "to swim against the current/tide" and figuratively meaning roughly the same as outlined above.

Wide dissemination of figurative lexical units: possible causes

Let me summarize the main points of the project "Widespread Idioms in Europe and Beyond". The main objective was to identify as many WIs as possible

by means of systematic investigation. An important step was to build up a network of competent participants for many languages. A wealth of questionnaires has been designed. They were sent in several stages to the growing number of respondents who patiently completed them for their native languages. 78 European and 20 non-European languages took part in the project. Indo-European languages make up the largest group, followed by Finno-Ugric and Turkic languages, Maltese, Georgian and Basque. Among the European languages there are about 40 major languages and about 38 varieties that can be subsumed under the term *lesser-used languages*, due to their sociolinguistic status.

Clear results have emerged, all of which came as a real surprise. About 500 WIs were identified so far. From the beginning, the goal has been to examine these idioms in their cultural context and to clarify their origin. Now we know which Europe-wide common idioms actually exist and which chronological layers they may be assigned to. By far not all widespread idioms are of ancient or biblical origin, as has often been claimed. In many cases there were unpredictable results in terms of which figurative units actually are common and which ones fell short of our criteria. The results are published in the two volumes “Lexicon of Common Figurative Units” [1; 2].

At this point we should look at the potential causes of the spreading of figurative units across many languages. It should be noted that the 500 WIs are quite a heterogeneous group and each idiom has its individual history. First of all, there are *loan translations* and *borrowings*. They take place constantly, across language boundaries, and especially in situations of bilingualism. A language may adopt a new idiom by using it first as a loan translation, before it becomes transformed into a unit of the lexicon of the new language. This concept explains restricted regional borrowings, but cannot explain the wide dissemination of an idiom in total. There is no center from which all languages of Europe and beyond could have borrowed it. The increasing influence of English is a modern phenomenon and can be neglected here. Secondly, *polygenesis* would have to be considered. By this term is meant that lexically and semantically “similar idioms” have come into being independently in several languages, due to common human experiences and common perceptions of the world. This concept may apply to some cases, but cannot explain the totality of widespread idioms.

There is yet one further attempt of explaining the wide spread of idioms, namely *the independent recourse* of various individual languages to *the same textual source*. As for idioms of biblical origin, there is usually no doubt that most of them go back to direct access to one of the diverse translations of the Bible into individual languages. Many other WIs also go back to once well-known texts, to stories told by classical authors, to fables, folktales, literary works, etc. For these WIs it may be true as well, that they are not primarily borrowed from one language into another in each individual case. Rather, a conclusion may be that it is not only the idioms that are spread across many languages, but the texts themselves were widely disseminated so that they both *caused* and *supported* the wide spread of the idioms.

This explanation of the causes of a wide distribution of idioms is closer connected with the specifics of idioms than all other explanations. As outlined above, CFUs such as idioms are processed on two conceptual levels and it is precisely their “literal reading” which is connected with text knowledge or fragments of world knowledge that were widespread themselves and allow an independent recourse by individual languages. However, there is no monocausality. In view of our idiom *to swim against the current* all these causes must have come together: borrowings since the Middle Ages, polygenesis due to the relevant image and, above all, independent recourse of various languages to the once well-known textual sources. The idiom can be traced back to a verse of the Bible; it was already in circulation in antiquity and used by prominent persons throughout the centuries. Erasmus of Rotterdam included it in his influential “Adagia” (1500ff.) and Pieter Bruegel the Elder depicted it in his famous painting “The Netherlandish Proverbs” (1559). All these facts may have contributed to the wide dissemination.

Language worldview: Eurolinguistics and cross-linguistic research

The data gained by widespread idiom research could now be questioned about their relevance for the worldview problem. There are some opposing opinions on this topic. I would like to briefly mention two of them. One interpretation comes from *Eurolinguistics*, a quite young linguistic discipline which does not try to emphasize the differences but rather the similarities of European languages, including genetically unrelated languages. Representatives of Eurolinguistics postulate a “common European worldview” which is different from the worldview of all other languages. Allegedly, this common worldview manifests itself in proverbs and idioms which are spread across many European languages.

In his *Handbuch der Eurolinguistik* Uwe Hinrichs used our example in order to prove this postulated common European worldview. He claims that phrases like *to swim against the stream* are – with slight variation – common in almost all languages of Europe and show a common conceptualization of perception [3, p. 943]. The author did not study widespread idioms himself but adopted some results which were available on the homepage of the widespread idiom project at that time. From the perspective of widespread idiom research everything is wrong with this assertion. The idiom’s history has not been taken into account. Such a popular idiom could easily be incorporated into many other, non-European languages. As stated above, equivalents are well-known in various languages outside of Europe. The idiom is by no means a proof of any “common European conceptualization”. We want to distance ourselves from such biased Eurocentric ideas.

My second instance comes from the realm of *cross-linguistic phraseology*. According to certain research traditions, figurative lexical units were considered to be a highly distinctive part of a language, which led to the idea that idioms were unique to a particular language, had no parallels among the idioms of other languages, and even provided the basis for an “idiosyncratic worldview”, like a mirror of national culture or mentality (cf. works of Russian linguo-cultural research, e.g. [4; 5]). A number of representatives of these ideas can still be found

in the field of contrastive phraseology, especially bilingual studies. I want to illustrate the problem by an example, deputizing for similar cases. I am referring to a trilingual study on English, Russian and Tatar idioms [6]. The author discovers a wide range of similarities between idioms of these three languages. She writes about the idiom *by the sweat of one's brow*: “When a Russian works very hard his face sweats (*в поте лица*), whereas sweat will be on the Englishman's brow and the Tatar's forehead (*мангай тире белэн* – with sweat on the forehead).” What is striking from this trilingual viewpoint are the differences of the three constituents *face*, *brow* and *forehead*, and the author has an explanation for this: “Such differences in the componential structure of interlingual phraseological equivalents cannot be due to any other factor than people's differing mentalities, linguistic images of the world, or the associations speakers of these languages make” [6, p. 51].

This statement is all wrong. Rather, the three idioms are a good example of an independent recourse to the same textual source outlined in section 3 (they go back to the well-known passage in the Old Testament, *Genesis* book 3). The “differences in the componential structure” clearly refer to the different Bible translations and have nothing to do with a “mentality” or “images of the world”. It is a widespread idiom which has equivalents in at least 60 European languages. The point is here to illustrate this kind of indifference towards the real cultural, historical and multilingual background of idioms in bi- or trilingual studies. Results of the project “Widespread Idioms” should be included in a modern phraseography from now on. A reference to the WI status, i.e. to the fact that an idiom is spread across a large number of languages in idiom dictionaries would be sufficient in avoiding such errors.

Lesser-used languages at the edge of Europe

Up to this point, we looked at the similarities of the European languages as they resulted from the widespread idiom project. However, there are also languages that reveal significant contrasts to these consistencies of standard written languages. Let us consider two small languages at the edge of the European continent, Sami and Basque. Both languages belong to the oldest layer of European languages and both existed for a long time primarily in oral form. Both languages have been well investigated with regard to their figurative lexicon. These studies reveal images and concepts which are truly unparalleled by all other European languages studied so far.

For reasons of space we can only briefly touch on the pioneering work by Anna Idström [7; 8; 9] on *Inari Sami*, a declining language spoken by about 350 people in North Finland. Until the 1900s Sami culture was fundamentally different from that of other societies in Europe; it was based on reindeer-husbandry, fishing and hunting in the arctic living conditions. Accordingly, the Sami figurative lexicon has its own images which do not comply with the system of conceptualizations known from other European languages, reflecting the traditional culture and way of life of this indigenous people, their knowledge of nature, weather conditions, animal behavior, etc. This does not mean that similar

images could not occur in other languages, for example, in languages of the Arctic region with the same climatic conditions, such as the Komi languages or Tundra Nenets spoken in northern Russia. However, there are no studies on the figurative lexicon of these languages.

Basque is an isolate, spoken on both sides of the Western Pyrenees. Basque has also preserved some outstanding concepts, which are completely unknown in other European languages [10; 11]. This can be illustrated by conceptualizations of body parts. All European standard languages have the same semiotizations of HEAD and HEART, without exceptions. HEAD is seen as the location of intellectual activities and HEART is the imaginary organ of positive emotions. This is due to the “Cartesian duality” of HEAD and HEART in Western culture (cf. [12]). Hundreds of idioms of all European standard language reflect this division into “intellect” and “emotions” as two separate entities. Among them are some widespread idioms, e.g. *to lose one’s head* or *to take something into one’s head* (with HEAD as the center of rationality) and *to have a heart of stone*, *to have a heart of gold*, *from the bottom of one’s heart*, *to break someone’s heart* (where HEART is seen as the center of emotions).

In contrast to this uniformity, the pre-Indo-European Basque has a pre-Cartesian concept: GOGO which comprises both intellect and emotions at the same time. As Ibarretxe-Antuñano [11, p. 267] puts it: “... *gogo* harmoniously unites these two apparent contrary concepts in one; in a way, *gogo* is a kind of *primitive thought* or *rational soul*, where there is an intellectual reasoning process, but one based on intuition and emotion; or to put it in another way, an intellectual reasoning process prior to any distinctions between feelings and thought – which, in fact, implies that reason and feelings are not differentiated at all.” Examples show the wide scope of meanings of GOGO in Basque CFUs. On the one hand, intellect and thought can be in the fore, comparable to the functions of HEAD in other languages, as in the expressions *gogo argi* “gogo light” ‘bright mind’, *gogamen* ‘intelligence’, *gogoeta* ‘thought’ or *gogo-an izan* “gogo-LOC be.PFV” ‘to remember’. On the other hand, emotions and feelings can be the focus, similar to functions of HEART, cf. Basque *gogoalai* “gogo.happy” ‘jovial, cheerful’, *gogo-a berotu* “gogo-ABS heat.PFV” ‘to encourage’, *gogo-ak izan* “gogo-ABS.PL have.PFV” ‘to feel like’, *gogohandi* “gogo.big” ‘magnanimous, generous’ and the like [Ibid, p. 266].

Again, this phenomenon is not uncommon when we turn our attention to languages of distant continents and cultures. Various languages worldwide have conceptualizations of “unusual” inner organs (like gall bladder, liver, abdomen, belly) which are seen as location of the mind and the emotions at the same time – a fact that distinguishes them from semiotization of body parts in the European standard languages.

Conclusions

We have put forward various data from the figurative lexicon of several languages, which should be discussed within the framework of the general topic about “the universal” and “the culture-based” in language worldview.

Nevertheless, we would need more empirical material. Only less than one percent of the about 7,000 languages of the world have been investigated in terms of their phraseology. In view of such a small empiric basis we never may speak of *phraseological universals*. On the other hand, all people are culturally determined and it is widely accepted that figurative lexical units such as idioms reflect important aspects of the culture, history and environment of a language community: a fact that makes terms like *culture-specific*, *culture-based* or *culturally bound* in the context of phraseology almost empty.

The idea that the figurative lexicon of a given language provides the basis for an idiosyncratic cultural worldview that mirrors some national-cultural character and mentality originated in national romantic thinking, which thought of nations as being identical to languages or cultural communities. However, the supposition that the analysis of idioms can contribute to uncovering information about a specific mentality or worldview of a language community is largely disputed since terms like *national culture* or *national mentality* lack any operational definitions in phraseology. The main objections come from the fact that most of the empirical data are taken from one single language. Compare the above mentioned “linguocultural studies” mainly carried out by a group of researchers in Russia, who start directly from Humboldt’s or Sapir’s and Whorf’s idea of linguistic relativity. For this group, “[p]hraseological material can help reveal the universal and the culturally peculiar in the mentality of this or that linguocultural community. Moreover, these data can serve as an empirical basis for verifying the linguistic relativity hypothesis” [4, p. 792].

What has been overlooked was the fact that – in no region and at no time – a language community can be equated with a people, a nation or a cultural community. Overlooked was also the fact that such ideas are based on the assumption that linguistic and cultural features develop in parallel ways. However, the emergence of idioms in a given language and the development of a mentality do not represent parallel processes. Data of the widespread idiom project provide many examples of this finding. For example, we now can answer the question whether there may be a connection between the existence of biblical idioms in certain languages and the speaker’s affiliation to specific religious communities and confessions. Several idioms of characteristically biblical origin are popular in East Asian languages, for example equivalents of “to bear one’s cross” in Korean, Chinese and Japanese. This is also true for European languages whose speakers are predominantly Muslim. Conversely, idioms that go back to Hinduism or Buddhism are quite popular in European languages, cf. the WIs *the/a sacred cow* or *to contemplate one’s own navel*. This is an important result. It is precisely the strangeness that has made the use of these idioms so popular, and not a relation to the uniqueness of the speakers’ culture and/or mentality.

What is certain is that we need much more empirical data, especially from languages outside the Western cultural area and from languages that are predominantly used in oral form. Already two declining minority languages,

geographically belonging to Europe, are able to show that certain images and concepts of their figurative lexicon may well be “idiosyncratic”, it is to say: are completely unknown in the languages which have been examined so far. This paper would like to encourage linguists to carry out new empirical research on conventional figurative units in order to expand the theoretical framework of phraseology and language worldview theory.

REFERENCES

1. *Piirainen, E.* Widespread Idioms in Europe and Beyond. Toward a Lexicon of Common Figurative Units / E. Piirainen. – N. Y. [etc.] : Peter Lang, 2012. – 591 p.
2. *Piirainen, E.* Lexicon of Common Figurative Units. Widespread Idioms in Europe and Beyond / E. Piirainen, J. A. Balázsi. – N. Y. [etc.] : Peter Lang, 2016. – Vol. II. – 778 p.
3. *Hinrichs, U.* Geschichte der Eurolinguistik / U. Hinrichs // Handbuch der Eurolinguistik. – Wiesbaden, 2010. – S. 931–952.
4. *Teliya, V. N.* Phraseological Entities as a Language of Culture (Methodological Aspects) / V. N. Teliya // EUROPHRAS 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt / ed. by W. Eismann. – Bochum, 1998. – S. 783–794.
5. *Teliya, V. N.* Phraseology as a Language of Culture: Its Role in the Representation of a Collective Memory / V. N. Teliya [et al.] // Phraseology. Theory, Analysis, and Applications / ed. by A. P. Cowie. – N. Y., Oxford, 1998. – P. 55–75.
6. *Ayupova, R.* The convergence of languages and its influence on the phraseological fund / R. Ayupova // Fixed Expressions in Cross-Linguistic Perspectives. A Multilingual and Multidisciplinary Approach. – Hamburg, 2008. – P. 45–53.
7. *Idström, A.* What Inari Saami idioms reveal about the time concept of the indigenous people of Inari / A. Idström // Yearbook of Phraseology. – Berlin, 2010. – № 1. – P. 159–177.
8. *Idström, A.* Antlers as a metaphor of pride. What idioms reveal about the relationship between human and animal in Inari Saami conceptual system / A. Idström // Endangered Metaphors / ed. by A. Idström, E. Piirainen. – Amsterdam, Philadelphia, 2012. – P. 275–292.
9. *Lovick, O.* Walking like a porcupine, talking like a raven. Figurative language in Upper Tanana Athabascan / O. Lovick // Endangered Metaphors / ed. by A. Idström, E. Piirainen. – Amsterdam, Philadelphia, 2012. – P. 103–122.
10. *Ibarretxe-Antuñano, I.* Guts, heart and liver: the conceptualization of internal organs in Basque / I. Ibarretxe-Antuñano // Language, Body, and Culture: Cross-linguistic conceptualizations of Internal Body Organs. – Berlin, 2008. – P. 103–129.

11. *Ibarretxe-Antuñano, I.* The importance of unveiling conceptual metaphors in a minority language: The case of Basque / I. Ibarretxe-Antuñano // *Endangered Metaphors* / ed. by A. Idström, E. Piirainen. – Amsterdam, Philadelphia, 2012. – P. 253–273.

12. *Niemeier, S.* To be in control: kind-hearted and cool-headed. The head – heart dichotomy / S. Niemeier // *Language, Body, and Culture: Cross-linguistic conceptualizations of Internal Body Organs*. – Berlin, 2008. – P. 349–372.

З. А. Харитончик (Минск, Беларусь)

МНОГОКРАТНОСТЬ ДЕРИВАЦИОННЫХ АКТОВ ИЛИ ШИРОКОЗНАЧНОСТЬ МЕТАФОРЫ

Опора в ходе номинативных процессов на уже имеющиеся в системе языка лексические единицы и выбор из вокабуляра в первую очередь тех слов, за которыми закреплено знание об объектах, явлениях или свойствах, типичных для окружающей носителей языка среды, доступных для восприятия, выделяющихся своей практической значимостью и т.п., с одной стороны, а также богатство известных носителям языка характеристик данных объектов, с другой, предопределяют возможность неоднократного использования имени в номинативных целях и, как следствие, открытость семантической структуры производного слова.

Существует принципиальное различие между многократным использованием имени в различных его значениях (ср., например, англ. *meaty* ‘мясной; информационно насыщенный’), ведущим к возникновению отраженной полисемии дериватов, между неоднократным использованием имени в качестве производящей базы в одном и том же ее значении с целью передачи различных смысловых модификаций (ср., например, *colicky* ‘страдающий от колики; вызывающий колику’) и актуализацией из репрезентируемой концептуальной структуры, к которой имя открывает доступ, не одной, а многих ее характеристик. Свободный выбор из общего знания, например, о лице сведений о ее внешнем виде (*One of his friends was, indeed, heavy around the hips and bottom, almost bellshaped, the third was small and foxy*)¹, своеобразной форме головы (*his foxy face*), о хитрости и интеллекте (*the long line of those men and women of experience and the most foxy intelligence*), о специфическом (рыжем) цвете меха (*a straight mass of red-gold hair, in cold King’s Chapel, more golden than foxy Frederica’s*), запахе (*its foxy breath*) и других качествах позволяют говорящим многократно использовать сравнение с данным животным для выражения специфических качеств человека, значительно расширяя выразительные возможности данного языка.

¹ Все примеры взяты из Британского национального корпуса английского языка (BNCE).

Материал разных языков (в первую очередь славянских, германских, романских и др.) убедительно демонстрирует широту свойств обозначаемых объектов, выбираемых из содержания производящих баз – источников наименования в качестве оснований для связывания с тем, что требует названия – целями номинации. В контексте данной работы нас, однако, интересует не столько этот, несомненно, важный и актуальный аспект деривации, сколько интерпретация семантики производных единиц в их компаративных значениях и пути ее исчерпывающего описания.

Казалось бы, наиболее оптимальным способом дескрипции данных производных, в основе семантики которых лежит метафора, может стать перечисление всех возможных свойств, связываемых с содержанием производящих баз, и вытекающие из этого многозначность и открытость семантической структуры производного слова. Однако необходимость разграничения актуального и потенциального, узуального и окказионального ставит исследователя, выбравшего данный путь, перед неразрешимой задачей. Не случайно лексикографы, приоритетом которых всегда было исчерпывающее и непротиворечивое описание семантики лексических единиц, в том числе и производных слов в их компаративном(-ых) значении(-ях), предпочитали указание типа «такой как, свойственный тому, что называется производящим словом» или просто отсылку к производящему слову. Несомненным преимуществом этого описания является, на наш взгляд, открытость семантической дескрипции, его недостатком – то, что получатель сообщения вынужден, опираясь на свой собственный опыт и на контекст, разрешать весьма непростую задачу идентификации передаваемого содержания.

Для лексиколога же данная проблема предстает еще в одном аспекте, а именно в плане характеристики передаваемого содержания как моносемии, полисемии или же широкозначности – особом типе значения, предложенным В. Я. Плоткиным и Л. Я. Гросулом. Думается, что широкозначность наилучшим образом отражает сущность передаваемых в результате метафоры смыслов, ряд которых могут получить статус узуальных значений, а многие остаются на уровне контекстуальных, прагматических реализаций некоторой информации, заключенной в концептуальных структурах. Вероятно также, что благодаря широкозначности метафоры, скрытой за формой имени, говорящий получает возможность избежать многократного повторения деривационного акта, обращаясь вновь и вновь к одному и тому же производящему слову. Вместо этого он, опираясь на сравнение, выбирает подходящее для него основание, уточняя формулу сравнения и делая его полным и по-новому звучащим.

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА

А. А. Биюмена (Минск, Беларусь)

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Современная лингвистическая наука рассматривает метафору не просто как сокращенное сравнение, используемое лишь для украшения речи, а как способ заимствования идей и смены контекста. Представители интеракционной теории понимают метафору как взаимодействие между обозначаемым и образным средством – «содержанием» и «оболочкой». Когнитивная лингвистика изучает метафору как основную ментальную операцию, универсальный способ познания и структурирования мира, представляющий собой проецирование одной понятийной сферы на другую понятийную сферу (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов и др.). Основной постулат теории концептуальной метафоры заключается в том, что метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует (Дж. Лакофф, М. Джонсон). При широком понимании метафоры к ней относят любые способы косвенного выражения мысли (Н. Д. Арутюнова).

Когнитивный механизм воздействия метафоры основан на профилировании, т.е. высвечивании определенных сторон человеческого опыта и обеспечении их связности посредством метафорических следствий.

Высокая степень метафоризации свойственна любому типу персуазивной коммуникации и, в частности, политическому дискурсу. Политические лидеры активно используют метафору, чтобы доступно объяснить людям сущность сложных социальных и политических процессов. Метафора в речи политиков навязывает адресату определенную оценку событий общественной жизни, выступая, таким образом, одним из важнейших средств воздействия в политической речи.

Чтобы выявить особенности метафорического моделирования действительности в современном российском политическом дискурсе, мы проанализировали метафорические модели, которые реализуются в текстах публичных выступлений представителей большой и малой политики этой страны. Вслед за А. Н. Барановым, под метафорической моделью мы понимаем тематически связанные поля исходных проецируемых понятийных сфер [1, с. 79].

Исследователи выделяют универсальные (персонификация, абстрактизация, синестезия) и частные метафорические модели. К числу частных метафорических моделей, по классификации А. П. Чудинова, относятся антропоморфные метафоры, отражающие взгляд на человека как на центр мироздания, а также метафоры природы, выражающие отношения человек – природа, социальные метафоры (отношения человек – общество) и артефактные метафоры (отношения человек – результаты его труда) [2].

Наиболее широко в исследуемых текстах используются различные виды *антропоморфных метафор* (31,47 % всех метафорических словоупотреблений). К частотным моделям антропоморфной метафоры в материале исследования относятся модели ГОСУДАРСТВО (ОБЩЕСТВО) – это ЧЕЛОВЕК и ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ – это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ: *Но мы также знаем, что Советский Союз **потерял** за эти годы войны десятки миллионов своих граждан* (В. Путин) (здесь и далее выделено нами. – А. Б.); *Этот форум оказался **долгожителем*** (С. Нарышкин); *Жаль, что в городе, который буквально **выстрадал** свободу, ...вновь **поднимает голову** агрессивно-послушное большинство* (С. Миронов); *Коррупция **поразила все органы** государственной власти* (Г. Зюганов); *Республики, края и области просто **душит** безденежье* (Г. Зюганов); *Обескровлена система подготовки в профтехучилищах...* (Г. Зюганов); *Да, не наше поколение политиков **заразило страну этим недугом**, но всем нам придется этим заниматься. И «Гражданская платформа» не только **ставит диагноз**, но **дает конкретные методы лечения*** (М. Прохоров).

Как видно из приведенных примеров, при сравнении государства с человеческим организмом наиболее востребована модель ГОСУДАРСТВО – ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ, особенно это характерно для речи оппозиционных политиков, критикующих действующую власть.

В исследуемом материале весьма обширно представлены также антропоморфные метафоры с использованием понятийного поля «путь», «транспортное средство». Чаще всего политики используют фрейм РАЗВИТИЕ СТРАНЫ (ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА) – ПУТЬ: *И сегодня Россия **следует тому курсу**, во внешней политике, о котором всегда говорила ЛДПР* (В. Жириновский); *Но мы предлагаем **другой путь** – **путь** многостороннего взаимодействия, основанного на принципе равной и неделимой безопасности* (С. Шойгу); *Запад **взял курс** на «вертикальное структурирование человечества»* (С. Лавров); *Считаю, что это решения в **правильном направлении*** (Д. Медведев); *Просто нам нельзя от этого **отставать*** (Д. Медведев); *Они прислали в СССР целую делегацию, которая подготовила... доклад о причинах **прорыва** Страны Советов и **отставания** США* (Г. Зюганов).

Во всех данных метафорических словоупотреблениях акцентируются семантические признаки «движение к цели», «движение вперед». Активность дорожной метафоры в речи политиков подтверждает и тот факт, что именно единицы, относящиеся к данной понятийной сфере, склонны к развертыванию метафорического образа, когда метафора выполняет текстообразующую функцию, «вплетая» в текст все новые слова из соответствующей понятийной области: *С тех пор как закончилась эпоха глобальной конфронтации, мы значительно **продвинулись к высокой цели** – к обеспечению мира и спокойствия в Европе. Мы строим свою политику на идеалах свободы и демократии, на праве каждого из государств самостоятельно выбирать свой **путь развития**. Мы строим ее на доверии и поиске цивилизованной*

перспективы для всех народов. Включая тех, кто **прошел** через трудный опыт прошлой конфронтации и смог **найти новую дорогу** к международному диалогу и сотрудничеству (В. Путин).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что метафора активно используется в современном российском политическом дискурсе как способ смыслопроизводства и конструирования социальной действительности, а самыми распространенными антропоморфными метафорами в речи российских политиков являются медицинские и дорожные метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
2. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

А. А. Водяницкая (Москва, Россия)

МНОГОЛИКАЯ ОЦЕНКА: К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЗАЦИИ ОЦЕНИВАНИЯ

Взгляд на историю развития лингвистической мысли в области оценочной проблематики открывает пестрый ландшафт из определений и трактовок понятия оценки наряду с разнообразием подходов к изучению данного феномена и методов его исследования. Так, например, исследование оценки в отечественной лингвистике происходит в неразрывной связи с изучением понятий экспрессивности, эмоциональности, коннотативности, модальности и т.п., тогда как разграничение этих понятий, выделение доминирующего компонента в каждом отдельном случае употребления языковых единиц с оценочной семантикой зависит от научной парадигмы, в рамках которой осуществляется то или иное исследование.

Аналогичная картина прослеживается и в зарубежных исследованиях: ярким примером подобного разнообразия во взглядах на оценку служит монография, подготовленная коллективом авторов оксфордской лингвистической школы и сочетающая в своем названии два именованя данного понятия: *evaluation* и *authorial stance* [1]. При этом редакторы монографии подчеркивают, что общность авторов в выборе антропоцентрического подхода к изучению оценки не препятствует использованию различных терминов для ее обозначения, таких как *evaluation* ‘оценка’, *appraisal* ‘похвала’, *stance* ‘позиция’, *connotation* ‘коннотация’, *judgement* ‘суждение’, *attitude* ‘отношение’ и т.п. Невозможность соединения в названии книги всех этих терминов авторы компенсируют с помощью обобщенного слова

evaluation ‘оценка’ и словосочетания *authorial stance* ‘позиция автора’. Невозможность включения в название слова *appraisal* – ‘похвала’ авторы объясняют следующим образом: *our title attempts to hedge our bets by talking of evaluation and stance (we could have tried to fit in appraisal, but that would probably be a hedge too far). So far, so confusing*) (здесь и далее перевод наш. – А. В.) [1, р. 2] – ‘Мы стараемся обезопасить себя с помощью объединения понятий оценки и авторской позиции в названии монографии (мы могли бы использовать и понятие похвалы, но это была бы чрезмерная страховка). Чрезмерная и приводящая в замешательство’. Как показывает анализ данных высказываний, оценка требует большой осторожности в обращении с собой.

Подчеркивая сложный характер оценки, редакторы монографии отмечают: *we have to go one more step before the mists may start clearing* [Там же] ‘нам придется сделать еще один шаг, прежде чем туман начнет рассеиваться’. Данная метафора используется по отношению к понятию оценки в связи с тем, что слово *mist*, наряду со своим словарным эквивалентом ‘туман’, используется для обозначения того, ‘что усложняет понимание’. В данном случае подчеркивается сложность оценочной проблематики.

Описывая структуры, способствующие выявлению функций оценочных прилагательных, С. Ханстон и Дж. Синклер отмечают: *One look at the patterns above gives reason for cautious optimism* [2, р. 91] – ‘Одного взгляда на приведенные выше структуры достаточно, чтобы у нас появился осторожный оптимизм’. Являясь в определенной степени оксюмороном, словосочетание *осторожный оптимизм* подчеркивает многогранность оценки как понятия, а также выражает чувства исследователей, которые сравнивают оценку с такими категориями языка, которые трудно рассматривать в рамках общепринятой грамматики. Авторы подчеркивают, что для изучения оценки необходима собственная грамматика, и сравнивают ее с *leftovers*, букв. ‘остатками еды, объедками’, поскольку оценка, являясь центральной категорией языка, тем не менее, не может быть описана в рамках общей грамматики и нуждается в так называемой локальной грамматике.

Если у зарубежных лингвистов метафоризация процессов оценивания происходит по линии чувств, которые вызывает исследование оценки, то у российских исследователей метафора может отражать определенный подход к изучению оценки. Так, например, Н. Н. Миронова в исследованиях, посвященных оценочному дискурсу, говорит об оценке как о «прагматическом сигнале высказывания» [3], подчеркивая тем самым факт рассмотрения оценки в русле прагматического подхода. Т. В. Писанова, исследующая этические и эстетические оценки в испанском языке, отмечает, что «оценочные значения отмечены печатью негласного патриархата, характерного для сообщества испаноязычных народов» [4, с. 270]. Метафора *отмечены печатью* относится к результатам исследования.

Отдельного рассмотрения заслуживают оценочные метафоры, с помощью которых исследователи выражают свое отношение к тем или иным теориям, явлениям и подходам. Например, В. И. Шаховский, рассматривая

проблемы лингвоэкологии, пишет о словах «ватной» семантики, частое употребление которых приводит к их обесцениванию [5]. Метафора *ватная семантика* показывает негативное отношение автора к действиям говорящих на том или ином языке. Как представляется, исследование оценочной метафоры в лингвистических трудах заслуживает отдельного тщательного рассмотрения.

В качестве перспективы исследования видится изучение различий восприятия понятия оценки учеными, принадлежащими к различным лингвокультурам, что, как представляется, выдвинет на передний план вопрос о ценностной составляющей семантики языковых единиц (подробнее см. [6]).

«Теория метафоры убедительно демонстрирует то, как человек моделирует мир по своему подобию» [7, с. 69]. Эти слова в полной мере можно отнести и к оценочной метафоре. Некоторые результаты данного исследования позволяют (в первом приближении) сделать вывод о том, что оценка, в силу своей многогранности, вызывает у ученых различные ассоциации, которые материализуются в тексте в виде оценочной метафоры, отражающей определенный этап изучения оценки или подход к ней, а также чувства и эмоции исследователя, возникающие в процессе изучения данного феномена. В этой связи открытым остается вопрос об онтологии метафоризации оценивания: идет ли речь исключительно об идиостиле исследователя, его личных научных предпочтениях, о природе оценки, или все эти факторы взаимосвязаны и взаимодополняемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / ed. by S. Hunston, G. Thompson. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1999. – 226 p.
2. Hunston, S. A Local Grammar of Evaluation / S. Hunston, J. Sinclair // Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / ed. by S. Hunston, G. Thompson. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1999. – P. 74–101.
3. Миронова, Н. Н. Оценка как прагматический компонент высказывания / Н. Н. Миронова // Вестн. МГЛУ. – 1994. – Вып. 420 : Грамматика и речевая деятельность. – С. 74–80.
4. Писанова, Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки / Т. В. Писанова. – М. : ИКАР, 1997. – 320 с.
5. Шаховский, В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ИП Поликарпов И. Л., 2016. – 504 с.
6. Богданова, Л. И. Ценностный аспект в описании семантики языковых единиц / Л. И. Богданова // Вестн. МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2017. – № 1 (25). – С. 50–57.
7. Сулейманова, О. А. Семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения / О. А. Сулейманова // Вестн. МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3 (19). – С. 69–75.

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛЕКСЕМ С КОРНЕМ -ЛЮБ-
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СЛАВЯН

Создателем и центром языковой картины мира по праву считается человек. В языке, его семантике и прагматике запечатлены результаты и особенности познания людьми как окружающего мира, так и самих себя. Сама языковая картина мира является результатом непрерывной духовной лингвотворческой деятельности человека.

Именно язык реализует и вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Одно и то же понятие, одна и та же часть реальности могут иметь разные формы языкового выражения в разных языках (более или менее полные) и/или различаться своей семантической емкостью. Люди членят мир, организуют его в понятия и распределяют значения так, как это навязывается им родным языком. Познание не имеет объективного, общечеловеческого характера: сходные явления складываются в разные картины из-за различий в мышлении, навязываемых различиями языков. Отсюда неизбежно следует, что полное взаимопонимание между представителями разных культур, говорящих на разных языках, принципиально невозможно: языки воздвигают между мышлением людей разной культуры непреодолимый барьер – видение мира по-своему.

Показателен в этом отношении анализ лексической семантики слова *любовь*, которое в современном русском литературном языке употребляется в трех основных значениях: 1) чувство глубокой привязанности, преданности кому-либо, чему-либо, основанное на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах; 2) чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; 3) внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо [1, с. 434–435]. Вызывают интерес данные словаря русского языка XI–XVII веков, в котором, помимо близких к выше обозначенным значениям, зафиксирована сема ‘мир, согласие; мирный договор’ [2, с. 330–331], ее же находим и у И. И. Срезневского [3, с. 87–89].

Слово *любовь* является общеславянским по происхождению и представляет собой суффиксальное производное от прилагательного **l'ubъ*, восходящего, по мнению Ю. Покорного, к индоевропейскому корню **leubh-* ‘любить, желать’¹; милый, дорогой, любимый’ [4, S. 683–684]. Думается, однако, что в качестве первоначального могло выступить значение ‘давать обет’, ‘обещать’: Ср. словен. *ljúbiti* ‘любить, ласкать; обещать, заверять; нравиться’ [5, с. 174], н.-луж. *lubiś* ‘свято обещать, дать слово’ [6, с. 842],

¹ Интересно, что в немецком языке значение ‘хотеть, желать’ имеет глагол *wollen*, а в сербском и хорватском *волети* означает ‘любить’.

в.-луж. *lubić* ‘свято обещать, давать обет’ [7, S. 863], а также континуанты индоевропейского **leubh-* : др.-в.-нем. *lobōn* ‘обещать’, *gilubida* ‘обет’ [4, S. 684] и сохраняющие первоначальную семантику приставочные производные глагола *lubiś* в нижнелужицком языке: *nalubiś* ‘много наобещать’, *pólubiś* ‘пообещать’, *pśilubiś* ‘обещать’, *zalubiś* ‘заклясться, заречься, забожиться’, *zlubiś* ‘пообещать, обручить’, *zlubiś se* ‘обручиться’, *pśizlubiś* ‘посулить, обещать’, *rozzlubiś se* ‘не сдерживать слово’ [6, с. 842]. Необходимо отметить, что семантика различных префиксов не оказала существенного влияния на исконное значение корня приведенных глаголов, что не является закономерным и свидетельствует о прочности закрепления указанного значения за продолжениями древнего протоиндоевропейского образования. Ср. также родственные польск. *ślub* ‘обет, клятвенное обещание, клятва, зарок’, ‘брак, бракосочетание’, *ślubować* ‘клясться, присягать, давать обет, зарок’, *ślubowanie* ‘присяга, клятва, обет’, чеш. *slib* ‘обещание, обет’, *slibiti* ‘обещать’, *slibovati* ‘обещать, давать обещание’, нем. *Angelöbniß* ‘обет, торжественное обещание’, *angeloben* ‘обещать’, *geloben* ‘свято обещать, давать обет’, *Gelöbniß*, *Gelübde* ‘обетование, священный обет, обещание’, *Gelobung* ‘обещание, обетование, священный обет’. Очевидно, отмеченное первоначальное значение отношений между двумя актантами – ‘давать обет’, ‘обещать’ – трансформировалось со временем в ‘мир, согласие, мирный договор’, что является вполне семантически закономерным, так как согласуется с древними представлениями о необходимости давать обет в знак согласия заключить договор о мире.

В качестве материального подтверждения обещания мира мог выступать поцелуй, о чем свидетельствуют некоторые из значений исследуемого слова. Ср. болг. диал. *любя* ‘целовать’, *л’уб’ъ* ‘целовать в руку’, *л’убе* ‘целовать (икону, крест); целовать в руку’, *л’убѣм* ‘целовать’, макед. *љуби* ‘целовать’, сербохорв. *љубити* ‘любить; целовать; желать, вожделеть’ [5, с. 174], ст.-чеш. *lúbati* ‘любить; целовать’ [8, S. 277], чеш. *libati* ‘целовать’, *slibati* ‘стереть поцелуем’ [9, S. 364, 575], словц. *l’ubat’* ‘целовать, обнимать’, *l’ubanie* ‘поцелуй, объятие’ [10, S. 235], др.-рус. *любити* ‘любить’, ‘предпочитать, иметь склонность’, ‘любоваться’, ‘целовать’ [3, с. 82–83], рус.-цслав. *любити* ‘испытывать глубокую привязанность, расположение к кому-либо’, ‘чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-либо’, ‘целовать, ласкать’ [5, с. 175], а также лат. *libo* ‘целовать’ [11, с. 629]. Вызывает интерес тот факт, что отмеченное значение ‘целовать’ среди восточнославянских языков сохранилось лишь в русской редакции церковнославянского, в старобелорусском и староукраинском указанное значение лексемы *любить* отсутствует. О связи значений ‘любить’ и ‘целовать’ свидетельствуют образованные от другого корня слова верхнелужицкого языка, в котором *košić* ‘целовать’ употребляется наряду с *kochać* ‘любить’ [7, S. 863]. Присутствие в синкретичном значении индоевропейского корня **leubh-* семьи ‘поцелуй’ подтверждается и следующим умозаключением: действие, обозна-

ченное глаголом *целовать*, осуществляется/производится с помощью губ, ср. нем. *Lippe* ‘губа’ и англ. существительное *lip* ‘губа’ (связанное, разумеется, с глаголом *lip* ‘касаться губами’), восходящие к тому же корню *lib-*, но только с развившимся оглушением финали. Не менее показательными выступают приведенные в словаре К. Д. Бака в качестве синонимов к англ. глаголу *kiss* ‘целовать’ цслав. *lobŭsati, cĕlovati*, сербохорв. *ljubiti, cjelivati*, чеш. *líbatí (celovati)*, польск. *calować*, русск. *celovat’* [12, s. 1113], в которых наблюдаемые чередования корней *-lob-/-lib-/-lub-/-lov-/-liv-* (а именно коренных гласных и согласных) и их семантика также отсылают нас к значению ‘любить’.

Таким образом, лексемы с корнем *-люб-* в славянской языковой картине мира имеют/сохранили тесную связь со значениями ‘давать обет’/‘обещать’, ‘целовать’, ‘мир, согласие; мирный договор’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / В. И. Чернышев (гл. ред.) (и др.). – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965. – Т. 6. – 1957. – 1460 с.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 27 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Р. И. Аванесов (отв. ред.) (и др.). – М. : Наука, 1975–2006. – Вып. 8. – 1981. – 351 с.
3. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Репр. изд. – М. : Книга, 1989. – Т. 2. – 852 с.
4. Pokorný, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch : in 2 Bd. / J. Pokorný. – Bern ; München : Franke Verl., 1959–1969. – Bd. 1. – 1959. – 1183 S.
5. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд : в 35 вып. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1974–2009. – Вып. 15. – 1988. – 264 с.
6. Словарь нижнелужицкого языка / сост. Э. Мука. – Петроград, 1921. – Вып. I.
7. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache / Hrsg. H. Schuster-Šewz. – Bautzen : Domovina, 1978. – XXXI, 1887 S.
8. Gebauer, J. Slovník staročeský : v 2 d. / J. Gebauer. – Praha : Akademia, 1970. – D. 2. – 632 s.
9. Příruční slovník jazyka českého : v 8 d. / Česka akad. věd a umění. – Praha : Stat. nakl., 1935–1957.
10. Historický slovník slovenského jazyka : v 7 zv. / Sloven. Akad. Vied. Jazykovedny ust. L’udovita Stura ; ved. red. M. Majtan. – Bratislava : Veda, 1991–2008. – Zv. 2 : K–N / V. Blonar (et al.). – 1992. – 614 s.
11. Латинско-русский словарь : более 24 000 слов. ст. / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск : Харвест, 2005. – 1038 с.
12. Buck, C. D. A Dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages / C. D. Buck. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1949. – 416 p.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ УГРОЗЫ

Один из основоположников этнолингвистики Б. Уорф считал, что «несомненно наличествует связь между языком и остальной частью культуры общества, которое этим языком пользуется, существуют связи между применяемыми лингвистическими категориями, их отражением в поведении людей и теми разнообразными формами, которое принимает развитие культуры» [1, с. 165]. Из всего разнообразия определений понятия «культура» для позиционирования предлагаемого исследования существенным представляется мнение И. И. Токаревой, которая отмечала, что культура – это мыслительный настрой или ментальная рамка, создаваемая общими ценностями, верованиями, символами, идеалами [2, с. 16]. Из этого определения следует, что постижение родной и иноязычной культуры происходит по-разному у носителей языка и у изучающих иностранный язык. Если члены конкретного языкового коллектива постигают свою национально-языковую культуру как неосознанно, в процессе социализации, так и сознательно, изучая язык и связанные с ним культурные модели, то изучающие иностранный язык – постигают иноязычную культуру прежде всего через язык и связанные с ним культурные модели. К последним можно отнести и существующие в каждом языковом коллективе речемыслительные стереотипы, которые находят свое отражение в особенностях вербализации содержания средствами данного языка и в особенностях восприятия и декодирования вербализованной информации («контента»).

Различные лингвокультуры часто противопоставляются по таким общим характеристикам, как особенности восприятия и организации пространства и времени, преобладание индивидуалистических или коллективистских тенденций в общении, уровень контекстуальности (контекстности) и связанное с ним преобладание функциональной или смысловой (информативной, семантической) нагрузки коммуникативных единиц. Параметр «контекстуальности» культуры был введен Э. Холлом, который выделил две разновидности культур по их отношению к использованию контекста – высококонтекстуальную и низкоконтекстуальную, где под контекстом понимается информация, сопровождающая высказывание [3]. Представители первой при интерпретации сообщения имеют тенденцию полагаться на внеязыковой контекст, что во многом связано с особенностями исторического развития и традиций. Для представителей низкоконтекстуальных культур характерна прямая вербализация смыслов при незначительной доле невербальных форм общения и, как следствие, повышенная функционально-прагматическая нагрузка коммуникативных единиц.

Анализ менасива на основании таких теоретических предпосылок позволяет получить новые представления о национально-культурных особен-

ностях категории угрозы. Первый этап исследования состоит в анализе словарных дефиниций глаголов со значением 'угрожать' в русском, английском, французском, испанском и шведском языках. Обращение к глаголу обосновано тем, что именно глагол в языковой системе есть имя действия. Обращение к дефинициям – тем, что именно словарные статьи в наиболее четкой и канонизированной форме дают нам информацию о том, как может выражаться и интерпретироваться угроза представителями той или иной лингвокультуры, они отражают ментальную рамку, соответствующую данному фрагменту национально-языковой картины мира.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что не для всех глаголов словарные дефиниции фиксируют вербальный речеактовый характер угрозы. Наиболее четко это отражено в дефиниции английского глагола *threaten*: «to say that you will cause someone harm or trouble if they do not do what you want», «to say that you will cause trouble, hurt somebody, etc. if you do not get what you want» 'сказать/говорить, что...'. Как акт говорения угроза понимается в русском языке, где дефиниция глагола *угрожать* – это «предупреждать с угрозой о чём-н.», «предвещать (что-н. плохое, опасное, неприятное)», «произносить угрозы...». Угроза в шведском языке предстает как коммуникативный акт, который не требует обязательной вербализации: «med ord l. åtbörder tillkännagiva sin avsikt att tillfoga (ngn l. ngt) ngt ondt» 'словом или жестом объявлять о своем намерении причинить какое-то зло'. В романских лингвокультурах вербальный характер угрозы или оказывается частично скрыт, как в испанской дефиниции: «dar a entender a alguien la intencion de causarle algun mal, generalmente si se da determinada condicion» 'намекнуть кому-либо о намерении причинить зло либо вред при наличии определенных условий', или, как во французской лингвокультуре, вообще выводится за рамки дефиниции глагола: «chercher á *intimider* par de menaces» 'пытаться запугать угрозами', и дефиниция соответствующего существительного *угроза* говорит только о некой «манифестации», «проявлении». Интересно, но только в русской и французской дефинициях глагола имеется обращение к существительному *угроза*.

В рамках лингвопрагматики угроза рассматривается как средство воздействия говорящим на адресата с целью изменения его поступков или эмоционального состояния путем апелляции к чувству страха разной интенсивности и природы. Однако, целеполагание менасива по-разному отражено в анализируемых дефинициях глаголов. Так, в шведском языке понимание угрозы представлено в отрыве от ее прагматического назначения, в терминах типологий речевых актов она может быть определена как декларатив: «...объявлять о своем намерении причинить зло». Близка к такой интерпретации и испанская дефиниция «намекнуть о намерении причинить зло...», в ней обнаруживаются признаки угрозы как косвенного речевого акта. Согласно английским дефинициям цель ожидаемо должна быть более конкретизирована «...если не сделать того, что хочет [адресант]», т.е. цель состоит в том, чтобы адресат выполнил требование адресанта. В терминах

лингвопрагматики она представляет собой сложный речевой акт, включающий комиссив (обещание адресанта причинить вред) и директив (требование к адресату). В русских словарных дефинициях содержится указание на воздействующий характер менасива, но цели не конкретизированы: «...добиваясь чего-то». Весьма своеобразным является понимание воздействующей составляющей угрозы во французской лингвокультуре. Цель угрозы – «запугать», а сама угроза описывается как некая «манифестация/проявление» гнева с тем, чтобы заставить бояться. Можно говорить о деятельностно-ориентированном характере менасива и эксплицитной маркированной эмоциональности угрозы.

Вышеописанные отличия в семантических и прагматических характеристиках менасива коррелируют с уровнем контекстуальности соответствующих лингвокультур. В низкоконтекстуальной англоязычной лингвокультуре в языковом сознании носителя языка «ментальная рамка» включает две составляющие угрозы: собственно обещание причинить вред и требование к адресату, выполнив которое он может избежать негативного воздействия. В менасивных англоязычных высказываниях ожидаемо преобладание функциональной нагрузки – это способ достижения цели, которая состоит в некотором действии адресата. В «ментальную рамку» представителя высококонтекстуальной русскоязычной культуры угроза входит через свое семантическое ядро – обещание причинить вред, или, точнее, предупреждение о возможности причинения вреда, в то время как требуемое от адресата действие может оказаться не вербализированным или даже не имплицированным. Из этого следует, что в русскоязычной культуре менасивное высказывания характеризуются доминантой смысловой нагрузки. Романские языки и шведский язык пока еще реже становятся объектом сопоставительных лингвокультурологических исследований и не получили своего детального описания по параметру контекстуальности. Но анализ отдельного фрагмента этих лингвокультур позволяет говорить о доминанте семантической нагрузки в шведском языке, некотором балансе функциональной и семантической нагрузки в испанском языке и проявлении эмоциональной нагрузки во французской лингвокультуре. Эти три языка по особенностям представления угрозы могут характеризоваться как переходные от высококонтекстуальных к низкоконтекстуальным культурам.

Таким образом, можно утверждать, что, при схожести семантики угрозы во всех четырех лингвокультурах, соотношение, баланс семантической и прагматической составляющих имеет явную национально-культурную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. I. – С. 135–168.

2. Токарева, И. И. Этнолингвистика и этнография общения / И. И. Токарева ; Минск. гос. лингвист. ун-т ; под ред. Ф. А. Литвина. – Минск, 2001. – 244 с.
3. Холл, Э. Как понять иностранца без слов / Э. Холл, Дж. Фаст. – М. : Вече ; АСТ, 1997. – 246 с.

Ю. А. Евграфова (Москва, Россия)

ПО УШИ ПЛЫТЬ, А У МИЛОЙ БЫТЬ:
ЛЮБОВЬ В МУЖСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале паремий английского, валлийского,
гэльского и англо-шотландского языков)

Любовь можно отнести к «универсальным» чувствам – на биологическом уровне оно порождается в определенном участке головного мозга, сопутствуется рядом психологических процессов и имеет свой культурно-универсальный «механизм» действия. Национально-специфическое обнаруживается при его семантизации и вербализации в языке.

В данной работе предпринята попытка исследовать языковую картину мира (мужскую) британцев, состоящую из языков исторического населения Великобритании: английского, валлийского, гэльского (ирландского, шотландского) и скотса, этнокультуры носителей которых, несмотря на общность исторической судьбы, не слились в единую, а имеют каждая свои национально-специфичные представления и стереотипы.

Любовь мужской картины мира британцев представлена разнообразным набором паремиологических единиц. Например, в них затрагиваются, отношения между мужчиной и женщиной вне брака: (английский) *He who loseth a whore, is a great gainer* [1, p. 45] ‘Тот, кто теряет блудницу, счастливчик’; мужчине дается совет, как себя вести, чтобы завоевать женщину: (валлийский) *Gwell gwraig o'i chanmawl* [2, p. 21] ‘Похвали женщину и ты вырастешь в ее глазах’; упоминается также любовь в браке: (гэльский) *Socraichidh am pòsadh an gaol* [3, p. 349] ‘Женитьба оплакивает любовь’. Модель отношений между мужчиной и женщиной является не единственной, через которую происходит вербализация любви. Обнаруживается прямое описание того, что происходит внутри у влюбленного: (скотс) *A woman's love will traise further than horses* [4, p. 30] ‘Любовь к женщине тянет дальше, чем лошади’; перечисляются поступки и действия влюбленного мужчины, имеющие отрицательную коннотацию: (скотс) *He got the knights bone off her* [5, p. 108] ‘Соблазнил до свадьбы’.

Приведенные примеры демонстрируют, что в паремиях исследуемых языков любовь репрезентирована как реакция на стимул, порождающая некие действия и поступки (реакция, направленная «во вне»), а также как психологические и духовные переживания (реакция внутренняя). Таким образом, можно говорить о том, что в мужской картине мира британцев любовь представлена как пространство: внутреннее (эмоциональное состо-

яние) и внешнее (поведение, вызванное чувством, поведенческая реакция на объект любви). Диалектическое единство этих пространств конструирует обобщенное эмоциональное пространство 'любовь', которое можно изобразить графически (рис. 1). Любовь, не являясь базовой эмоцией (т.е. отсутствуя у животных), несет на себе отпечаток той или иной этнокультуры, в связи с чем в каждом исследуемом языке ее обобщенное пространство конструируется разным набором конечных точек (паремий) и представленная выше схема будет иметь разную численную выраженность и «смысловую» наполненность. Так, в английском языке паремиологическое поле представлено 52 единицами, в валлийском – 12, в гэльском – 22, а в англо-шотландском (скотс) – 17, причем их распределение и группировка в пространстве также варьируется (табл. 1).

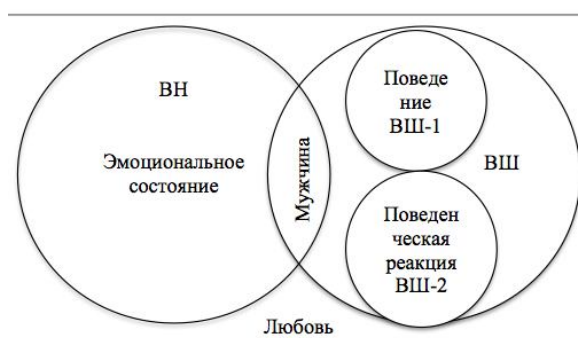

Рис. 1. Эмоциональное пространство 'любовь'

Эмоциональное пространство 'любовь'

«Смысл»/Язык	Английский язык	Валлийский язык	Гэльский язык	Скотс
ВН: Эмоциональное состояние				
«Любовь слепа»	6	1	4	2
«Любовь вопреки»	4	2	0	0
«Любовь меняет»	5	0	0	0
ВШ-1: Поведение				
«Любовь вне брака»	7	4	7	0
«Любовь в браке»	8	2	3	0
«Советы поведения»	13	3	5	10
ВШ-2: Поведенческие реакции				
«Непостоянство»	4	0	3	4
«Распутство»	5	0	0	1
ВСЕГО	52	12	22	17

Высчитаем удельный вес каждого «смысла», а затем внутреннего и внешнего пространств отдельно для каждого языка по формуле: $K = \frac{\text{число единиц анализа, фиксирующих данную категорию}}{\text{общее число единиц анализа}}$ (1). Таким образом, рис. 1 будет принимать следующий вид (рис. 2а, 2б, 2в, 2г).

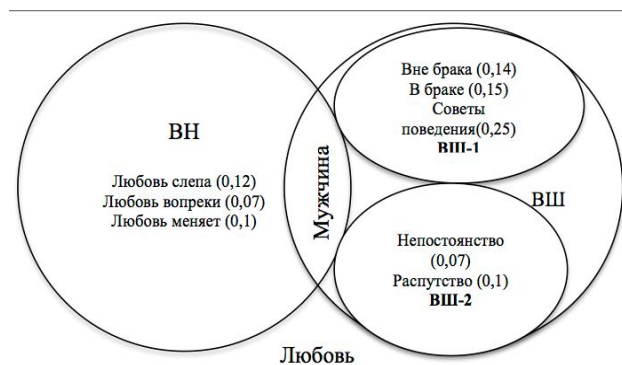

Рис. 2а. Английский язык

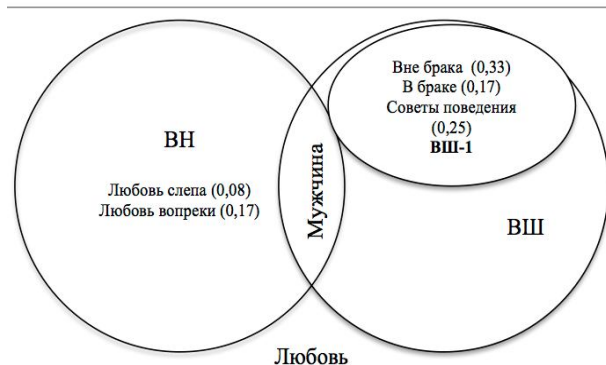

Рис. 2б. Валлийский язык

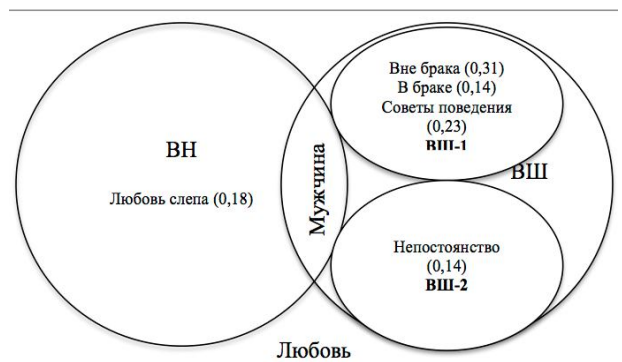

Рис. 2в. Гэльский язык

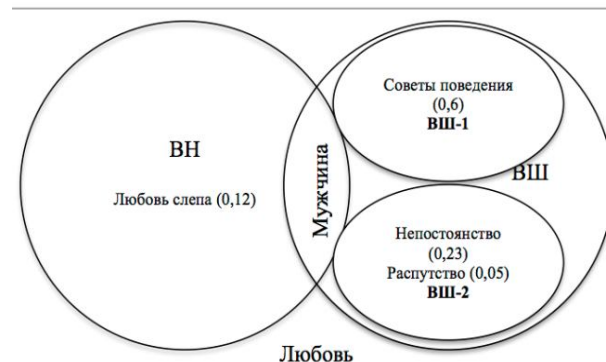

Рис. 2г. Язык скотс

Основное сходство, обнаруживаемое во всех четырех языках, – численное доминирование внешнего пространства (Поведение) над внутренним. Частично «типические» характеристики обнаруживаются в *гэльском* и *английском* языках: второе место по значимости занимает эмоциональное состояние, а наименьший удельный вес имеет описание поведенческих реакций. Наряду с «типическим» наблюдаются идиозэтнические черты: поведение влюбленного в *английском* языке создается больше через советы, как себя вести, чтобы завоевать женщину. В *валлийском* и *гэльском* языках любовь вне брака затрагивается чаще, чем в браке. В языке же *скотс* даются только советы правильного ухаживания. Поведенческие реакции влюбленного мужчины в *гэльском* языке и *скотс* описаны через «Непостоянство», в *английском* – «Распутство».

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в исследуемых языках любовь представлена в традиционном биологическом и психологическом понимании, т.е. чувством-отношением, возникающим как реакция на стимул или без него. Она, как эмоциональное двумерное пространство, конструируется оппозицией «внутреннее – внешнее», чье инвариантное смысловое

поле кодируется через состояние, поведение и поведенческую реакцию. Идиоэтническое обнаруживается при вербализации эмоционального пространства, представляя эмоциональную картину чувств этноса, знания о которой способствует прояснению и предупреждению трудностей, возникающих в процессе межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bohn, H. G.* A hand-book of proverbs / H. G. Bohn. – London : Bohn, 1855. – xiv, 583 p.
2. *Vaughan, H. H.* British reason in English rhyme / H. H. Vaughan. – London : Kegan Paul, Trench & Co, 1889. – vi, 378 p.
3. *Nicolson, M. A.* A collection of Gaelic proverbs and familiar phrases: based on Macintosh's collection / M. A. Nicolson. – 2nd ed. – Edinburgh : Maclachlan and Stewart ; London : Simpkin, Marshall & Co, 1882. – xxxvi, 421 p.
4. *Cheviot, A.* Proverbs, proverbial expressions and popular rhymes of Scotland / A. Cheviot. – London : Paisley, 1896. – xii, 434 p.
5. *Kelly, J.* A complete collection of Scottish proverbs explained and made intelligible to the English reader / J. Kelly. – London : Rodwell & Martin, 1818. – vi, 265 p.

Н. В. Курбаленко (Минск, Беларусь)

КАУЗАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ АССИСТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Каузативная конструкция (КК) призвана отражать *каузативную ситуацию* (КС), непосредственно составляющими которой являются по меньшей мере две микроситуации – каузирующая (*Ты поступил плохо*) и каузируемая (*И он ушел*), связанные между собой отношением каузации, или причинения (*Твой поступок заставил его уйти*). Наряду с отношением каузации (каузативным глаголом) КС содержит еще четыре компонента: каузирующий субъект, объект каузации, каузирующее состояние/событие/средство каузации и каузируемое состояние/событие/результат каузации [1, с. 6–7]. Соотнесение КК с составляющими КС позволяет выявить релевантность того или иного компонента КК разного типа.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей отражения КС синтаксическими КК, организуемые каузативными глаголами со значениями ‘помогать’, ‘содействовать’, ‘способствовать’ и т.п., т.е. выражающими категориальное значение ассистивности в современном немецком языке: *helfen, verhelfen, begünstigen, beitragen, fördern, unterstützen, vermitteln* и т.п.

Глагол *helfen* ‘помогать’ можно рассматривать в качестве ядра группы немецких глаголов со значением ассистивности, поскольку он выражает категориальное значение в чистом виде, не осложненное никакими другими, и является самым употребительным в анализируемой группе глаголов. Данный глагол может организовывать четырехкомпонентную КК, состоящую из самого глагола *helfen*, субъекта каузации, объекта, выраженного именем существительным в дательном падеже, и результата каузации – инфинитива другого глагола: *Diese Arbeit half den Menschen die richtige Balance zwischen Egoismus und Großzügigkeit finden* [2].

КК с глаголом *helfen* допускают также модификацию результата каузации в предложно-именную группу: *Jeder effektiven Zusammenarbeit, jeder Innovation, jeder Qualitätsverbesserung und jedem exzellenten Service liegt die Bereitschaft zugrunde, anderen beim Erreichen ihrer Ziele zu helfen* [Там же].

Как показывает наша выборка, *helfen* активно употребляется и в составе трехкомпонентной КК: *Aus diesem Grund ist es hilfreich, die Konsequenzen des passiven Verhaltens aufzuzeigen, indem man die Tatsache verdeutlicht, dass jeder einmal zum Opfer werden könnte und die Wahrscheinlichkeit dafür steigt, wenn keiner dem anderen hilft* [3].

Нередки случаи употребления *helfen* только с субъектом каузации: *Es zeigt sich, dass nur allein der Aufruf zu Zivilcourage kein Garant dafür ist, dass Menschen auch wirklich in entsprechenden Notsituationen eingreifen und helfen* [Там же].

Глагол *verhelfen* ‘способствовать’, ‘содействовать’, как и *helfen*, организует четырехкомпонентную КК. Однако в отличие от КК с *helfen* в КК с *verhelfen* результат каузации является обязательным компонентом КК, выраженным либо при помощи инфинитива, либо посредством более распространенной предложно-именной группы с предлогом *zu*: *Deren flexiblere Ansätze können Millionen Kindern und Erwachsenen, denen der Zugang zum formalen Bildungssystem verwehrt ist oder die funktionale Analphabeten oder Analphabetinnen sind, dazu verhelfen, Lesen und Schreiben zu lernen und andere Fähigkeiten zu erwerben* [4]; *Irgendwie gelang es diesen Mitarbeitern, eine Menge qualitativ hochwertiger Arbeit zu leisten und dabei gleichzeitig auch noch ihren Kollegen zum Erfolg zu verhelfen* [2].

Отметим, что после КК с *helfen* наиболее употребительными в нашей выборке являются КК с глаголами *fördern* и *unterstützen*. Наряду со значениями, присущими глаголу *verhelfen*, данные глаголы имеют и некоторые другие значения. Так, глагол *fördern* означает также ‘продвигать’, ‘поощрять’, ‘поддерживать’, ср. следующую дефиницию: «...in seiner Entfaltung, bei seinem Vorankommen (finanziell) unterstützen...» [5, S. 563]. Глагол *unterstützen* каузирует со значениями ‘поддерживать’, ‘оказывать поддержку/помощь’, ‘помогать’, ср.: «jmdm. [der sich in einer schlechten materiellen Lage befindet] durch Zuwendungen helfen...; sich für jmdn., jmds. Angelegenheiten o.Ä. einsetzen u. dazu beitragen, dass jmd., etw. Fortschritte macht, Erfolg hat...» [5, S. 1669]. В отличие от рассмотренных выше глаголов

fördern и *unterstützen* организуют только трехкомпонентные КК, включающие в свой состав каузативный глагол, субъект каузации и объект каузации, выраженный именем существительным в винительном падеже. Иными словами, особенность КК с глаголами *fördern* и *unterstützen* заключается в том, что результат каузации не находит в рассматриваемых КК своего обязательного языкового выражения. При употреблении КК с анализируемыми глаголами в центре внимания оказываются субъект и объект каузации, при этом акцент может быть сделан как на человеке, которому необходимо оказать поддержку и всяческую помощь, так и на абстрактных сущностях или понятиях, качествах, чертах и т.п., развитию, усилению, укреплению которых нужно как-то поспособствовать. Ср.:

1) *So gilt es, Kinder in ihren Erfahrungen zu unterstützen...* [6]; *Wie können Eltern ihre Kinder fördern?* [Там же]; *Diese Aktivitäten fördern die Entwicklung der Autonomie von Kindern und ihre zwischenmenschlichen und interkulturellen Fertigkeiten* [4];

2) *Eltern können dabei erfahren, dass eine kooperative, ermutigende, soziale und situationsorientierte Erziehungshaltung die Entwicklung ihres Kindes nachhaltig unterstützt...* [6].

Однако сфера или область, в которой объекту каузации оказывается содействие либо помощь, может быть уточнена: *Sie haben auch ein offenes Ohr für die Probleme der LehrerInnen und unterstützen diese bei der Elternarbeit, indem sie den Erstkontakt zu den Erziehungsberechtigten herstellen und sprachliche Brücken bauen* [Там же].

Глагол *begünstigen* также организует трехкомпонентную КК с объектом в винительном падеже: *Der Unterricht in der eigenen Muttersprache begünstigt nicht nur den Schulerfolg, sondern stellt auch ein kulturelles Recht dar* [4].

В отличие от глаголов *fördern* и *unterstützen* глагол *begünstigen*, наряду со значениями ‘содействовать’ и ‘помогать’, имеет значения ‘благоприятствовать’, ‘оказывать протекцию’, а также ‘пособничать’, ср.: «...bevorzugen, besonders fördern; [auffällig] seine Gunst zuwenden...; (einen Täter) unterstützen, (ihm) helfen, sich seiner Bestrafung zu entziehen» [5, S. 249].

Отдельно рассмотрим глагол *beitragen* ‘содействовать’, ‘вносить свой вклад’ («bei etw. mithelfen...; ...seinen Anteil bei der Verwirklichung von etw. dazu tun...» [Там же, S. 755]), употребляемый преимущественно в трехкомпонентной КК, в состав которой наряду с каузативным глаголом входят субъект и результат каузации: *Bildung sollte zur Persönlichkeitsentwicklung beitragen...* [4].

Как и в случае с *verhelfen*, для КК с *beitragen* характерна бóльшая вариативность средств выражения результата каузации: *Auch diese Erfahrungen tragen dazu bei, die Resilienzerfahrungen des Kindes zu erweitern und ihm zu vermitteln, dass es schwierige „Übergangs“-Situationen bewältigen kann* [6]; *Doch manche Kinder müssen arbeiten, um zum Überleben ihrer Familie beizutragen, und alle Kinder können – und sollten – ihrer Familie helfen* [4].

Таким образом, ассистивность представляет особый научный интерес, поскольку практически не изучена в языках, не имеющих морфологического способа выражения. Исследование немецких КК со значением ассистивности

показывает, что глаголы, их организующие, не являются полными синонимами друг для друга, а отличаются нюансами и оттенками передаваемого значения. Анализируемые глаголы обнаруживают значение ассистивности в составе разнотипных структурных образований. Компонентный состав и морфологический способ оформления тех или иных компонентов рассматриваемых КК также варьируют от глагола к глаголу, при этом результат каузации не всегда находит свое языковое выражение в ассистивных КК, что существенно отличает данный тип от других выделяемых типов каузации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Недялков, В. П. Типология каузативных конструкций / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л., 1969. – С. 5–19.
2. Die richtige Dosis Altruismus [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://harvardbusinessmanager.de/heft/d-97163059.html>. – Дата доступа : 20.03.2015.
3. Maßnahmen zur Förderung von Zivilcourage [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.wissen.de/foerderung-der-zivilcourage> – Дата доступа : 20.03.2015.
4. Bildung und Freizeit [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.compasito-zmrb.ch/themen/bildung-und-freizeit>. – Дата доступа : 20.03.2015.
5. Duden „Deutsches Universalwörterbuch“ / Hrsg. von der Dudenred. – 4., neu bearb. u. erw. Auflage. – Dudenverlag : Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 2001. – 1892 S.
6. Interkulturelles Mentoring für Schulen [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <http://www.univie.ac.at/alumni.ksa/index.php/projektberichte/interkulturelles-mentoring-fur-schulen.html>. – Дата доступа : 20.03.2015.

Н. И. Курганова (Минск, Беларусь)

СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КАРТИНЫ МИРА

Национальная картина мира рассматривается нами как одна из моделей коллективного знания, формируемого в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности лингвосоциума и репрезентируемого в языке и речи. Национальная картина мира может быть описана в виде совокупности концептов, образующих концептосферу нации или народа. Концепт в этом случае выступает как структурная единица картины мира.

Изучение национально-культурной специфики картины мира через призму общественно-политического дискурса остается сегодня мало исследованной областью. Одна из причин сложившейся ситуации – отсутствие четко выделенных параметров описания картины мира и соответствующих методов исследования. Попробуем восполнить этот пробел.

1. Прежде всего, картина мира характеризуется *определенной системной упорядоченностью и структурой*. Есть все основания полагать, что знание как достояние коллектива системно (семантически) организовано. Нейрофизиологическим обоснованием для этого служит выделение семантической памяти, понимаемой как «субъективный тезаурус», как «то организованное знание, которым обладает субъект о словах и других символах, об их значениях, а также об отношениях между ними» [1, с. 399]. Мысль о том, что знания сохраняются в упорядоченном виде тематическими группами, неоднократно высказывалась учеными (С. Д. Кацнельсон, В. Ф. Петренко). Семантическое структурирование знаний в сознании субъекта и общества проявляется в выделении определенных слоев знания, отдельных признаков и фрагментов знания – концептов.

2. Структурированность опыта и знания свидетельствует о наличии определенной *уровневой иерархии* в организации единиц знания, поскольку ни субъективный, ни коллективный опыт не могут не иметь поуровневой организации (см., например, [2, с. 18]). Это позволяет говорить о неоднородном значении различных слоев знания в структуре национальной концептосферы.

Мы полагаем, что в национальной картине мира можно выделить определенную *ядерную часть*, которая формируется за счет наиболее востребованной и актуальной информации, представленной в *ключевых концептах* той или иной культуры. Эта информация играет жизненно важную роль для членов того или иного лингвокультурного сообщества, именно поэтому она регулярно воспроизводится в общественном дискурсе и закрепляется в языковом сознании. Ключевые концепты культуры представляют наиболее актуальные и существенные черты совокупного опыта и знаний, выработанные определенным лингвосоциумом в конкретный период времени. На этом основании мы полагаем, что выделение ключевых концептов культуры и особенно их сопоставительный анализ выступает одним из эффективных путей изучения специфики национальной картины мира.

3. Отличительной особенностью национальной картины мира является то, что она формируется на основе *ценностных доминант* (см., например, [3, с. 587]). Ценности, как известно, представляют собой наиболее фундаментальные характеристики культуры, ориентирующие человека в его повседневном взаимодействии с миром. Ценностные доминанты не только управляют поведением, но и обуславливают специфику когнитивно-дискурсивной деятельности индивида и социума, благодаря чему процессы смыслообразования протекают в соответствии с нормами, принятыми в той или иной культуре. Следовательно, выделение ценностных доминант является важным параметром изучения национально-культурной специфики картины мира. Как показали наши исследования, под влиянием ценностных ориентаций картина мира у разных народов имеет свои отличия, а это выражается как в структуре национальной концептосферы в целом, так и в содержании отдельных концептов.

4. Национальная картина мира формируется в ходе когнитивно-дискурсивной деятельности индивидуумов и социума, в силу чего она *динамична во времени*. Социальные преобразования, революции, глобальные катаклизмы и вызовы служат важными факторами, влияющими на трансформацию картины мира. Поскольку картина мира есть результат когнитивно-дискурсивных практик в обществе, то любое изменение вектора социального, общественно-политического дискурса будет проявляться в ее содержании и структуре. Именно поэтому при проведении сравнительно-сопоставительных исследований национальных картин мира важно соблюдать одинаковые временные параметры выборки из материалов общественного дискурса.

Изучение картины мира через призму газетного дискурса с целью уточнения национально-культурной специфики языкового сознания жителей Арктического региона (см. подробнее [4]) потребовало разработки соответствующей методики и уточнения комплекса необходимых экспериментальных процедур, направленных на выделение ключевых концептов газетного дискурса, моделирование структуры концептов, выделение смысловых доминант картины мира.

Полный алгоритм анализа структурных параметров картины мира можно представить в виде набора следующих процедур:

1) создание базы данных на материале сезонных выборок из ежедневной прессы четырех стран (северные территории России, Норвегии, Канады и США);

2) количественный анализ всех публикаций газеты в течение сезонной выборки с целью выделения *ключевых концептов* общественно-политического дискурса;

3) моделирование *когнитивной и смысловой структуры концептов*;

4) моделирование *полевой структуры* концепта на основе дифференциации ядерных и периферийных слоев;

5) выделение *смысловых доминант* в концептуальной картине мира на основе сезонных выборок;

6) сопоставительный анализ структурных параметров картины мира у жителей северных регионов России, Норвегии, Канады и США, выделение общего и культурно-специфичного в национальных картинах мира.

Проведенные исследования на базе канадского дискурса за 2015–2016 гг. [4, с. 47–122] позволили сделать следующие выводы.

1. Национальная картина мира складывается в процессе реального взаимодействия в социуме, чутко реагирует на социальные и политические изменения и вбирает в себя типологические особенности своей культуры.

2. Национально-культурная специфика картины мира находит отражение в: а) специфической архитектуре национальной концептосферы; б) смысловой структуре концептов; в) наборе смысловых доминант общественно-политического дискурса.

Интегративное исследование структурных параметров картины мира на материале газетного дискурса четырех стран позволило:

а) дифференцировать ключевые и базовые концепты общественно-политического дискурса;

б) определить архитектуру ключевых концептов газетного дискурса и выделить основные направления осмысления общественных феноменов;

в) выявить степень актуальности тех или иных концептуальных признаков и ценностных доминант в общественном сознании жителей различных стран Арктического региона.

Разработанная нами методика моделирования структурных параметров картины мира в виде последовательного набора ряда процедур (выделение ключевых концептов, моделирование их когнитивной, полевой и смысловой структур, а также выделение смысловых доминант) может успешно использоваться не только в лингвистике, но также в ряде других гуманитарных дисциплин при изучении общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Величковский, Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2 т. / Б. М. Величковский. – М. : Смысл ; Академия, 2006. – Т. 1. – 448 с.
2. *Артемьева, Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М. : Наука ; Смысл, 1999. – 350 с.
3. *Лурье, С. В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы : учеб. пособие / С. В. Лурье. – 2-е изд. – М. : Академ. Проект ; Альма Матер, 2005. – 624 с.
4. Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона России, Норвегии, США и Канады / Н. И. Курганова [и др.] ; под общ. ред. Н. И. Кургановой. – Мурманск : МАГУ, 2016. – 352 с.

N. Ye. Lemish (Kyiv, Ukraine)

NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF EUPHEMISM AS A LANGUAGE UNIVERSAL

Euphemism is considered to be a language/linguistic universal as this phenomenon is typical of all the languages. In everyday life, especially on the official/formal level, speakers tend to be decent, polite, not too blunt for the other people to feel embarrassed or even abused/insulted. Taking into account the current change of anthropocentric scientific paradigm into anthropocosmic, it is topical to study national and cultural peculiarities of euphemisms in various languages in different discourse practices. It will facilitate the intercultural communication as well as teaching foreign languages and translation.

The word *euphemism* dates back to XVIIth century (between 1650–1660). It originates from the Greek word *euphēmismos* (*eu* + *phēm(ē)* + *-ismos*) where the first constituent means ‘good’, and the second one – ‘speech’ [1]. Thus euphemisms usage makes one’s speech mild, rather polite – neither harsh nor offensive, though sometimes vague when the addressee is not aware that it is the euphemism substituting the word with a very direct (impolite) meaning.

Longman Dictionary of Contemporary English defines euphemism in the following way: “**euphemism** a polite word or expression that you use instead of a more direct one to avoid shocking or upsetting someone: ‘*Pass away*’ is a euphemism for ‘*die*’” [2, p. 576]. But it is not obligatory, moreover rare that euphemistic substitutes are equivalent in all the languages. For example in the Ukrainian language the euphemism for *die* will be *ніти у вічність* ‘to enter eternity’ / *заснути вічним сном* ‘to fall asleep forever’; in Russian – *уйти из жизни* ‘to leave one’s life’ / *покинуть это мир* ‘to leave this world’.

Being a universal phenomenon euphemisms have been classified according to their types and functions. The number of types and criteria vary a lot. For example Mark Nichol divides all the euphemisms into 7 types functioning as abstraction, indirection, litotes, mispronunciation, modification, personification, and slang [3].

Euphemisms appear in the following spheres of life:

- discrimination (race, cultural, religious sexual etc.);
- horrifying and unpleasant natural phenomena (death, disease, bare necessities, physical defects, mental and psychic disorders);
- state influence on people’s life (war actions, social disadvantages, poverty, lowly occupations, family problems, firing, academic failure);
- age and appearance of a person (weight, age, appearance, height);
- diplomacy;
- advertisement.

The current political situation in Ukraine is a source of a wide range of *political euphemisms* usage, the functions of which are veiling (when a speaker hides certain aspects of life), distorting (when a speaker distorts information reflection in the addressee’s mind), elevating (when a speaker presents some aspects of reality in a more positive light, hyperbolizing low or average standards), and rhetorical (when a speaker influences the addressee’s values changing his attitude to the given information).

Based on the fact that speeches of politicians serve as a rich source of euphemisms, it is logical to study speeches of world famous American and Ukrainian politicians to see universal and national features in political euphemisms use. Having analysed the speeches of American politicians (Barak Obama, Hillary Clinton, Joe Biden) there were defined euphemisms concerning

- discrimination (e.g. *No child should be afraid to go to school because they’re **Latino**, or **African-American**, or **Muslim**, or because they have a disability* [4]);
- age and appearance of a person (e.g. *Not only the refugee or the immigrant or the rural poor or the transgender American, but also the **middle-aged** white guy who from the outside may seem like he's got all the advantages, but has seen his world upended by economic, and cultural, and technological change* [5]);

– diplomatic ones to soften some aspects of reality and manipulate minds of citizens (e.g. *The wealthy are paying a fair share of taxes* [6]);

– euphemisms denoting horrifying and unpleasant natural phenomena (e.g. *Admist fire and ice, snipers on rooftops, the Heavenly Hundred paid the ultimate price of patriots the world over* [7]).

The Ukrainian politicians (Petro Poroshenko, Arseniy Yatsenyuk) use such euphemisms as:

– substitute for horrifying and unpleasant natural phenomena (e.g. *Незважаючи на втрати, Україна буде боротися за дві мети* [8] ‘Despite the losses (instead of *deaths*) Ukraine will fight for two goals’);

– metaphoric expressions (e.g. *Безглуздий “збіг на місці”, який пригнічує країну, треба негайно припинити* [9] ‘A senseless “stationary running” (*running idle* instead of *race with no result*) supressing the country must be immediately stopped’);

– diplomatic ones to veil some information from the recipients (e.g. *Давайте об’єднаємо наші зусилля із повернення Донбасу і Криму назад в Україну і вигнання російського агресора з України* [8] ‘Let’s unite our efforts to return the Donbass and the Crimea back to Ukraine and expel the Russian aggressor (instead of *displace the Russian troops*) from Ukraine’).

Summarizing it must be mentioned that 2 types of euphemisms in American and Ukrainian political discourse are common (euphemisms denoting horrifying and unpleasant natural phenomena, and diplomatic ones – though with different functions). National and cultural specific for Americans are euphemisms concerning discrimination and age and appearance of a person (determined by multinational American society); for Ukrainians – euphemisms represented by metaphoric expressions (in fact that type must be always nationally marked).

Thus, *euphemism* is a language universal, and an integral constituent of a communication process. However it has its national peculiarities in various cultures making intercultural communication more complicated. Further research of euphemism specific features and functions in different languages will contribute to conflict free and successful both interpersonal and intercultural communication.

REFERENCES

1. Euphemism [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.wordreference.com/definition/euphemism>. – Date of access : 03.09.2017.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. – Edinburgh : Pearson Education Ltd, 2012. – 2081 p.
3. Nichol, M. 7 Types of Euphemism [Electronic Resource] / M. Nichol. – Mode of access : <https://www.dailywritings.com/7-types-of-euphemism/>. – Date of access : 29.08.2017.
4. Time. Politics [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://time.com/4575126/hillary-clinton-childrens-defense-fund-transcript/>. – Date of access : 25.05.2017.

5. The Guardian [Electronic Resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/us-news/live/2017/jan/10/barack-obama-final-speech-address-chicago-live>. – Date of access : 27.05.2017.
6. Выступление Джо Байдена в Верховной Раде: полная версия [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://kp.ua/politics/521635-vystuplenye-dzho-baidena-v-verkhovnoi-rade>. – Date of access : 20.05.2017.
7. The White House [Electronic Resource]. – Mode of access : <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/12/09/remarks-vice-president-joe-biden-ukrainian-rada>. – Date of access : 20.05.2017.
8. Обозреватель UA Политика [Electronic Resource]. – Mode of access : <https://www.obozrevatel.com/politics/39682-ukraina-budet-borotsya-za-dve-tseli-opublikovano-polnoe-vyistuplenie-poroshenko-na-kongresse-enp.htm>. – Date of access : 25.05.2017.
9. Урядовий портал [Electronic Resource]. – Mode of access : http://www.kmu.gov.ua/kmu/control/uk/publish/article?art_id=248921912&cat_id=244274130. – Date of access : 27.05.2017.

Л. М. Лещёва (Минск, Беларусь)

МЕТАФОРЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Как известно, этимологическое значение существительного *метафора* (др.-греч. *μεταφορά*) означает ‘перенос, перенесение, перемещение’, и ее описание восходит к Аристотелю: «Метафора – перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [1, с. 1096].

Для каждого такого случая перенесения слова на основе метафоры Аристотель приводит примеры. Так, для метафоры, основанной на перенесении слова с рода на вид, Аристотель приводит такой пример: «А корабль мой вот стоит», отмечая, что ‘стоять на якоре’ – это особый вид понятия ‘стоять’ [Там же, с. 1096–1097]. Метафора, основанная на перенесении слова по аналогии, является более сложной и предполагает соотношение большего количества составляющих в процессе сравнения, поскольку под аналогией понимается соотношение по меньшей мере четырех понятий, выраженных словами, «когда второе слово относится к первому так же, как четвертое к третьему». Далее Аристотель приводит следующий пример для метафоры, базирующейся на аналогии: «...что старость для жизни, то вечер для дня; поэтому можно назвать вечер старостью дня, а старость вечером жизни, или, как у Эмпедокла, закатом жизни» [Там же, с. 1097]. В любом случае перенесение слова с рода на вид, с вида на род или по аналогии предполагает, прежде всего, установление сходства между двумя понятиями: «Создавать хорошие метафоры – значит подмечать сходство» [Там же, с. 1101].

Традиционно метафора рассматривалась, прежде всего, как важнейший риторический (стилистический) прием вторичного использования слова

(выражения или даже предложения) для временного именованя другого похожего понятия в целях придания последнему нового образа (**стили-стическая метафора**): *Что наша жизнь? Игра!*. Современная когнитивная лингвистика подчеркивает, что процесс создания метафоры касается не только перенесения названия на другое понятие, но и формирования самих ментальных образований. Новый образ создается в результате слияния (бленда) двух и более проименованных ранее концептов и временного переноса индивидуальным пользователем имени одного из концептов на этот впервые сформированный сложный концепт [2].

Другое ведущее предназначение метафоры – быть инструментом создания наименования для еще не названного концепта, но опять-таки на основе вторичного использования уже существующего имени в виде слова или словосочетания. Примером метафоры этого типа, или **номинативной метафоры**, может служить лексико-семантический вариант слова *свет* ‘символ истины, разума, просвещенности или радости, счастья’ (*ты мой свет*). Он возник в результате лексико-семантической деривации на основе метафоры от основного ЛСВ этого слова ‘лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир видимым’.

Метафора может сочетаться с другими словообразовательными средствами, генерируя новое название, как в случае образования термина *компьютерная мышь* ‘устройство для управления курсором отдачи различных команд компьютеру’, где семантическая деривация нового значения у слова *мышь* комбинируется в процессе производства составного термина с лексикализацией словосочетания.

Если стилистические или номинативные метафоры являются результатом установленного сознанием сходства понятий не только подмеченного, но и формально выраженного в виде нового временного или постоянного наименования, то так называемые **концептуальные**, или **когнитивные**, **метафоры** [3] обычно для рядового носителя языка остаются незамеченными. Концептуальные метафоры проявляются в речи в виде одинаковой сочетаемости слов различных по форме и тематической отнесенности. Так, концептуальная метафора **ЖИЗНЬ – ЭТО ВЕЩЬ** проявляется в словосочетаниях *потерять вещь/жизнь, отдать вещь/жизнь, забрать вещь/жизнь, разрушить вещь/жизнь, спасти вещь/жизнь*; концептуальная метафора **ЖИЗНЬ – ЭТО УЧИТЕЛЬ** проявляется в словосочетаниях *учитель/жизнь учит нас, учитель/жизнь преподает урок, учитель/жизнь наказывает*; **ЖИЗНЬ – ЭТО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**: *активная деятельность/жизнь, интересная деятельность/жизнь, интеллектуальная деятельность/жизнь* и т.п.

Именно концептуальные метафоры пронизывают все наше языковое мышление, не только связывая разные концепты в концептуальном пространстве, но и, с точки зрения авторов, формируя многие из них на основе более простых и конкретных, обусловленных непосредственно чувственным опытом.

Вопрос о формировании новых ментальных структур на основе когнитивной метафоры не является бесспорным. Согласно теории параллельной архитектуры (Theory of Parallel Architecture) Р. Джэкендоффа, такие струк-

туры являются результатом особого механизма параллельного конструирования концептов. При этом на формирование этих ментальных структур влияет целый ряд биологических, физиологических, языковых, социальных факторов, в том числе, таксономические признаки, темпоральные, причинно-следственные, модальные отношения, а также социальные представления, обуславливающие межъязыковые и межкультурные различия и т.п. [4, p. 656].

Тем не менее именно когнитивные структуры и их отношения являются основой для всех существующих и потенциальных стилистических и номинативных метафор, а также в целом для языковой картины мира.

Всесторонний анализ семантики слова, в том числе его сочетаемости, всех видов стилистических и номинативных метафор, в которых оно участвует, дает возможность получить более полное представление о лексико-семантической системе языка, а также реконструировать содержание стоящего за этим словом концепта и его связей в ментальном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Поэтика / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск, 1998. – С. 1064–1112.
2. *Turner, M.* The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / M. Turner, G. Fauconnier. – N. Y. : Basic Books, 2002. – 464 p.
3. *Lakoff, G.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. – 241 p.
4. *Jackendoff, R.* The Parallel Architecture and its Place in Cognitive Science / R. Jackendoff // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis / ed. by B. Heine, H. Narrog. – Oxford Univ. Press Inc, 2010. – 2012. – Mode of access : <https://ase.tufts.edu/cogstud/jackendoff/papers/ParallelArchproofs.pdf> – Date of access : 05.09.2017.

О. И. Максименко, П. Н. Хроменков (Москва, Россия)

ЛИГВОКОНФЛИКТОГЕНЕЗ В ДИСКУРСЕ ИДЕОЛОГИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ (РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ)

Мотивация широких социальных конфликтов Нового времени определяется в большей степени идеологией. В дискурсивном плане сталкивались два подхода. Первый подход утверждал перманентность конфликта. Вторым подход был сформулирован ввиду кризиса первой объяснительной модели. Этот кризис проявился, в частности, в двух мировых войнах, череде революционных потрясений. Альтернативный подход утверждал принципиальную возможность прагматического разрешения конфликтных ситуаций, минимизацию противоречий путем нахождения баланса интересов. Возник вопрос о практической инструментальной профилактике конфликтов. Одним из возможных инструментов стали результаты лингвистических исследований.

Проблема генезиса конфликта в ее широком философском осмыслении привела к вопросу о природе человека. Конфликтологические объяснительные проекции определялись в конечном итоге принятыми за основу антропологическими моделями. Сталкивались взгляды об имманентном добре и имманентном зле человека. Если антропология определяется идущей от создателя установкой добра, то, следовательно, конфликты противоречат по своей сути природе человека. Соответственно, конфликты не только могут, но и должны быть разрешимы. Но если человек по природе своей зол, то конфликт естественен и имманентен человеческому существованию. Тогда речь может идти только о регулировании конфликтных ситуаций, но не о принудительном искоренении самих оснований конфликтов.

За основу новой модели миростроительства взят был именно тип природно злого человека. Социальная проекция принятия данной антропологической модели классическим образом была представлена Т. Гоббсом. «Естественным» состоянием, согласно Т. Гоббсу, являлась «война всех против всех». «Гоббсовский мир» – это поле борьбы как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Именно гоббсовская модель была воспринята в Новое время западной цивилизацией и взята за основу нового миростроительства.

В XIX в. гоббсовская модель была модернизирована в рамках дарвинизма. Основная идея Ч. Дарвина, привнесенная им в развитие конфликтологического дискурса, состояла в рассмотрении «борьбы за существование» и осуществляемого на ее основе естественного отбора в качестве движущих факторов эволюции. Модель понималась как универсальная для живой природы и экстраполировалась на социальную сферу. К теории Ч. Дарвина апеллировали идеологи, представлявшие весь идеологический спектр эпохи модерна. В рамках либеральной теории дарвиновская универсальность борьбы использовалась как обоснование естественности капиталистической конкуренции. В марксизме дарвиновское понимание универсальности борьбы переключалось с гегелевским законом «единства и борьбы противоположностей». К дарвиновской теории апеллировали и идеологии фашизма. Борьба за существование в человеческом измерении представала в фашистской версии борьбой народов и рас. Победы и поражения в этих конфликтах объяснялись расовыми качествами. Каждая из идеологий выработала исторически собственный конфликтологический лексикон. Он состоял из двух обязательных компонентов. Первый представлял слова, выражавшие деятельный императив борьбы. Второй – указывал непосредственно на противника, идентифицировал противоположную сторону конфликта. При этом противник наделялся, как правило, инфернальными и гротескными чертами. Лингвистический аппарат активно использовался при формировании особых идеологических семиосфер.

Мотивированной на перманентный конфликт являлась лексика, представлявшая идеологию Третьего рейха. Данные были получены путем сплошной выборки из «Энциклопедии Третьего Рейха» (1996). Последовательность во взаимосвязи конфликтных номинаций и реального конфликта

в данном случае особо показательна. Вначале вырабатывается конфликтосодержащий словарь, и только затем продуцируется сам конфликт. Лексика оказывается мотиватором агрессии.

Конфликтосодержащие лексемы в словаре Третьего рейха:

«бифштексы» (лица, вступившие в нацистскую партию из соображений выгоды), *«блицкриг»* (молниеносная война), *блуторден* (орден крови), *вервольф*, *версальский диктат*, *волчье логово*, *волчье ущелье*, *Германия*, *Германия превыше всего*, *гляйхшалтунг*, *доски позора*, *дегенеративное искусство*, *жизненное пространство*, *железный кулак*, *замки смерти*, *законы гетто*, *клуб господ*, *Зигфрида линия*, *книги смерти*, *корпус вождя*, *кровь и почва*, *лагеря смерти*, *майн кампф* (моя борьба), *махтерграйфунг* (захват власти), *мертвая голова*, *натиск на восток*, *ночь длинных ножей*, *окончательное решение еврейского вопроса*, *оружие возмездия*, *пангерманизм*, *подпольный фронт*, *расовое превосходство*, *союз борьбы за немецкую культуру*, *стальной шлем*, *триумф воли*, *удар в спину*, *унтерменшен* («недочеловеки»), *фюрер*, *черный корпус*, *штюрмер* (штурмовик), *«юдас – юде»* (игра слов «иуда-предатель» – «еврей»).

Лотмановский концепт «семиосферы» получил в последнее время широкое развитие в рамках различных гуманитарных дисциплин. Ряд работ был посвящен, в частности, исследованию феномена семиосферы «подполья» в различных его проявлениях в разных странах и разные исторические периоды. Во всех революциях и элитаристских инверсиях фиксируется конфликт семиосфер – «официальной» и «подпольной». Реконструируются не только противостояния социальных сил, но и противостояние двух семантически нагруженных словарей. Данное направление исследований объективно актуализировало задачу лингвистического анализа.

Особый словарь конфликтосодержащих номинаций был, в частности, исторически выработан в формате реализации подпольно-революционного проекта в Российской империи. Он, как показывают современные исследования, сыграл значимую роль и в дезавуировании режима самодержавия, и в привлечении сторонников революции.

Конфликтосодержащие лексемы подпольной семиосферы в Российской империи: *агитация*, *агитатор*, *апельсин* (бомба), *баррикада*, *бомба*, *булыжник*, *буржуи*, *буревестник*, *буря*, *воля*, *демонстрация*, *деспот*, *диктатура пролетариата*, *динамит*, *дубина*, *жандарм*, *забастовка*, *засовы*, *застенки*, *звезда*, *казаки*, *кандалы*, *капиталист*, *каторга*, *кнут*, *колокол*, *коммунары*, *контра*, *корона*, *красный цвет*, *кулаки*, *левый*, *месть*, *меч*, *мироеды*, *молот*, *мундир*, *нагайка*, *охотнорядцы*, *палачи*, *подполье*, *погром*, *провокаторы*, *престол*, *революция*, *реакция*, *старый мир*, *революционер*, *топор*, *тюрьма*, *трон*, *цепи*, *фронт*, *шпик*, *эксплуатация*, *эксы* (экспроприация), *эшафот*, *ярмо*.

Конфликтный семантический словарь, выработанный в рамках советского андеграунда, сам по себе сыграл роль идентификатора «своих» – «чужих» и деятельного мобилизующего мотиватора в процессе разрушения СССР. Впоследствии лингвистический инструментарий этого типа активно использовался при реализации сценариев «цветных» революций. Более того,

слова с семей конфликта приобрели в них определяющую роль. Они выступали уже не как отражение конфликтной реальности, а в качестве исходного, продуцирующего конфликт резонанса.

Ю. О. Найверт (Полоцк, Беларусь)

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ БАЗИСНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ФОРМА' (на материале немецкого языка)

Одним из направлений современных лингвистических исследований является изучение связи языковых процессов с когнитивными: восприятием, памятью, воображением, эмоциями, мышлением. При этом особый интерес вызывает у ученых диахроническая семантика, помогающая выявить концептуальные структуры, стоящие за семантическими сущностями и определяющие их суть и функционирование. Таким образом, обращение к этимологическим данным позволяет проводить более точный семантический анализ на синхронном уровне изучения языковой системы.

Объектом данного исследования являются базисные имена прилагательные немецкого языка со значением 'форма', целью – выявление истоков формирования их семантики. Будучи первичными (о чем свидетельствует их морфологическая структура) и входя в базовый лексикон, они фиксируют те формы объектов, которые вследствие своей значимости были выделены и зафиксированы человеком раньше, чем те, которые выражены производными лексическими единицами.

Так, анализ словарной дефиниции в толковом словаре современного немецкого языка DUDEN [1] свидетельствует о том, что форма *rund* 'круглый' определяется через указание на объекты шар и круг, которые выступают эталонами данной формы: *rund* 'круглый' «die Form eines Kreises, einer Kugel aufweisend, im Wesentlichen ohne Ecken und Kanten».

На основе данных словаря немецкого языка В. и Я. Гримм [2] нами было установлено, что этимологически слово *rund* 'круглый' восходит к *Rad* 'колесо', что и было, вероятно, эталоном этой формы. Интересно отметить, что, как утверждают авторы словаря, слово *rund* первоначально употреблялось для описания **нарисованных, начерченных** фигур или объектов, таких как *der Kreis* 'круг', *die Walze* 'цилиндр', *die Kugel* 'шар', характеризующихся равномерной кривизной.

Позднее *rund* 'круглый' используется для описания объектов, в той или иной степени похожих на вышеперечисленные *der Kreis* 'круг', *das Rad* 'колесо', *die Walze* 'цилиндр', *die Kugel* 'шар', поверхность которых является гладкой и ровной. При этом среди них выделяются как природные объекты и явления: *runder Apfel* 'круглое яблоко', *runder Zapfen* 'круглая шишка', *rundes Horn* 'круглый рог', так и артефакты: *runder Tisch* 'круглый стол', *runder Edelstein* 'круглый драгоценный камень', *runde Tonne* 'круглая бочка'.

При этом часто форма человеческого тела и его частей выступала тем объектом, на котором человек фиксировал признак *круглый*: *runder kopf* ‘круглая голова’, *rundes gesicht* ‘круглое лицо’, *runde backen* ‘круглые щеки’, *runde lippen* ‘круглые губы’, *rundes kinn* ‘круглый подбородок’ [2]¹.

Анализ лексических значений имен прилагательных *krumm* ‘кривой’, *gerade* ‘прямой’ на современном этапе развития языка показал, что, вследствие отсутствия указаний на объекты-эталоны признаков ‘прямой’, ‘кривой’, лексические единицы *krumm*, *gerade* не называют форму целостно, а скорее характеризуют ее отдельные части, структурные элементы – особенности контуров объектов: *krumm* ‘кривой’ «in seinem Wuchs, seiner Form nicht gerade, sondern eine oder mehrere bogenförmige Abweichungen aufweisend», *gerade* ‘прямой’ «a) in unveränderter Richtung fortlaufend, nicht krumm, gekrümmt; unverbogen; b) in natürlicher Richtung [fortlaufend], nicht schief; aufrecht; c) nicht schief; waagerecht, horizontal» [1].

Согласно данным словаря В. и Я. Гримм, признак *krumm* ‘кривой’ человек фиксировал в первую очередь на самом себе, на своем теле или его частях, а также на частях тела животного, **искривленных по причине болезни, возраста или же кривых от природы**: *krummen hande und fusze* ‘кривые руки и ноги’, *krumme nase* ‘кривой нос’, *krummer arm, rucken, finger* ‘кривая рука, спина, палец’, *krummer schnabel der Vogel* ‘кривой клюв птицы’, *die krummen horner* ‘кривые рога’. В ходе предметно-практической деятельности человек замечал признак *krumm* и на других, как естественных, так и искусственно созданных объектах внешнего мира, каждый из которых имел свои особенности кривизны. Однако, характеризуя эти объекты, человек абстрагировался от особенностей кривизны и подводил их под один знак: *krumm* ‘кривой’: *der eichelbaum... hat... krumpe wurzeln* ‘дуб имеет кривые корни’, *aste werden krumm gebogen* ‘ветви криво изогнуты’; *krummer stab* ‘кривая палка’, *krumm brot, kringel, bretzel* ‘закругленный хлеб, баранка, крендель’ [2].

Согласно языковым данным, как и для *krumm* ‘кривой’, объектом, на котором человек первоначально фиксировал признак *gerade* ‘прямой’, выступало также тело человека или части тела человека, что подтверждает положение об антропоцентризме языка. Однако, описывая их лексической единицей *gerade*, человек характеризовал одновременно **симметричность, пропорциональность, красоту**, а не только (просто) прямизну, что соответствует антропоцентрическому, ориентированному на человека, оценочному и интерпретативному пониманию языка: *ihr kehle die ist grad und schon* ‘ее шея прямая и красивая’, *du... hast einen geraden leib* ‘у тебя стройная красивая фигура’, *der kunig von Engelland ist ein gerade person* ‘король Англии статный, видный человек’ [Там же].

Имя прилагательное *gerade* ‘прямой’ употреблялось в описании формы вертикально-вытянутных объектов: *gerader weinstock, aufwachsend wie ein baumchen* ‘прямая виноградная лоза, растущая как деревце’, *gerade schrift im*

¹ При цитировании сохранено орфографическое оформление.

gegensatz zur schragen, liegenden ‘прямой почерк в противопоставлении косым, «лежащим на стоке» буквам’ или же горизонтально прямых объектов: *ein berg von einer graden hohe* ‘о горе, имеющей прямую высоту’ [2].

Для описания острой формы предметов в современном немецком языке служат две лексические единицы *scharf* и *spitz*. Анализ словарных дефиниций рассматриваемых имен прилагательных показал, что *scharf* имеет наиболее общее значение и может относиться как к острому краю, так и к острому концу: *scharf* ‘острый’ «(am Rand o.Ä.) nicht abgerundet und glatt, sondern in eine Spitze, in einen spitzen Winkel zulaufend», в отличие от *spitz* ‘остроконечный’ «in einer [scharfen] Spitze endend» [1].

В этой связи интересно отметить, что, согласно данным этимологического словаря В. и Я. Гримм, и с именем прилагательным *scharf* ‘острый’, и с именем прилагательным *spitz* ‘остроконечный’ первоначально употреблялись объекты, которые могут **колоть, легко во что-либо проникать, резать**: *scharff sind deine pfeile* ‘остры твои стрелы’, *scharff wie ein zweischneitig schwert* ‘острый как двусторонний меч’, *scharffe sichel* ‘острые серпы’, *scharff schermesser* ‘острые ножницы’, *scharfes beil* ‘острый топор’, *spitzes messer* ‘острый нож’, *spitz wie nadel* ‘острый как иголка’, что свидетельствует о том, что осмысление признака ‘острый’ происходило в результате опыта, контакта человека с острыми предметами [2].

Анализ словарной дефиниции имени прилагательного *stumpf* ‘тупой’ показал, что на современном этапе развития языка способность описания этой лексической единицей невозможности выполнения функционального предназначения объекта выступает на первый план: *stumpf* ‘тупой’ «(von Schneidewerkzeugen) nicht [mehr] gut schneidend; nicht scharf» [1].

Генетически и исторически самым первым значением имени прилагательного *stumpf* было значение *verkürzt, verstümmelt* ‘**укороченный, изувеченный, изуродованный**’. Именно на нем базируются все последующие значения этой лексической единицы. Объектами, которые человек описывал этим словом, было изувеченное, изуродованное, укороченное человеческое тело, части тела, тело животного, части тела животного: *mit stumpfem leib* ‘с изувеченным телом’, *stumpfer schwanz* ‘обрубленный хвост’ [2].

Таким образом, выявленные особенности формирования значения имен прилагательных *rund* ‘круглый’, *krumm* ‘кривой’, *gerade* ‘прямой’, *spitz* ‘острый’, *scharf* ‘острый’, *stumpf* ‘тупой’ в немецком языке позволяют сделать следующие выводы.

1. Форму объектов окружающего мира человек (номинатор) фиксировал, в первую очередь, ориентируясь на собственное тело/части тела или на объекты своего ближайшего окружения.

2. Полученные данные свидетельствуют о разном концептуальном основании семантики исследуемых имен прилагательных: а) форма как результат опыта, контакта с предметами (*spitz, scharf*); б) форма как отклонение от нормы (*krumm, stumpf*); в) форма как норма (*gerade*); д) форма как визуальное восприятие (*rund*).

ЛИТЕРАТУРА

1. DUDEN Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. von der Dudenred. – 4., neu bearb. u. erw. Aufl. – Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 2001. – 1892 S.
2. *Grimm, J.* Deutsches Wörterbuch [Электронный ресурс] / J. Grimm, W. Grimm. – Режим доступа : <http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher/dwb/wbgui?lemid>. – Дата доступа : 09.08.2017.

К. Г. Никитенкова (Минск, Беларусь)

АНАЛОГИЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ КОМПОНЕНТОВ (на материале немецких имен прилагательных)

Переходный компонент – единица со статусом слова в функции аффикса. Интересным для исследования стало выявление механизмов формирования обобщенного словообразовательного значения вторых переходных компонентов.

В анализируемом корпусе вторых переходных компонентов имен прилагательных (184 единицы) был выявлен ряд вторых переходных компонентов, связанных друг с другом парадигматическими отношениями синонимии либо антонимии и демонстрирующих схожесть в механизмах формирования их значений. Это две антонимичные пары: *-freundlich* – *-feindlich*, *-nah* – *-fern* и одна синонимичная пара *-lustig* – *-freudig*. Причем если для одного элемента пары этот механизм удалось вскрыть, то для другого он явно не мог быть установлен. В этом случае для утверждения становления обобщенного значения такого компонента, сопровождаемого одновременным расширением семантических контекстов, что эксплицировано в первую очередь в дефиниции другого компонента пары, применялся принцип аналогии. Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю аналогия заключается в семантическом уподоблении одной единицы языка другой или переносе отношений, существующих в одной паре (серии) единиц, на другую пару (серию) [1, с. 31].

Лексико-семантический вариант (ЛСВ) № 1 компонента *-freundlich* имеет общую сему с одним из значений прилагательного *freundlich*, а именно ‘приятный’, ср.: *-freundlich* «drückt in Bildungen mit Substantiven aus, dass die beschriebene Sache für jemanden, etwas günstig, **angenehm**, für etwas gut geeignet ist» ‘что-л. является приятным, подходящим для чего-л., кого-л.’ (здесь и далее перевод наш. – К. Н.) – *freundlich* «**angenehm**, ansprechend, heiter [stimmend]» (приятный, привлекательный, веселый) [2]. Если в прилагательном эта сема актуализируется только по отношению к погоде (*freundliches Wetter* ‘приятная, подходящая (для прогулок и прочего) погода’), то в компоненте происходит расширение семантики первых компонентов, для которых что-л. является приятным, например: для кожи (*Haut*) → *hautfreundlich* ‘приятный для кожи, щадящий кожу’, для желудка (*Magen*) → *magenfreundlich* ‘приятный для желудка, не вызывающий расстройств желудка’ и т.п. [Там же].

У антонимичного компонента *-feindlich* связь между его значением и значением прилагательного не прослеживается, поскольку нет общей с самостоятельным прилагательным семы 'неподходящий, бесполезный, имеющий негативные последствия'. Однако антонимические отношения между компонентами *-freundlich* и *-feindlich*, а также между единицами, образованными с ними, типа *verbraucherfreundlich/verbraucherfeindlich* 'имеющий хорошие/плохие последствия для потребителя', *arbeitnehmerfreundlich/arbeitnehmerfeindlich* 'имеющий/не имеющий преимуществ для работников по найму', *körperfreundlich/körperfeindlich* 'полезный/вредный для тела' и др. [2; 3] позволяют заключить, что формирование обобщенного значения компонента *-feindlich* происходит по аналогии с формированием семантики второго переходного компонента *-freundlich*.

Формирование обобщенного значения компонента *-fern* происходит по аналогии со значением антонимичного компонента *-nah*. Вторые переходные компоненты *-fern* и *-nah* в своем основном значении демонстрируют генерализацию, переосмысление семантики: *-nah (-fern)* «drückt in Bildungen mit Substantiven aus, dass die beschriebene Sache auf jemanden, etwas (nicht) ausgerichtet ist, sich an jemandem, etwas (nicht) orientiert» '(не)ориентированный, (не)направленный на кого-л., что-л.' [2], например: *menschenfern – menschnah* '(не)направленный на людей, (не) в интересах людей, *bürgerfern* 'что-л. не в интересах граждан, *staatsfern* 'не в интересах государства и др. [2; 3]. Сема направленности, ориентированности на кого-либо, что-либо имплицитно представлена в ЛСВ № 3 прилагательного *nah* «(übertr.) **eng, vertraut**» '(пер.) тесный, близкий (об отношениях, взглядах и под.)' [2]. В структуре значения прилагательного *fern* подобная сема не выявляется. Следовательно, основываясь на принципе аналогии, можно заключить, что процесс формирования обобщенного значения компонента *-fern* схож с процессом формирования значения компонента *-nah*. Подтверждением этого может служить существование в языке антонимичных словообразовательных продуктов с данными компонентами, например: *basisfern – basisnah, gottfern – gottnah, branchenfern – branchennah* и т.п. [2; 3].

Компонент *-freudig* во всех своих четырех ЛСВ имеет значения, отличающиеся от значений самостоятельного прилагательного *freudig* со значением 'радостный'. Новые значения компонента приобретают семы 'охотно делающий что-л.' и тем самым выступают синонимичными значению компонента *-lustig*. Приведем примеры некоторых значений компонента:

-freudig (ЛСВ № 1) «drückt in Bildungen mit Verben (Verbstämmen) aus, dass die beschriebene Person **gern und häufig etwas macht**» (кто-л. делает, совершает ч-л охотно и часто), например: *reisefreudig* 'охотно (и часто) путешествующий' [2];

-freudig (ЛСВ № 2) «drückt in Bildungen mit Substantiven aus, dass die beschriebene Person schnell, **gern bereit zu etwas ist**» (кто-л. охотно готов к чему-л., готов быстро совершить что-л.), например: *reformfreudig* 'готовый проводить реформы', *entscheidungsfreudig* 'готовый охотно (быстро) принимать решения' [2].

При анализе дефиниций прилагательного *freudig* и существительного *Freude* становится очевидным, что компонент *-freudig* не демонстрирует семантической связи с данными родственными ему основами: ни у прилагательного *freudig*, ни у существительного *Freude* нет семы 'охотно (и часто) делать, совершать что-л.'. Ср.:

freudig «a. von Freude erfüllt, bestimmt; froh; b. Freude bereitend; erfreulich» a. 'наполненный радостью, радостный'; b. 'доставляющий радость, отрадный';

Freude «1. hochgestimmter Gemütszustand; das Froh- und Beglücktsein; 2. (gehoben) etwas, was jemanden erfreut» 1. 'хорошее расположение духа; состояние радости и счастья'; 2. '(выс.) что-л., что радует кого-л.' [2].

Однако указанная сема содержится в семантике компонента *-freudig*, о чем свидетельствует ряд примеров: *diskutierfreudig* 'охотно (и часто) вступающий в дискуссии, любящий дискутировать', *sportfreudig* 'охотно (и часто) занимающийся спортом, любящий спорт' и др. [2; 3]. Таким образом, формирование значения компонента *-freudig* произошло по аналогии с синонимичным компонентом *-lustig*. Доказательствами этого являются, во-первых, толкования единиц с одним из компонентов посредством единиц с другим компонентом, например, *reisefreudig* «*reiselustig*»; во-вторых, существование ряда синонимичных единиц с данными компонентами, например: *arbeitsfreudig* – *arbeitslustig*, *kampffreudig* – *kampflustig*, *kauffreudig* – *kauf lustig*, *lebensfreudig* – *lebenslustig* и т.д. [2; 3].

Таким образом, значения переходных компонентов могут формироваться по аналогии со значениями компонентов, с которыми они связаны парадигматическими отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 707 с.
2. Duden – Online [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://www.duden.de>. – Дата доступа : 11.09.2017.
3. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dwds.de>. – Дата доступа : 25.09.2017.

J. Pacovská (Liberec, Czech Republic)

THE PICTURE OF A CZECH SCHOOL THROUGH THE PRISM OF CHILDREN OF OLDER SCHOOL AGE

One of the key terms in cognitive linguistics, especially in its cultural and ethnolinguistic direction, is the *linguistic picture of the world*. This is a complex term which, as J. Underhill states, may be characterised through five sub-concepts. He calls them *world-perceiving*, *world-conceiving*, *cultural mindset*, *personal world*, and *perspective*. These terms represent the following: stages of the ongoing

process of understanding the world, sharing the feelings in comprehending the world, influence of culture on the understanding of the world, personal attitude towards the world, and changes in understanding the world which takes place in the course of our development. It is apparent from the terms that the author regards the extent of shareability of viewpoint as the main distinctive feature. Firstly, it is shared nationally as well as within a particular culture, and secondly, it is also generated by an individual as a member of a particular nation [1].

It is the shareability of the linguistic picture of the world that is the focus point of our paper as well. In this paper we are going to look into conceptualisation of Czech school through the eyes of children. Therefore, we shall concentrate on a single segment of the linguistic picture of the world, and we shall observe how this picture is generated by Czech children, in particular children of older school age that attend the senior level of elementary school in the Czech Republic.

For cognitive linguistics in whose theoretical framework we work, linguistic references to reality are essential. Language is not only the medium of thoughts, expression and communication – it is also the picture of the world, a model of the world, and therefore it is a testimony of what the natural world actually is [2] The path towards uncovering the linguistic picture of the world leads through revealing connotative elements in the meaning of words, because connotations point not only to the objective and verifiable attributes of phenomena, but they also capture the way native speakers think about them, what ideas are generated in their mind, what are their life experiences, their way of experiencing, and their values. If we focus on the connotative elements of meaning, we find out ...“what is linked to the given expression in the conceptual system of native speakers, what is evoked in them while using that expression, and therefore what modifies the attitude of native speakers towards denotation...” [3, p. 28].

As Underhill mentions (cf above), the linguistic picture of the world changes in the course of our development, i.e it is dependent on the age of the speakers. We based our research on a questionnaire survey distributed among sixty pupils of the 6th and 8th grade of elementary school. We asked the following question: *What words do you think of when you imagine school?* Consequently, we created semantic categories of data based on the shared semantic attributes of submitted answers that corresponded to the connotative elements of the meaning of “school.” By means of a research probe we were striving to discover what kind of image of school forms in the minds of elementary school pupils these days. Through our research we found out about the experiences that pupils gain at school, in what way school influences their value system, their attitudes, emotional experiences, and whether they perceive school as an inspirational life environment.

The following overview records the most frequent connotations which, according to our research, make up the image of a Czech school in children of older school age. The following overview presents the most frequent connotations, i.e. particular linguistic expressions (examples in brackets) which we grouped into semantic categories (in bold). The categories are lined up in a descending order according to the number of concrete answers given in each category:

- 1) school – **education** (educating / education, skills, knowledge, experience, teaching, teaching how to learn);
- 2) school – **relationships** (friends, getting to know new people, respect, tolerance, role models);
- 3) school – **negative emotions** (loathing, boredom, troubles, shame, fear, waste of time, nerves);
- 4) school – **positive emotions** (love, new acquaintances, calm, carelessness, fun);
- 5) school – **staff** (teachers, pupils, janitor, principal, cooks, schoolmates, supervision);
- 6) school – **building** (building, space, classrooms, corridors, cafeteria, gym);
- 7) school – **life** (school of life, preparation for life, rules, order, personality development, future).

The research we just presented, as well as some of our previous researches [4] and the monitoring of authentic school teaching and numerous interviews conducted among pupils both former and current, shows that the creation of a positive image of school is significantly encouraged by communication that is based on respect towards the pupil's personality; this in turn generates a friendly atmosphere at school that stimulates education. The questionnaire survey has shown that it is necessary to support the awareness of how useful Czech language teaching is from the viewpoint of life perspectives, and that it is vital to reinforce positive interpersonal relationships through teaching – the result being an experience of positive emotions.

It is disquieting that pupils associate school with negative emotions more frequently than with positive emotions. This information should prompt teachers to pursue such attitude towards pupils and such teaching methods that it would be possible to eliminate negative emotions which may even lead to the development of serious psychosomatic issues in pupils.

The research confirmed that emotions and relationships experienced in the school environment mean a lot to schoolchildren. Unfortunately, as we have just mentioned, negative emotions prevail over positive emotions. This finding is also in accordance with pedagogic researches that have confirmed the essential role of school as an environment in which interpersonal relationships are formed in a significant way. The responsibility for their formation is mainly on the teacher.

The results we arrived at are also in accordance to our previous research [4] in which we analysed what character traits of teachers are most treasured by university students. The prevalent answer was the teacher's ability to contribute to the formation of friendly relationships which influences the entire atmosphere in the classroom. At the same time we enquired what character traits define a teacher who is regarded by students as a personality. Even here the participants pointed out – besides the teacher's erudition as a specialist – his or her helpfulness and respect towards the students, empathy, and other attributes on the basis of which relationships within the class are formed.

Cognitive view on language which we have illustrated in our text through the approach to lexical meaning, can be used as a diagnostic tool which exposes the conceptualisation processes of a certain segment of population – in the case of our present research, children – and therefore it enables us to look into the pupils' linguistic picture of the world. By the same token, our findings can be used as an indicator of teaching success as it provides the teacher with a significant reflection on their pedagogic activities.

The paper was supported by the SGS 21166 project Language Stereotypes in the School Environment from the Viewpoint of Cognitive Linguistics.

REFERENCES

1. *Underhill, J. W.* Creating Worldviews: metaphor, ideology & language / J. M. Underhill. – Edinburgh : Edinburgh UP, 2011. – 302 p.
2. *Vaňková, I.* Nádoba plná řeči / I. Vaňková. – Praha: Karolinum, 2007. – 312 s.
3. *Vaňková, I.* Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky / I. Vaňková. – Praha: Karolinum, 2005. – 343 s.
4. *Pacovská, J.* K hlubinám šudákovy duše. Didaktika mateřského jazyka v transdisciplinárním kontextu / J. Pacovská. – Praha: Karolinum, 2012. – 244 s.

Ю. И. Петракова (Минск, Беларусь)

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССАХ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Лексические единицы языка, участвуя в процессах вторичной номинации, выступают в качестве производящих баз для порождения наименований, свидетельствующих о выполнении тех или иных номинативных запросов, или ономасиологических заданий. Строго говоря, каждая возникающая лексическая единица манифестирует отдельное задание номинации, однако в лингвистике общепризнанным является тезис о том, что зависимость между производными и исходными единицами, а следовательно, между ономасиологическими заданиями и производящими базами, особенно четко прослеживается на уровне их лексико-семантических характеристик.

Как известно, неотъемлемым свойством производных единиц является указание на связь обозначаемых сущностей с другими объектами, признаками, действиями, наименования которых представляют собой соответствующие производящие базы. В связи с этим возникает вопрос о том, каким диапазоном именуемых категорий характеризуются те или иные классы производящих баз и, самое главное, возможно ли частичное совпадение этих ономасиологических диапазонов у единиц разной лексико-семантической отнесенности.

На материале имен существительных немецкого языка – наименований частей тела, орудий труда и психических свойств, участвующих в словообразовании и семантической деривации, был установлен ряд характеристик, как объединяющих, так и разграничивающих ономасиологические возможности единиц разных лексических классов при формировании субстантивных наименований.

1. Для всех исследуемых классов единиц, вовлекаемых в словообразование и семантическую деривацию, приоритетным номинативным запросом является внутрикатегориальная номинация, т.е. порождение номинативных единиц с теми же лексико-семантическими характеристиками, что и у их производящих баз. Например, среди дериватов, формируемых на базе наименований орудий труда, около 75 % единиц имеют ту же лексико-семантическую принадлежность, что и их производящие базы: *die Schaufel* 7. ‘ковш’ (*die Schaufel* ‘лопата’); *der Meißel* 2. ‘(мед.) корпия, долото’ (*der Meißel* ‘долото’); *der Schlichthobel* ‘фуганок для чистовой обработки’ (*der Hobel* ‘рубанок’); *das Pflugmesser* ‘лемех (плуга)’ (*der Pflug* ‘плуг’); *die Scheibenegge* ‘дисковая борона’ (*die Egge* ‘борона’) и др. Центральное положение внутрикатегориальной номинации свидетельствует о том, что в словообразовании и семантической деривации наиболее часто актуализируются связи между членами одной категории.

2. Вторая сфера, в которой сближаются ономасиологические возможности субстантивных единиц изучаемых классов в немецком языке, представлена выполнением одних и тех же ономасиологических заданий. Так, единицы всех трех лексических классов задействованы для номинации **лиц** (*die Fratze* 3. ‘неприятный человек’; *die Säge* 3. ‘неприятный человек, «пила»’; *der Seelenröster* ‘утешающий человек, «жилетка»’); **приборов и механизмов** (*die Drossel* 2. ‘дрессельная катушка’, *der Nagelbohrer* ‘буравчик’; *die Seele* 4. ‘жила кабеля’); **физических свойств и физиологических состояний живых существ** (*die Fettleber* ‘ожирение печение’, *die Hammerzehe* ‘деформация пальцев стопы’, *das Gemütsleiden* ‘душевная болезнь’); **предметов одежды, обихода и украшений** (*das Bein* 4. ‘брючина’, *die Keilhose* ‘зауженные внизу брюки’, *der Seelenwärmer* ‘вязаная жилетка, душегрейка’) и т.д. Соответствующие ономасиологические задания выполняются на базе таких, казалось бы, разнородных производящих баз, как наименования частей тела, орудий труда и психических свойств. Многообразие используемых источников для достижения одной цели номинации свидетельствует, на наш взгляд, о центральном положении данных сфер номинативной аттракции в ментальном лексиконе носителя языка. Стремясь описать и назвать разнообразие объектов, принадлежащие определенным категориям, именуемый субъект обращается к богатому производящему потенциалу лексической системы и использует инвентарь единиц не одного, а, по крайней мере, нескольких лексических классов.

Привлекает внимание также тот факт, что ономасиологические задания, осуществляемые на базе единиц всех исследуемых лексических классов, в основном выполняются и обоими номинативными механизмами –

словообразованием и семантической деривацией (например, при номинации животных на базе наименований частей тела: *der Blutegel* ‘пиявка’ – *das Blut* ‘кровь’; *die Zunge* 7. ‘камбала морская’ – *die Zunge* ‘язык’; при номинации лиц на базе наименований орудий труда (*der Nadler* ‘игольщик’ – *die Nadel* ‘игла’; *der Stift* 2. ‘подмастерье’ – *der Stift* ‘шпенек’). Обращение именуемого субъекта к производящим базам разных лексических классов и использование при этом обеих номинативных стратегий еще раз подтверждает важный статус данных областей номинативной аттракции среди всего многообразия возможных целей номинации.

3. Для единиц исследуемых лексических классов немецкого языка характерна количественная дифференциация их ономаσιологических возможностей. Так, наибольшее число ономаσιологических заданий выполняется на базе наименований частей тела (всего 29 заданий), а наименьшим диапазоном характеризуются наименования психических свойств (всего 12 заданий). Указанная неравномерность определяется, с одной стороны, разным количеством производящих баз соответствующих лексических классов (238 наименований частей тела vs. 37 наименований психических свойств). С другой стороны, различается и степень востребованности конститuentов исследуемых лексических классов во вторичной номинации. Согласно полученным данным, наибольшей активностью характеризуются наименования частей тела: на базе одной единицы данного лексического класса выполняется в среднем четыре ономаσιологических задания. Менее активны наименования орудий труда и психических свойств: на одну единицу этих классов приходится в среднем два и одно задания соответственно. Неодинаковый ономаσιологический потенциал исходных наименований свидетельствует о разной значимости соответствующих денотативных областей для именуемого субъекта. При обращении к семантике наименований частей тела возможности выбора ономаσιологических заданий, по-видимому, наиболее широки, в то время как класс наименований психических свойств является наименее активным донором среди имеющихся. Таким образом, лексико-семантическая принадлежность производящей единицы в значительной степени предопределяет широту диапазона ее использования в качестве источника номинации.

4. Различия ономаσιологических возможностей исследуемых лексических единиц обусловлены также теми номинативными заданиями, выполнение которых возможно на базе единиц только одного или двух полей. Согласно полученным данным, пользователь немецкого языка, обозначая объекты из области **сверхъестественного**, обращается только к наименованиям психических свойств как к производящим единицам (*der Geist* 5. ‘призрак’ – *der Geist* ‘душа, сознание’) и не задействует во вторичной номинации наименования частей тела и орудий труда. Напротив, для того чтобы назвать **продукты жизнедеятельности**, используются лишь наименования частей тела (*das Nasensekret* ‘носовой секрет’ – *die Nase* ‘нос’), а наименования орудий труда и психических свойств при выполнении данного задания остаются, по нашим данным, невостребованными.

Рассматривая ономасиологические задания, характерные для конститuentов только одного лексического класса и не выполняемые на базе единиц других семантических объединений, можно, по-видимому, говорить о том, что связи между некоторыми категориями (например, частями тела и областью сверхъестественного) если и возможны, то, по крайней мере, не получают лексической объективации в словообразовании и семантической деривации в немецком языке.

Таким образом, сопоставление лексико-семантических характеристик субстантивных дериватов, образованных на базе наименований частей тела, орудий труда и психических свойств, дает представление о том, между какими категориями объектов именуемый субъект устанавливает связи при порождении наименований с помощью словообразования и семантической деривации, а также по каким линиям осуществляется сближение и дифференциация ономасиологических возможностей у единиц разной лексико-семантической отнесенности.

В. С. Сатинбаева (Смоленск, Россия)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ БЛОГ-ДИСКУРСЕ
(на примере авторского блога)

В последнее время ввиду стремительного развития интерактивных коммуникативно-информационных технологий и сетевых ресурсов происходит активное взаимодействие индивидов как представителей различных организаций, профессий, социальных слоев, а также лингвокультурных сообществ. Наряду со всеми существующими сетевыми сервисами Интернета блог как один из асинхронных жанров дигитальной коммуникации по праву занимает свое место среди популярных интерактивных ресурсов в современном глобальном медиаландшафте.

Сегодня во Всемирной паутине функционируют тысячи блогов, различных по своему содержанию (контенту), мультикодальному [1] наполнению (текстовый блог, видеоблог, микроблог), тематической направленности (спортивные, политические, медицинские и др.). Это приводит к формированию в интерактивном пространстве Всемирной паутины *уникальной коммуникативной среды* – блог-дискурса, которая позволяет автору блога быть «наедине со всеми» (происходит объединение публичной и интимной сфер) и выбирать при этом наиболее удобную модель взаимодействия с реципиентами в сочетании публичного и интимного [2].

В рамках данного исследования в качестве объекта анализа выступает авторский блог всемирно известного немецкого вратаря и футбольного эксперта Оливера Кана на сайте <http://www.bild.de>. Став одним из лучших

голкиперов в истории футбола, он представляет собой достаточно авторитетную личность в современных СМИ, что объясняет популярность его блога среди почитателей и фанатов данного вида спорта.

Являясь основным средством коммуникации, передачи информации, а также выражения мыслей индивида, язык способен передавать концептуальный образ окружающей действительности, в том числе и сферы его профессиональной жизни. Вслед за Л. А. Чернышовой, мы полагаем, что в процессе мыслительной и речевой познавательной деятельности формируется и аккумулируется профессиональное знание, которое оформляется и закрепляется при помощи языка, отражая тем самым понятия универсальной, объективной *профессиональной картины мира*, которая, в свою очередь, эксплицировавшись средствами национального языка, дефинируется уже как профессиональная языковая картина мира (ПЯКМ) [3, с.100].

Таким образом, ПЯКМ инкорпорирует те области профессиональной жизни индивидов, принадлежащих к одной социально-профессиональной группе, которые входят в их ментальность, представляют определенные наиболее важные для них концепты, а также языковые константы, включенные в сознание каждого члена данного лингвокультурного сообщества [4].

При учете того, что общение посредством сетевого сервиса блог происходит через электронные сигналы коммуникации с включением в дистанцированное интерактивное взаимодействие различных национальных культур и представляет собой асинхронный полилог автора и реципиентов в рамках адаптированного к специфике виртуального мира сетевого дневника /журнала событий и комментария к нему, отображение фрагментов ПЯКМ в постах блогера-спортсмена представляется нам логичным и закономерным. Это связано, в первую очередь, с профессиональным самосознанием индивида и степенью его идентификации с той или иной профессиональной группой, а также с уровнем эмоциональности и пристрастности к определенному роду занятий.

Если говорить о блоге Оливера Кана как о журнале событий профессионального спортсмена, то его ПЯКМ будет включать в себя *интегральные* (определяющие и наполняющие содержание), *универсальные* (общие для всех представителей данной профессии) и *дифференциальные* (доминантные, отличающие данную профессиональную группу от других) *аспекты*.

Для более системного описания *интегральных аспектов* ПЯКМ Оливера Кана с помощью компьютерной программы Анализатор текста (<http://www.web-shpargalka.ru/servis-analizator-texta.php#rops>) был составлен топ-5 ключевых слов, которые наиболее часто встречаются в лексиконе автора и являются основными (ядерными зонами) для построения всего лексического контента блога:

- 1) *Bayern* 'Бавария' – футбольный клуб (более 35 употреблений);
- 2) *Spieler* 'игрок' (более 20 употреблений);
- 3) *Mannschaft* 'команда' (более 14 употреблений);

4) *Bundesliga* ‘Бундеслига’ – высшая футбольная лига в ФРГ (более 13 употреблений);

5) *Sieg* ‘победа’ (13 употреблений).

Все вышеперечисленные ключевые слова являются не просто наиболее употребительными понятиями в ментальном лексиконе Кана, а представляют собой важные составляющие части его биографии и профессиональной деятельности, что свидетельствует о высокой доле субъективности и эмоциональности интерпретации автором спортивных событий.

Универсальные аспекты ПЯКМ блогера представлены, главным образом, общеспециальными терминами, например: *die Saison* ‘сезон’, *der Titel* ‘титул’, ‘звание’, *der Trainer* ‘тренер’, *das Training* ‘тренировка’ и др.

В качестве д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы х а с п е к т о в ПЯКМ спортсмена можно выделить следующие. 1. Оперирование узкоспециальными терминами (*der Gegentreffer* ‘ответный гол’, *der Torjäger* ‘бомбардир’). 2. Образность и экспрессивность, что выражается в употреблении автором изобразительно-выразительных средств, сравнительных конструкций, образных выражений и способствует созданию определенной эмоциональной атмосферы общения, а также «своей» речевой манеры говорящего субъекта [5, с. 34]. Например: *Die dadurch (große Räume im Rücken) entstehende fehlende Kompaktheit ist Reals größte Achillesferse und Bayerns reale Chance aufs Finale* ‘Недостающая «Реалу» компактность на задней линии обороны (из-за возникающих свободных зон) является его **ахиллесовой пятой** и одновременно шансом для «Баварии» пройти в финал»; *Ein Knackpunkt wird sein, ob Reals galaktischer Sturm mit Cristiano Ronaldo, Karim Benzema und Gareth Bale zur Entfaltung kommen wird* ‘Основной момент заключается в том, приведет ли **галактический шторм** «Реала» с Криштиану Роналду, Каримом Бенземой и Гаретом Бэйлом к желаемой развязке’. 3. Доминантные оппозиции концептосфер. В данном случае была выявлена ключевая оппозиция «Победа – Поражение», которая наиболее характерна для ПЯКМ футболиста (таблица).

Оппозиция «Победа – Поражение»

Победа	Поражение
<i>das absolute Ziel</i> ‘абсолютная цель’	<i>die verschwundenen Hoffnungen</i> ‘исчезнувшие надежды’
<i>die Tabellenführung</i> ‘лидерство в турнирной таблице’	<i>der Abstieg</i> ‘переход в более низкую футбольную лигу в результате поражения’
<i>das Maximale</i> ‘максимум’	<i>der Tabellenkeller</i> ‘последние места в турнирной таблице’
<i>der Erfolg</i> ‘успех’	<i>die Katastrophe</i> ‘катастрофа’, <i>die Blamage</i> ‘позор’
<i>der Titelgewinn</i> ‘выигрыш титула чемпиона’	<i>das Scheitern</i> ‘крах’

Таким образом, анализ блога Кана как профессионального спортсмена позволяет нам выделить пласт базовых лексических единиц, которыми оперирует автор, а также доминантные концепты в их оппозиции, представляющие собой важную составляющую профессиональной языковой картины мира футболиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Weblogs: kurz und bündig [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mediensprache.net/de/websprache/weblog/info/>. – Дата доступа : 07.09.2017.
2. *Гермашева, Т. М.* Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса / Т. М. Гермашева // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 2 (140). – С. 36–40.
3. *Чернышова, Л. А.* Профессиональная языковая картина мира: общее и национально-обусловленное / Л. А. Чернышова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2011. – № 6. – Т. 2. – С. 98–102.
4. *Миронова, С. П.* Профессиональная сфера в концептуальной картине мира / С. П. Миронова // Педагогический журнал Башкортостана. – 2012. – № 3 (40). – С. 27–32.
5. *Лазуренко, Е. Ю.* Профессиональная коммуникативная личность / Е. Ю. Лазуренко, М. С. Саломатина, И. А. Стернин / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 194 с.

А. В. Сытько (Минск, Беларусь)

ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Человек есть **долженствование**, а не бытие.
Н. А. Бердяев

Модальность в лингвистике традиционно рассматривалась в качестве грамматической, функционально-семантической категории. В настоящее время осуществляются попытки ее анализа в лингвопрагматическом ключе, поскольку ни один тип дискурса не может быть организован без участия модальности. Жизнь языковой личности чрезвычайно тесно связана с различными социальными институтами, которые всё больше проникают в повседневные ситуации отдельно взятого человека, чем обусловлено обращение к анализу модальности в *институциональном* дискурсе, языковом корреляте определенной социально-культурной практики. В данной работе мы останавливаемся на предварительном описании *параметров* исследования деонтической модальности (деонтики) или модальности *долженствования/необходимости*, в *письменных* прототипных жанрах научного (монография, диссертация, статья) и рекламного (объявление) дискурсов, а также

непрототипного политического (партийные программы, манифест, устав)¹. Особый интерес представляет рассмотрение данной категории с учетом асимметрии различных лингвокультур, что обусловило обращение к материалу двух неродственных языков (немецкого и русского). Каждый из дискурсов имеет отличную онтологию, различающиеся системы абстракций (идеальных объектов), расходящиеся целевые векторы и свою специфику в синтаксическом, семантическом и прагматическом (иллокутивном) отношениях.

Интенциональный подтекст данных дискурсов во многом определяет их доминантную модальность и набор ее частных значений, а также способы модализации высказывания. Различные дискурсные процессы, мотивирующие порождение высказывания, могут лечь в основу параметризации деонтики в дискурсе.

Дискурсная мотивация деонтики. Суть данного вида модальности состоит в ее целеустремленности: «нужно/должно» может быть только то, что направлено на достижение некоторой цели, что обуславливает ретроспективно-перспективную организацию дискурса и его референциальные особенности. Смысловая структура деонтики содержит логическую (прото)пропозицию каузации (в широком смысле): X есть причина У. Контекстуальная обусловленность долженствования в рассматриваемых дискурсах будет иметь различный характер (причинно-аргументирующий, причинно-следственный, условный). Следовательно, необходимо проследить, какие модели контекстуальной обусловленности долженствования могут существовать и какова их частотность в различных институциональных практиках в одном и в разных языках, что выступает в качестве контекстуальных маркеров данной обусловленности. Например, НД: *Источником разрешения при выражении пермиссивного значения обязательно должен быть говорящий, поскольку...* [1, л. 44].

Референция долженствования. Референт деонтики в каждой из институциональных практик различен. Например, в политической сфере предмет референции – «как обстоит дело сейчас», связь ретроспективная, на основании чего строится вывод о необходимости/ обусловленном побуждении/ долженствовании: (ПД) *Но бюджетные деньги до школы не доходят, потому что ими местные власти затыкают более срочные «дыры» в своем хозяйстве. В результате учителя месяцами не получают зарплату, а ученики не получают качественных знаний. ОРП «Русь» считает, что в системе народного образования **следует** ввести прямое финансирование в виде зачисления средств на индивидуальный счет ученика в образовательных учреждениях* [2]. В этом случае деонтика реализуется в декларирующем и программирующем содержательном ключе: «нерешенные проблемы» + «рекомендации», что предполагает успешное положение дел в будущем. Отмечается также и перспективная референция

¹Далее сокращения: ПД – политический дискурс, НД – научный дискурс, РД – рекламный дискурс.

(предмет референции – «что будет»), в этом случае деонтическое высказывание реализуется в моделирующем ключе – «опыт vs. предложение» (что необходимо сделать далее): (ПД) *Mit gezielten Maßnahmen, die aufgrund der örtlichen Gegebenheiten **erforderlich sind**, wollen wir die Zahl der schweren Unfälle und Verkehrstoten reduzieren. Sicherheit im Verkehr ist für uns von großer Bedeutung* [3]. ‘Целенаправленные меры **необходимы** в силу местных условий, таким образом **мы хотим уменьшить количество серьезных аварий и смертельных случаев**. Безопасность движения очень важна для нас.’ В научном дискурсе долженствование ретроспективно: констатируются некие факты, затем следуют определенные выводы и рекомендации. Такая референция способствует созданию аргументативных последовательностей, делающих оценки достоверными и отображающими структуру познавательного процесса. Ее содержательная основа находится в программирующем ключе, в результате наличествуют такие коннекторы, как *следовательно, таким образом*: (НД) Например, *действие "ввод темы" считается только тогда завершенным, как только коммуникаторы внесут вклад в инициированный предмет речи. До этого момента можно говорить лишь о попытке ввода темы. Тематическое действие **нуждается, следовательно, по крайней мере, в ответных действиях, которые содействуют ее успешному завершению*** [4]. В рекламном дискурсе отмечается ретроспективная референция долженствования, которая осуществляется в моделирующем ключе – «предложение»: (РД) *Вы предприниматель и у вас нет времени вести бухгалтерию? (предмет референции – «как обстоит дело сейчас») У вас молодая компания, но услуги профессионального бухгалтера слишком дорого стоят? Удаленный бухгалтер – это то, что вам **нужно**. Мы работаем для вас 24 часа, 7 дней в неделю, 365 дней в год. Компания «Удаленный бухгалтер» – это больше, чем бухгалтерия!* [5].

Установление частотности различных типов референции долженствования в разных дискурсах представляется важной задачей, способствующей описанию дистинктивных характеристик дискурсов.

Детерминация долженствования в дискурсе. Детерминирующий фактор может быть собственно объективным (существующим в окружающей действительности) или социальным (возникающим в сфере общественной деятельности людей). Так, например, политический дискурс связан с системой идеологических ценностей (социальными нормами, создаваемыми людьми в целях успешного взаимодействия и регуляции общественных процессов), которые влияют на нормы экономического характера, а затем на *технические нормы*. Долженствование в рекламной коммуникации имеет социоцентрический характер, устанавливает образец, к которому следует стремиться: (РД) *Ein hundert Auto, die **man gesehen haben muss*** (реклама Mercedes S-класса) ‘сто машин, которые **надо** (было бы) увидеть’. В научной сфере долженствование обусловлено законами логики или логическим развитием событий, где необходимость ситуации *P* вытекает из ограничений, накладываемых предварительно намеченным условием,

что обеспечивает оптимальное оформление мыслительного/познавательного результата: (НД) *Das heißt, das +w-Merkmal des lexikalischen w-Items muss in irgendeiner Weise an die maximale Projektion der gesamten Phrase gelangen. Dieser Prozess wird häufig als 'Perkolation' bezeichnet* [6]. То есть, функция + w лексического w-элемента **должна** каким-то образом достичь максимальной проекции всей фразы. Этот процесс часто называют «перколяцией». Установление детерминирующего фактора деонтики позволит определить, в какой из иллокутивных модификаций (описательной или предписательной) данная модальность реализуется в социальных практиках.

Структурные элементы деонтических высказываний. При анализе семантики деонтики в каждом из дискурсов видится целесообразным установление и сравнение типов *субъекта действия* (определенный, обобщенный, неопределенный) и *самого действия* (актуальное или узуальное), выраженное подчиненным модальному предикату инфинитивом, а также *характера* долженствования (обязывает, разрешает или запрещает).

Частные деонтические значения и модальные операторы деонтики. Деонтическое модальное значение находит выражение в ограниченном количестве лексем. При изучении различного рода модальных высказываний одной из трудностей является их многозначность. Возникают вопросы: почему в определенных условиях те или иные модальные маркеры начинают играть центральную роль? Почему одно и то же языковое средство передает разные частные значения деонтики? и т.д. При этом особенности концептуализации деонтической семантики, а также комбинации различных модальных оттенков в каждом из национальных дискурсов могут не совпадать.

Таким образом, рассмотрение дискурсивных особенностей долженствования предусматривает изучение парадигматических и синтагматических аспектов, а также дистрибуционных характеристик модальных языковых единиц. Заслуживает внимания контрастивный этнокультурный анализ данной модальности, позволяющий установить различия в организации речевого воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова, М. А. Типы немодальных значений модальных предикатов: на материале славянских и германских языков : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19/ М. А. Петрова; Ин-т языкознания РАН. – М., 2007. – 244 л.
2. Предвыборная платформа Объединенной российской партии «Русь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.allrus.info/main.php?ID=198287&arc_new=1. – Дата доступа : 09.09.2017.
3. CDU und CSU Regierungsprogramm 2017-2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cdu.de/regierungsprogramm>. – Дата доступа: 09.09.2017.
4. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / В. С. Григорьева [Электронный ресурс]. – Тамбов: Изд. ТГТУ, 2007. – 186 с. – Режим доступа : <http://libed.ru/>

knigi-nauka/381008-4-vs-grigoreva-diskurs-kak-element-kommunikativnogo-processa-pragmalingvisticheskiy-kognitivniy-aspekti-izdatel.php. – Дата доступа : 09.09.2017.

5. Пример рекламного текста для сайта аутсорсинговой бухгалтерской компании [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://a1z.ru/429-primer-reklamnogo-teksta-dlya-sajta-autsorsingovoj-bukhgalterskoj-kompanii>. – Дата доступа: 09.09.2017.

6. Trissler, S. Syntaktische Bedingungen für w-Merkmale: Zur Bildung interrogativer w-Phrasen im Deutschen / S. Trissler // Arbeitspapiere des Sonderforschungsberichts 340. Sprachtheoretische Grundlagen für die Computerlinguistik, Bericht Nr. 151. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/46160/pdf/diss_trissler.pdf;sequence=1. – Дата доступа : 07.09.2017.

Е. Ю. Хрисонопуло (Санкт-Петербург, Россия)

ВАРЬИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ФОРМАЛЬНЫМ ПОДЛЕЖАЩИМ
И АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АРХЕТИПОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Одной из особенностей синтаксического строя английского языка является наличие конструкций с формальными подлежащими *it* ‘это’ и *there* ‘там’. Формальный статус подлежащих подобного рода связан с отсутствием у них референции и преимущественно структурной, а не семантической нагрузкой в предложении [1, с. 238–240]. В частности, формальное подлежащее *it* ‘это’ трактуется как основной член предложения, который в значительной степени отходит от прототипа, поскольку подлежащее такого рода «нереферентно и не соотносимо ни с каким концептом как информационно-содержательной единицей сознания» [1, с. 238]. Вместе с тем, как показано в исследовании Р. Лэнекера [2], английское безличное местоимение *it* ‘это’ при употреблении его в качестве формального подлежащего указывает на концептуальный архетип «абстрактная область», которая, по определению автора, представляет собой «диапазон мысленного охвата» в конкретном дискурсивном контексте [2, с. 206–208]. В целом концептуальный архетип в когнитивной грамматике Р. Лэнекера определяется как концептуальная структура, которая укоренена в субъективном опыте и включает различные виды опыта восприятия, эмоциональных переживаний и мышления [3, р. 24]. Среди базовых концептуальных архетипов, получивших выражение в английском языке, автор выделяет архетипы «участник» и «область», в том числе «абстрактную область» [3]. В отличие от области, обозначающей определенный участок пространства, включая мыслительное пространство в случае коммуникативной значимости абстрактной области, участник,

по мнению автора, указывает на дискретную динамическую сущность, в прототипе – на личностный субъект действия, который играет ключевую роль в структурировании обозначаемой в предложении ситуации.

В условиях естественного дискурса конструкции с формальным подлежащим нередко употребляются вариативно с конструкциями, имеющими знаменательное подлежащее. В результате при употреблении соответствующих высказываний происходит актуализация абстрактной области либо участника как двух разновидностей концептуальных архетипов. Например, в английском языке формальное подлежащее-область (O), выражаемое вводным местоимением *it* ‘это’, может соотноситься со знаменательным подлежащим-участником (У), обозначаемым местоимением 1-го лица, при выражении пропозициональной установки: *It is certain that – I am certain that* ‘Это несомненно, что – Я уверен, что’; *It was as if – I felt as if* ‘Это было словно – Я почувствовал словно’; *It is good that – I am glad that* ‘Это хорошо, что – Я рад, что’. Приведенные пары примеров иллюстрируют вариативные способы выражения эпистемической, перцептивной и эмоциональной установки соответственно при использовании предложений с O- и У-подлежащими.

В настоящем исследовании ставится цель выявить факторы выбора предложений с одним из двух типов подлежащих и, соответственно, объяснить, чем обусловлена актуализация в высказывании абстрактной области либо участника как концептуальных архетипов. В связи с поставленной целью в работе решаются две задачи. Во-первых, на конкретном языковом материале выявляются те аспекты концептуального содержания, выражаемого в высказывании, которые обладают релевантностью при выборе O- или У-подлежащего. Во-вторых, определяется характер нарративных стратегий, которые реализуются при использовании одной из двух конструкций пропозициональной установки. Материалом для исследования послужили примеры, отобранные методом сплошной выборки, из трех произведений современной британской художественной литературы. Совокупный объем рассмотренного материала составил 350 примеров выражения пропозициональной установки, среди которых значительную часть составляют предложения с вводным подлежащим *it* ‘это’.

Особенностью выражения эпистемической пропозициональной установки в тексте является, с одной стороны, относительно свободное варьирование предложений с O- и У-подлежащими, когда речь идет об убеждениях либо мнении говорящего: *It is my conviction / belief that – I am convinced / believe that* ‘Это мое убеждение / мнение, что – Я убежден / полагаю, что’. Вместе с тем выражение знания либо сомнения возможно только при использовании У-подлежащего, а не вводного подлежащего *it* ‘это’, указывающего на абстрактную область: *I know / doubt that - *It is my knowledge / doubt that* ‘Я знаю / сомневаюсь, что – *Это мое знание / сомнение, что’. Ограничение на использование формального подлежащего при выражении знания и сомнения свидетельствует о значимости фактора «тип реальности» как одной из характеристик активируемого концептуального архетипа. Если архетип

«участник» может связываться с содержанием, ассоциируемым как с фактической, так и с мысленно репрезентированной реальностью, то архетип «абстрактная область», выражаемый формальным подлежащим, указывает только на мысленно репрезентированную реальность и, соответственно, не допускает обозначения знания либо сомнения в предикативной позиции предложения. Человек может иметь знания либо сомнения по поводу фактического, а не мысленно создаваемого события либо положения дел.

С другой стороны, выбор О- или У-подлежащего обусловлен также различием между когнитивными операциями идентификации и референции, соответственно. При использовании формального подлежащего *it* 'это', связанного с актуализацией мыслительной области, происходит идентификация этой области в последующей части предложения: *It now seems absurd that neither of us anticipated the consequences of our discovery* '[Это] сейчас кажется абсурдным, что никто из нас не предвидел последствий нашего открытия'. Отрицательная трансформация конструкции пропозициональной установки в данном случае не отменит содержащееся в высказывании указание на идентификацию области: *It doesn't seem absurd that neither of us anticipated the consequences of our discovery* '[Это] сейчас не кажется абсурдным, что никто из нас не предвидел последствий нашего открытия'. Напротив, в предложениях с У-подлежащим коммуникативной значимостью наделяется операция референции, а не идентификации, в связи с чем ввод в конструкцию отрицания ведет к смене референта, т.е. указания на другого субъекта пропозициональной установки: *I think we got a response. – I don't think we got a response* 'Я думаю, [что] мы получили ответ – Я не думаю, [что] мы получили ответ'.

Третьим различием в осмыслении мыслительной области и участника является схематизация их взаимосвязей с другими элементами ситуации. Так, У-подлежащие активируют типичный фрейм события, в котором в определенном контексте может заполняться темпоральный слот: *But half an hour later I felt as though my mind was supporting a load the size of Mount Everest* 'Но час спустя я почувствовал, как будто бы моя мысль удерживала весь груз горы Эверест'. Напротив, использование конструкции с О-подлежащим *it* 'это' связано с активацией схемы внутреннего переживания, чем обусловлена высокая частотность употребления наречий типа *suddenly* 'внезапно' в соответствующих конструкциях пропозициональной установки: *It was suddenly as if we were in the middle of the noisiest crowd the world has ever known* '[Это] внезапно стало так, как будто мы оказались посреди самой шумной толпы, какая только и бывает в мире'.

Упомянутые дискурсивно значимые различия между областью и участником как двумя видами концептуальных архетипов непосредственно связаны с нарративными и диалогическими стратегиями, которые используются в художественных текстах для выражения пропозициональной установки в предложениях с различными типами подлежащих. В частности, актуализация мыслительной области в предложениях с формальным подлежащим *it* 'это' способствует установке фокуса внимания в мысленно

воссоздаваемом пространстве, обобщенной идентификации установки независимо от конкретного лица, акцентированию особенностей восприятия и интерпретации содержания, по отношению к которому формируется та или иная установка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобринa, Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие / Н. А. Кобринa, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. – М. : Высш. шк., 2007. – 368 с.
2. Langacker, R. W. On the subject of impersonals / R. W. Langacker // Cognitive linguistics: convergence and expansion / ed. by M. Brdar, S. Th. Gries, M. Ž. Fuchs. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2011. – P. 179–217.
3. Langacker, R. W. Grammar and conceptualization / R.W. Langacker. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. – xiii, 427 p.

Е. Э. Шуранова (Минск, Беларусь)

ДИМЕНЗИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В СЕМАНТИКЕ ВЕЩЕПРИЗНАКОВЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (на материале немецкого и русского языков)

Одно из свойств пространства, изучаемое в таких науках, как физика, геометрия и др., – трехмерность с измерениями «высота», «ширина», «длина». В языке находит отражение еще один вид трехмерности, определяемый по антропоморфному принципу с выделением осей в соответствии с организацией тела человека («сверху–снизу», «спереди–сзади», «слева–справа»). Антропоморфная трехмерность пространства, именуемая в лингвистике димензиональностью, репрезентирована в языке, в первую очередь, в семантике глаголов (*fallen–надать*, *steigen–подниматься*), прилагательных (*нижний–unterer*, *верхний–oberer*), наречий (*links–слева*, *rechts–справа*) и предлогов (*unter–под*, *über–над*, *vor–перед*), а также существительных, обозначающих соответствующие полюса (*der Oberteil–верх*, *der Unterteil–низ*) или именуемых объекты, идентифицируемые на основании их расположения относительно этих полюсов (*die Spitz –вершина*, *der Boden–дно*) [1, S. 40-41].

Среди существительных существует особый класс имен, которые обозначают конкретные участки действительности, но не являются именами объектов, а конституируются другими объектами (например, *отверстие–das Loch*, *нора–die Höhle*, *шурф–der Schurf*, *царапина–der Kratzer*, *след–die Spur*). Локативные признаки являются центральными для их семантики (*das Eisloch – «Loch in der Eisdecke»* ‘прорубь – «отверстие, прорубленное в ледяном покрове»’; *желоб* – «длинная и узкая впадина в чем-н.») [2, с. 581]. Цель данного исследования заключается в выявлении значимости признаков, репрезентирующих димензиональность, для семантики рассматриваемых имен.

Материалом нашего исследования послужили 611 слов с соответствующей семантикой (311 – в немецком языке и 300 – в русском), отобранных методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников [2; 1].

Как показал анализ, димензиональные признаки в семантике единиц указанного типа представлены у 14 % субстантивов в русском языке и 17,04 % – в немецком. Разные направления векторов димензионального пространства («вверх–низ», «спереди–сзади», «слева–справа») неравномерно представлены в семантике данных имен (таблица), т.е. обладают разной значимостью. Количественные данные свидетельствуют о том, что для немецкого и русского языкового сознания при членении вертикально ориентированного пространства приоритет отдается верху, а не низу, а при членении горизонтали «спереди–сзади» – фронтальной стороне. В то же время как в немецком, так и в русском языке среди исследуемых нами единиц нет имен, дифференцирующих векторы полюсов горизонтали «слева–справа», имена типа *Seite–бок* обозначают данную горизонталь в целом без разграничения ее направлений.

Количественная представленность векторов димензионального пространства в немецком и русском языках

Измерения димензионального пространства	Количество		Примеры
	в немецком языке	в русском языке	
Верх	13	10	<i>die Oberseite</i> ‘верх’
Низ	8	9	<i>die Unterseite</i> ‘низ’
Спереди	10	8	<i>der Avers</i> ‘аверс’
Сзади	5	6	<i>die Rückseite</i> ‘тыл’
Сбоку	7	5	<i>der Flügel</i> ‘крыло’

Таким образом, в немецком и русском языках более детально с помощью имен рассматриваемого класса членятся полюсы «верх» и «перед». Однако количественные различия более заметны в немецком языке. Выявление причин асимметрии в членении различных векторов димензионального пространства в немецком и русском языках станет задачей наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen* / F. Dornseiff [Электронный ресурс]. – Электрон., текст. дан. и прогр. (18,7 Мб). – Berlin : DeGruyter, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Русский семантический словарь: толковый слов., систематизир. по кл. слов и значений: в 6 т. / Отд-ние лит. и яз. Ин-та рус. яз. РАН; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 2.

PHRASEOLOGY IN THE CHINESE LINGUISTIC TRADITION

Though prefabricated multiword language units represent a universal phenomenon, in different linguistic traditions they may be referred to by different names.

In the Chinese linguistic tradition the first term for a Chinese fixed multiword phrases was 俗语 'saying' and it was registered in the Han Dynasty (202 B.C. — 220 A.D.). In those days the term *saying* referred to 'folk rumors'. This term first appeared in the book *Records of the Historian* (91 B.C.) by Sima Qian, the father of Chinese historiography, and here is an example of its use: 民人俗语曰: '即不为河伯娶妇, 水来漂没, 溺其人民'云' 'there were sayings among people "if people did not sacrifice their daughters to marry He Bo¹, the flood would inundate the whole district and drown the people" '.

At the beginning of the 20th century, in the 1910s-1920s, the period of changing the *wenyanwen*, the classical Chinese language, into the contemporary Chinese language and quite detailed linguistic descriptions of it, there appeared many new names for different fixed multiword Chinese language units, such as *two-part allegorical saying*, *locution*, and *idioms*, and thus the meaning of the original term *saying* became narrower.

However, nowadays the traditional term *saying* has two uses: the wide and the narrow ones. The wide use of the term *saying* refers to a general concept which includes several types of Chinese multiword expressions:

1) *proverb* – mostly reflecting experience from work and life and passed down verbally, like 朝霞不出门, 晚霞行千里 'Red sky in the morning, sailors take warning. Red sky at night, sailor's delight' – a proverb of weather forecast appeared by watching the sky (cf.: Russ. 'поговорка');

2) *xie hou yu*, or *xiehouyu* – a two-part and allegorical folk saying, the first part of which is always stated, but is metaphorically descriptive, while the second part, usually unstated, carries the message, like 小葱拌豆腐 - 一清二白, 'bean curd mixed with chopped green onion – completely clear-cut and innocent'. *Xie hou yu* is enigmatic, humorous and witty, often based on some language phenomena, like homonymy. Thus, *green* in the part of this enigma 'onion is green' is a homonym to *clear*, i.e., pronounced in Chinese is the same as *clear*, and bean curd is white, so the first part, like the second one, states 'it is clear and white', thus both of them which mean 'pure and innocent'. After pronouncing the first part, people make a pause to give listeners a chance to guess the riddle of the saying;

3) *locution* – using a word or phrase, usually with a stylistic device, in an unusual or specialized way through repeated usage by groups which, like 磨洋工 'loaf on the job', however its original meaning refers to a long-time and high-quality needed process in construction.

¹ The people who were believed to control the rivers.

Two types of multiword phrases – *idioms* (*Chengyu*) and *quotations* – are not part of saying in its wider sense, for the two terms are formal and mostly are used in written form, and thus have little common with saying.

Idiom, or *Chengyu*, in Chinese is a 4-character phrase, usually comes from a certain historic story and has its provenance. Thus, 唇亡齿寒 ‘If the lips are gone, the teeth will be cold’, it means ‘face the same fate’ and comes from a story in Spring and Autumn period (770 B.C.-476 B.C). Another example is 天下无双 ‘unparalleled in the world’ – from *Records of the Historian*, it is used to compliment sb, 鼎鼎大名 ‘a great reputation’ – from a story in Qing dynasty, it is used to describe a well-known people or a thing, 背水一战 – from a story about the battle of Jingxing in 205 B.C.¹, which literally means ‘fighting a battle with one’s back to the river.’ It is used to describe a situation in which one has to fight to win or die, or a moment when one has to make do-or-die efforts. Idioms are likely to be unintelligible to many common people but to individuals learned in formal written Chinese.

It should also be mentioned that the term *idiom* in the meaning ‘phrase or expression peculiar to a language’ appeared in English in the 1580s from Middle French *idiome* and directly from Late Latin *idioma* ‘a peculiarity in language’ which goes back to *idioma* ‘peculiarity, peculiar phraseology’ but its correlative Chinese term *chengyu* is native and can literally be translated into English as ‘the existed language’, and ‘ready-made words’. So, both etymological and modern meanings of the English word *idiom* and its correlative Chinese word *chengyu* which is usually translated as *idiom* are not quite identical.

Quotation generally refers to those original words of others, like 自信人生二百年, 会当击水三千里 ‘if a man confidently believes that he can live up to two hundred years old and so he can swim an accumulated length of three thousand miles’ – the quotation by Chairman Mao (Mao Zedong, 1893-1976).

The term *saying* in its narrow sense refers mainly to popular Chinese fixed multiword phrases in the adjectival function. Here are some examples of such sayings in the narrow sense of the term: 八竿子打不着 ‘have nothing to do with what is talked about’, 陈谷子烂芝麻 ‘something out of date’, 站着说话不腰疼 ‘nothing is easier than fault-finding’, 吹胡子瞪眼睛 ‘very angry or in a rage with somebody’, and the like.

Describing this type of saying, Sun Yue in his book *The status and features of sayings in phraseology* (2006) wrote: ‘Sayings in narrow sense have their own features. They are different from those 4-character phrases which are dignified in style and stable in construction, not the same as those xiehouyu with two parts, and they are also different from Chinese proverbs in meaning, in expression, in construction, in grammatical function. Sayings consist of more than 5 characters each, and are relatively flexible in construction, more mixable in meaning, more various in grammatical function, and somewhat sharp and live. They can

¹ 孙月; 俗语在熟语中的定位及其特征 [D]; 河北大学; 2006年:

be frequently read in Chinese literature. So, Chinese saying in its narrow sense is just a kind of phrase independent but parallel to Chinese 4-character phrase, proverbs, two-part allegorical saying and locution'. (The translation is done by the author.)¹

The generalized term *saying* for a long time was also used in China in the same sense as *phraseology*. The Chinese scholar Yao Xiyuan mentions in *The Definition and Classification of Phraseology* (1998) that the term *phraseology* did not appear in domestic (referring to China) until the 1990s. Various titles were used to describe those fixed multiwords before 1990s, such as *idioms*, *proverbs*, *locution*, *two-part allegorical saying*, *saying*, *maxim*, *rumors*, *vulgar saying*, *slang*, *straight words*, *legends*, etc.²

Since the early 90-ies phraseology stepped into the unprecedented period of prosperity. The term *phraseology* which never existed in the traditional Chinese linguistic research, by and by entered the professional lexicon of the Chinese scholars. It came there as a translation from Russian. The first one in China who proposed the concept of phraseology was Zhang Jiahua, a professor of Russian linguistics, in his book *Contemporary Semantics in Russia* (2003), the second section of the fifth chapter *A Comparative Study of the Category of Russian and Chinese phraseology*. He proposed to use the terms *phraseology* and advised to use the term *phraseologism* instead of the previously used term *idiom* for this purpose, like the Russian words *фразаология* and *фразаологизм*. Nowadays there are more and more scholars who accepted the term *phraseology*, and the use of phraseology gradually replaced the generalized term *saying*.

So, the Chinese scholars' interest in phraseology broadened, and they began also to pay attention to different types of multiword naming units. And yet, the study of phraseology in Chinese linguistics at this time has been mainly centered on two basic theoretical problems: the problem of denotational and connotational meanings of idioms and their thematic domains. Bbut many more important issues relating to structure and system of the Chinese phraseology, contrastive studies of phraseology and phraseological units in Chinese and other languages, the issues concerning the essence of idiomatization and storage of phraseological units in the mental lexicon, etc., still need a careful scrutinizing.

¹‘俗语在熟语中的定位及其特征

狭义俗语是有其自身区别特征的一类语言现象。它们既不同于风格典雅、形式固定的四字成语，也不同于以词组形式出现的三字惯用语和由前后两部分组成的歇后语，而且在表达内容、表达方式、语义构成、语法功能等诸多方面也 and 谚语表现出不同的特质。狭义俗语一般在五言以上，形式相对灵活，语义的融合性也比较强，同时语法功能多种多样，形象色彩鲜明生动，又常常被川在文学作品中，以增强表现力。因而是熟语中可以 and 成语、惯用语、歇后语、谚语并列的一个独立类别。’

²‘俗语在熟语中的定位及其特征

狭义俗语是有其自身区别特征的一类语言现象。它们既不同于风格典雅、形式固定的四字成语，也不同于以词组形式出现的三字惯用语和由前后两部分组成的歇后语，而且在表达内容、表达方式、语义构成、语法功能等诸多方面也 and 谚语表现出不同的特质。狭义俗语一般在五言以上，形式相对灵活，语义的融合性也比较强，同时语法功能多种多样，形象色彩鲜明生动，又常常被川在文学作品中，以增强表现力。因而是熟语中可以 and 成语、惯用语、歇后语、谚语并列的一个独立类别。’

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА

А. В. Алексеева (Смоленск, Россия)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТЕРЕОТИП СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЮМОРА (на материале дневниковых записей медицинских работников)

В связи с растущей потребностью современного общества в повышении компетентности профессионалов и качества взаимодействия во внутриколлегиальной среде, а также между *клиентами* и *агентами* дискурса (в терминологии В. И. Карасика) приоритетными направлениями в теории коммуникации все чаще становятся вопросы профессионального речевого поведения. Особое место при этом занимают профессии вида «человек – человек», предметом труда которых являются другие люди. Сюда среди прочих относятся представители сферы медицинского обслуживания, которое ориентировано на решение целого ряда задач, связанных с такими экзистенциальными ценностями, как здоровье и жизнь. Это и определяет актуальность проблематики профессионального медицинского дискурса, в котором, как и в большинстве других, сосуществуют и конфликтогенные факторы, и эмпатия в статусно-ориентированной коммуникации.

В данной статье предпринимается попытка определить, в чем, по мнению «людей в белых халатах», кроются причины возникающих трудностей при взаимодействии с пациентами. Материалом для анализа послужили набирающие в Германии популярность произведения авторов-медиков о своих профессиональных буднях, основанные на дневниковых записях.

Очевидно, что каждый автор индивидуален, но при детальном анализе текстов прослеживается наличие неких общих принципов, по которым конкретная языковая личность и тот коллектив, к которому она принадлежит, «идентифицируют» своих пациентов, создавая тем самым некую классификацию типажей. В их представлениях таким обобщающим признаком выступает, как правило, нестандартное, отклоняющееся, в понимании врачей, от безусловной нормы поведение больного, который может вводить их в заблуждение, симулировать, проявлять неоправданный интерес или безразличие к своему диагнозу, демонстрировать конфликтность, агрессию и т.п. Иначе говоря, все то, что не позволяет медицинскому персоналу максимально эффективно выполнять свою работу. Кроме того, преобладающей стратегией в определении коммуникативно-поведенческих моделей пациентов является использование юмора. Это объясняется, с одной стороны, способностью юмора «разряжать» обстановку, сглаживать стресс. С другой стороны, существует опасность «провала» коммуникации «врач – пациент» вследствие выхода юмористически окрашенных профессионализмов за рамки круга посвященных.

В подтверждение вышесказанного обратимся к следующим примерам. Рассмотрим для начала фрагменты текстов из книги практикующего терапевта одной из больниц Германии, пишущего под псевдонимом Марко Мор (*Marco Moor*). На основе наблюдений из своего личного профессионального опыта он выделяет несколько типов пациентов.

1) *Der Leider, auch Weichei, Jammerlappen oder in Anlehnung an den italienischen Fußball «Morbus mediterraneus» genannt, macht beim Pflasterabziehen Geräusche, als operierte man ihn ohne Narkose am offenen Hirn* [1, S. 28] ‘*Страдалец*, также известный как размазня, жалкий человек или «морбус медитеранеус», что характерно и для итальянского футбола, столько шума делает при снятии пластыря, словно ему делают открытую операцию на мозге’ [здесь и далее перевод наш. – А. А.].

В данном случае автор говорит о проявлении синдрома имитации симптомов болезни, что в реалиях отечественной медицины может быть истолковано как «синдром Мюнхгаузена». Термин *Morbus mediterraneus* ‘средиземноморский синдром’ является единицей профессионального сленга, принятый в кругу врачей. На немецкоязычном сайте, посвященном студентам и медикам-коллегам *klinikfinder.de*, можно найти информацию о том, что существуют исследования, доказывающие снижение у людей болевого порога с продвижением вглубь юга Европы. Так, наиболее низок он у народов, населяющих ареал Средиземноморья, отсюда и название синдрома [2]. В рассмотренном фрагменте автор с иронией и юмором говорит о *patienten-straftalern*, проводит при этом аналогию с «картинным падением» итальянских игроков на футбольном поле.

Следующий пример, заимствованный с указанного выше сайта, дает объяснение подобного сравнения:

Wenn Schottland im Fußball gegen Italien antritt, dann treffen zwei Gegensätze aufeinander. Während die Schotten sehr körperbetont spielen und sich nicht so leicht zu Boden zwingen lassen bzw. Nach einem Foul sofort wieder aufspringen, um den Ball zurück zu erobern, brauchen diese die Italiener nur zu streifen und schon krümmen sie sich am Boden und rollen von einer Seite auf die andere [2] ‘Когда футбольная команда Шотландии выступает против итальянской, встречаются две противоположности. В то время как **шотландцы** ведут игру весьма напористо и не так просто сбить их с ног, а после фола они тут же снова в движении, чтобы отвоевать мяч, им достаточно лишь слегка задеть **итальянцев**, как те уже корчатся от боли и перекатываются по полю с боку на бок’.

В этих рассуждениях помимо добродушного подшучивания над чересчур восприимчивыми пациентами нельзя не заметить глубокого отпечатка всепронизывающей сущности концепта «футбол» в жизни немцев: «...активное использование базовых понятий футбола для представления неспортивных событий (политика, экономика, образование, межличностные отношения и др.) в немецком социуме указывает на особое место этого явления в национальном гипердискурсе...» [3, с. 60].

Следующий типаж является антиподом к образу *пациента-страдальца*, ср.: 2) ...*der ignorante Verweigerer geht erst nach dem vierten Herzinfarkt zum Arzt und behauptet dann, es habe «leicht gezwickt»* [1, S. 28] ‘...**невежественный нигилист** идет к врачу лишь после четвертого инфаркта и то упорствует, что «немного **прихватило**»’.

Кроме того, необходимо отметить уместность употребления по отношению к названному типу и сленгового названия *Morbus germanicus* ‘германский синдром’, описывающего восприятие болевых ощущений у северных европейцев: *Das typische Gegenteil zum 'Morbus mediterraneus' wird von einigen Kollegen daher auch als «Morbus germanicus» bezeichnet. Da kann der Blinddarm schon geplatzt sein, doch der schlimmste Vertreter dieses Typus sagt zu Dir trotzdem nur: „Da unten zwickt es etwas!“* [2] ‘Типичной противоположностью к термину *морбус медуитеранеус* считается среди некоторых коллег-медиков термин *морбус германикус*. Так, при разрыве аппендицита самый яркий представитель названного типажа говорит лишь: «**Что-то кольнуло там внизу**»’.

В рамках данной статьи не представляется возможным изложить все результаты проведенного исследования, но выделенные на основании анализа текстов отдельных языковых личностей примеры позволяют судить о наличии в среде медицинских работников склонности интерпретировать стрессогенные события повседневной профессиональной рутины с позиций юмористической тональности. Объектом подобной линии внутриколлективного поведения, как выясняется, выступают среди прочего некие стереотипы по отношению к пациентам. В рассмотренных фрагментах подход к оцениванию личности больного является преимущественно критичным, что объясняет наличие элементов иронии в их описании. Однако это не понижает уровень юмористической тональности и обусловлено, на наш взгляд, трудными, порой экстремальными условиями работы медиков.

Перспективным видится продолжение исследования профессионально-медицинских культурно-лингвистических явлений в сопоставительном аспекте с другими языками, например, русским, английским, французским и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Moor, M. Lesen Sie mich durch, ich bin Arzt!* / M. Moor. – München : Wilhelm Heyne Verlag, 2012. – 224 S.
2. *Über uns* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.klinikfinder.de/index.php?p=de/4/4/0&ta=t015#.WZnWlj5JaUk>. – Дата доступа : 20.08.2017.
3. *Белютин, Р. В. Футбол как национально-прецедентная модель коммуникации (на материале немецкого языка)* / Р. В. Белютин // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. – 2009. – Вып. 570, ч. I. – С. 49–62.

ГЛАГОЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Дейксис соотносит высказывание с пространственно-временными параметрами речевого акта. Традиционно средствами языкового выражения этой категории являются наречия, а временные глагольные формы редко признаются актуализаторами функции указания. Однако результаты современных исследований свидетельствуют о дейктивности глагольной категории времени, которую мы рассмотрим на материале белорусского и английского языков. В данных языках эта категория тесно связана с видом (несовершенный, совершенный) и аспектом (перфектный, имперфектный, прогрессивный, непрогрессивный).

При прямом, абсолютном употреблении глагол представляет действие, событие или явление как предшествующее (прошедшее время), одновременное (настоящее время) или последующее (будущее время) моменту речи как точки отсчета. Прошедшее время в белорусском языке выражается синтетически глаголами прошедшего времени несовершенного вида, обозначающими: а) действие, которое происходило в определенный момент в прошлом: *Учора ў дзевяць гадзін раніцы я збіраў грыбы каля Старой Яліны* (А. Якімовіч. Сем гісторый пра вожыка) [1]. В английском языке это значение выражается формой Past Continuous: “*What were you doing behind the curtain?*” (Ch. Brontë. Jane Eyre) ‘– Что ты **делала** за шторой?’ (В. Станевич) [2]; б) действие, которое началось в прошлом и длилось до определенного момента в прошлом: *Затым некалькі месяцаў рабіў шараговым шафёрам, пакуль ДАІ не адабрала правы* (В. Быкаў. Ваўчыная яма) [1]. В английском языке это значение передается формой Past Perfect Continuous: *There was a document up on the screen – maybe he really had been working and on the phone to America* (H. Fielding. Bridget Jones’s Diary) ‘На экране я разглядела какой-то документ – может, Даниел и вправду **работал** и говорил по телефону с Америкой?’ (А. Москвичева) [2]; в) регулярные действия в прошлом: *Я тут кожны дзень бяды якой чакала, ну, думаю, няўжо ж мне і далей будзе так шанцаваць?* (В. Быкаў. Пакахай мяне, салдацік) [2]. В английском языке это значение передается формой Past Simple или аналитической конструкцией *used to/ would*+инфинитив: *I used to write for the paper in college ...* (L. Weisberger. The Devil Wears Prada) ‘Я, было дело, тоже **писала** для школьной газеты, когда училась в универе’ (М. Маяков, Т. Шабаева) [2].

Глаголы прошедшего времени совершенного вида выражают а) завершённое действие в прошлом: *Кананок **набег** на агнявую, а я **вярнуўся** ў вэстыбюль* (В. Быкаў. Пакахай мяне, салдацік) [2]. В английском языке это значение передается Past Simple: *I ran away* (M. Connelly. City Of Bones)

‘Я **сбежала** (Д. Вознякевич) [2]; б) последовательные действия в прошлом: *Халодны восеньскі ліст **унаў** мне на лоб, і я **прачнуўся і ўбачыў**, што непадалёку ад мяне стаяць двое, стары і юнак* (Л. Дайнека. След ваўкалака) [2]. В английском языке это значение выражает форма Past Simple: *Finally, I **got up and went out** in the living room and **got** some cigarettes out of the box on the table and **stuck** some in my pocket* (J. D. Salinger. The Catcher in the Rye) ‘Наконец я **встал**, пошел в гостиную, **взял** сигареты из ящика на столе и **сунул** в карман’ (Р. Райт-Ковалёва) [2]; в) законченное действие в прошлом с сохранением результата на момент речи: – *Я **купіў** раба* (Л. Дайнека. След ваўкалака) [2]. В английском языке значение результативности передается формой Present Perfect: – *Look here, I **have bought** this bonnet* (J. Austen. Pride and Prejudice) ‘Посмотрите, какую я себе **купила** шляпку’ (И. С. Маршак) [1]; г) аналитически при помощи вспомогательного глагола *быць* и глагола совершенного вида прошедшего времени для выражения действия, которое совершилось до другого действия в прошлом: ***Напісаў быў** я табе і тое таксама, як Кароль Я. М. **раіў** мне, Што кароль Сцяпан яму пра тое падарожжа **раіў*** [3]. В английском языке это значение передается формой Past Perfect: – *Just as I **had written** the last word, a Kafir **came up** my avenue of orange trees, carrying a letter in a cleft stick, which he **had brought** from the post* (H. R. Haggard. King Solomon’s Mines) ‘Не **успел** я **написать** последнее слово, как увидел кафра, идущего с почты по моей апельсиновой аллее с письмом, зажатым в расщепленную палку’ (Н. Б. Маркович) [2].

Настоящее время обозначает действие или состояние в момент речи. В белорусском языке это значение выражается глаголами несовершенного вида: *Зараз я **пытаю**, ці не ведаеце вы чалавека, мянушка якога «Лікол», проста «Лікол»?* (У. Караткевіч. Дзікае паляванне караля Стаха) [2]. В английском языке в этом значении употребляется форма Present Continuous: *I **am asking** if you believe in God* (D. Brown. Angels and Demons) ‘Я **спрашиваю**: верите ли вы в Бога?’ (Г. Косов) [2]. Глаголы настоящего времени несовершенного вида также выражают а) постоянные, повторяющиеся действия: *Жыву я з табой **трыццаць гадоў** і кожны дзень **разгадваю** новую загадку* (І. Шамякін. Атланты і карыятады) [1]. В английском языке для выражения этого значения употребляется форма Present Indefinite: “*I **patrol** past it [the sculpture] everyday,*” *the guard said* (D. Brown. Angels and Demons) ‘Я **прохожу** мимо нее [скульптуры] каждый день, – продолжил солдат’ (Г. Косов) [2]; б) действия, которые начались в прошлом и продолжаются в момент речи: – *Я больш як дваццаць год **чакаю**...* (У. Някляеў. Лабух) [2]. В английском языке это значение передается формой Present Perfect Continuous: *Something I **have been doing** a lot these last days* (J. Fowles. The Collector) ‘Последние дни **занимаюсь** бог знает чем’ (И. Бессмертная) [2]; в) событие, имевшее место в прошлом, когда говорящий хочет придать живость и наглядность повествованию (Praesens Historicum): *I тут **чуем** з-за гары шорах нейкі* (А. Адамовіч і інш. Я з вогненнай вёскі...) [2]; *Then the bones **come up**, he **reads** it in the*

paper and puts two and two together (M. Connelly. City Of Bones) ‘Потом кости обнаруживаются, он читает об этом в газете и догадывается, чьи они’ (Д. Вознякевич) [2].

Будущее время выражает действие, которое произойдет после момента речи. В белорусском языке будущее передается

1) синтетически глаголами совершенного вида, которые обозначают а) завершённое будущее действие с семантикой результативности: – *Я веру, доктар, прыдзе час, і вы будзеце спецыяльна пасылаць хворых на Месяц, дзе мы **пабудуем** санаторыі і лячэбніцы* (М. Гамолка. Цытадэль неба) [2]. В английском языке это значение передается формой Future Indefinite (*What matter? We **will build** another windmill* (G. Orwell. Animal Farm) ‘Ну и что? **Построим** другую’ (Б. Бурьян) [2]) или Future Perfect: *By the time you read this I **will have left** you* (M. Lee. Fugitive Bride) ‘Когда ты будешь читать это письмо, я уже **уйду** от тебя’ (М. Авдокушина) [2];

б) будущее вневременное действие в поговорках и пословицах: *Не плюй у калодзеж – **давядзецца** вады **напіцца***. В английском языке это значение передается формой Future Indefinite: *Chickens **will always come** home to roost*;

2) аналитически сочетанием форм будущего времени вспомогательного глагола *быць* и инфинитива смыслового глагола несовершенного вида, выражающими действия, которые будут происходить в определенный момент в будущем: – *Заўтра я **буду насіць** залатыя порты [Порты – адзенне] князя Рагвалода Свіслацкага* (Л. Дайнека. Меч князя Вячкі) [2]. В английском языке это значение передается формой Future Continuous: *I suppose it should go over the desk where, Thon Taddeo <...> **will be working*** (W. M. Miller, Jr. A Canticle For Leibowitz) ‘Я полагаю, что она должна висеть над скамьей, <...> где **будет работать** дон Таддео’ (С. Борисов) [2].

Относительные глагольные формы времени коррелируют с отличной от момента речи точкой отсчета. В английском языке существуют специальные формы для выражения относительного времени. Эта особенность находит отражение в правилах согласования времен в сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными, согласно которым при употреблении глагола-сказуемого главного предложения в одной из форм прошедшего времени глагол-сказуемое придаточного предложения должен быть в одном из прошедших времен или в будущем с точки зрения момента в прошлом: *Well, my father looked in his drawers and **said** that Arthur **had taken** clothes* (M. Connelly. City of Bones) ‘Так вот, отец **заглянул** в ящики его комода и сказал, что Артур **забрал** свои вещи (Д. Вознякевич) [2]. В дейктической концепции относительные глагольные времена английского языка – это сфера вторичного дейксиса с помещением мысленного субъекта в представляемую говорящим ситуацию: *As soon as I **saw** him I **understood** that the Monkey and the Tarkaan **had set** him there to slay any who came in if he were not in their secrets ...* (C. S. Lewis. The Chronicles of Narnia. The Last Battle) ‘Как только я **увидел** его, я **понял**, что обезьяна и тархан **поставили** его здесь,

чтобы убивать каждого, кто войдет, не зная их секрета...’ (Г. А. Островская) [2]. В данном примере в придаточном предложении, обозначающем косвенную речь, содержатся три дейктических элемента – *him* ‘его’, *there* ‘здесь’ и глагол в форме Past Perfect *had set* как пример грамматикализации смещения дейктического центра относительно другого дейктического центра, принимаемого за точку отсчета в данной ситуации, выраженной глаголом *understood* в Past Simple в главном предложении. В белорусском языке в косвенной речи, кроме замены местоимений 1-го лица на местоимения 3-го лица, глагольные временные дейктические элементы как правило, остаются неизменными: *Я зразумеў, чаго яна баіцца* (І. Шамякін. Сэрца на далоні) [2].

Таким образом, модель времени, представленная глагольными формами в белорусском и английском языках, не тождественна физической объективной модели времени, а зависит от особенностей восприятия говорящего и является по своей природе субъективной. В относительной темпоральной модели переход в нарративный режим интерпретации в белорусском языке сопровождается смещением центра персонального дейксиса в отличие от английского языка, где происходит сдвиг не только персонального, но и темпорально-пространственного указания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якімовіч, А. Сем гісторый пра вожыка / А. Якимович // Газета Слоні́мская [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : URL:<http://www.gs.by/ru/940/kids/.htm>. – Дата доступу : 14.02.2017.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/search-para-be.html>. – Дата доступа : 16.05.2017).
3. Пэрэгрынацыя Мікалая Крыштафа Радзівіла – Ліст першы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : be.wikisource.org/wiki/Пэрэгрынацыя_Мікалая. – Дата доступу : 05.05.2017.

Ю. А. Белютина (Смоленск, Россия)

СТРАТЕГИИ НЕВЕЖЛИВОСТИ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» (на материале английского языка)

Изучение речевого этикета по-прежнему не утрачивает своей актуальности для научных исследований, поскольку, с одной стороны, стереотипизированные формулы вербальной коммуникации присущи практически любой сфере человеческого общения, с другой – под влиянием меняющихся социокультурных условий они трансформируются, исчезают, им на смену приходят новые. В связи с этим подробный анализ каждой этикетной номи-

нации (приветствие, благодарность, извинение и т.п.) с точки зрения лингвистической прагматики, лингвокультурологии, теории коммуникации остается одним из востребованных направлений в современном языкознании.

В соответствии с описанным отечественными учеными-когнитологами А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским постулатом об экономии усилий, языку свойственно сведение некоторых ситуаций к стандарту. Как следствие – ритуализация речевого поведения, реализация стратегического подхода в типизированных ситуациях общения. Этикет является ярким примером этого.

В данной статье описываются особенности нарушений этикетного регламента в ситуации *поздравления*, которая органично вплетается в контекст межличностной коммуникации и призвана прежде всего выполнять фатическую функцию. В исследовании К. Элвуда [1] указывается на необходимость выражать положительное отношение к позитивным событиям в жизни окружающих, иначе обратное будет воспринято как зависть.

В фундаментальной работе, посвященной речевым актам, Дж. Серль сформулировал «правила» поздравления, которые сводятся к следующему: есть некоторое событие, имеющее отношение к слушающему, слушающий заинтересован в этом событии, говорящий рад этому событию и выражает свою оценку [2]. Этикетную ситуацию «поздравление» можно определить как проявление внимания по некоторому поводу, служащему основанием для поздравления. Речевое поведение при этом заключается в приветствии по случаю приятного и радостного события.

Невежливость может быть обусловлена прежде всего *явным отказом от поздравления* при условии, что коммуниканту известно о требующем соответствующего внимания эпизоде в жизни его собеседника. При этом говорящий скорее всего пользуется иным кодом и иными правилами, которые контролируются его когнитивной базой и вследствие этого допускают эгоцентризм и просчеты, приводя к импозиции своей субъективной оценки ситуации. Так, адресант рассчитывает на принятие этой импозиции слушающим в соответствии с принципом кооперации, нарушая правило сохранения «лица» и не принимая во внимание точку зрения реципиента.

“If you expect me to congratulate you I must beg you to excuse me. I care myself if I tell fibs; I never tell them unless there's something rather good to be gained. I don't see what's to be gained with you – especially as you wouldn't believe me. I'm very glad for my own sake that you're to marry Osmond; but I won't pretend I'm glad for yours” ‘Если вы рассчитываете, что я вас поздравлю, то вынуждена извиниться. Я крайне редко говорю неправду. Я никогда не говорю неправду, разве что если за это можно заполучить что-нибудь. Я не вижу, что могу заполучить от вас что-то, тем более знаю, что вы мне не поверите. Я рада за себя, что вы женитесь, Осмонд, но не стану притворяться, что рада за вас’ [3].

Приведенный отрывок демонстрирует имплицитный отказ говорящей выразить поздравления по случаю предстоящей женитьбы собеседника. Она приносит извинения, обосновывая свое решение нежеланием льстить и говорить неискренне. Адресант демонстрирует свой собственный прагматичный подход ко всему, в том числе и к соблюдению этикетных знаков. Фатическая функция коммуникативного кода является недостаточной, а объекту потенциального поздравления сообщается, что выражение радости по поводу бракосочетания не согласуется с коммуникативными интенциями и не соответствует текущему целеполаганию. Поздравительное приветствие в конце обращения адресовано говорящей самой себе, а реципиент получает взамен сочувствие.

Как уже отмечалось ранее, поздравление должно быть приурочено к радостному событию в жизни адресата. *Основаниями* для поздравительного приветствия служат день рождения, государственный, семейный или религиозный праздник, успех в предпринятом мероприятии, а также любой другой приятный повод: хорошее настроение, солнечная погода и т. п. Если же причины для поздравления не стимулируют у его адресата положительных эмоций и вызывают сомнения в искренности говорящего, его поведение можно расценивать по меньшей мере как бестактное, а в отдельных случаях – как грубое и неуважительное.

“I’m a widower,” said Jenkinson sharply. “Then I congratulate you. I embrace you, Jenkinson” ‘«Я вдовец», резко ответил Дженкинсон. «Тогда поздравляю вас. Обнимаю вас, Дженкинсон»’[4].

В приведенном отрывке вербализация поздравительного обращения полностью соответствует этикетному регламенту. Во-первых, используется перформативный глагол (*congratulate*), во-вторых поздравление сопровождается жестом, маркирующим близость отношений коммуникантов и неофициальность взаимодействия. Однако в соответствии с требованиями прагматического анализа необходимо учитывать всю совокупность параметров коммуникативной ситуации. Основанием поздравительного приветствия в данном случае выступает вдовствующее семейное положение адресата. Лаконичность ответа и его резкий тон свидетельствуют о том, что он не испытывает радости по этому поводу. Следовательно, можно утверждать, что поздравление является ненамеренно невежливым, несмотря на привлечение этикетных клише для его оформления.

Поскольку в ситуации поздравления неизбежно участвуют как минимум два коммуниканта – тот, кто произносит поздравительное приветствие, и тот, кому оно адресовано, – при интерпретации речевого поведения собеседников нельзя не принимать во внимание *ответную реакцию* поздравляемого. Традиционно она заключается в произнесении слов благодарности. Однако анализ примеров свидетельствует о том, что даже на искреннее выражение радости говорящий может получить неожиданный ответ.

“Congratulate hell! I might have been dead and rotten and no thanks to you, you –!” And there at John Gordon delivered himself of a vigorous flood of English, terse, intensive, denunciative, and composed solely of expletives and adjectives ‘«К черту поздравления! Я чуть было не сдох по вашей милости!» И тут Джон Гордон разразился потоком брани, резкой, выразительной, обличительной, состоящей из одних нецензурных эпитетов’ [5].

В приведенном примере один из коммуникантов выражает искренние поздравления своему собеседнику по поводу успешного спасения, выхода из сложной и неприятной ситуации. Адресат не только не принимает поздравления, но и укоряет их автора в отсутствии помощи с его стороны в момент серьезного затруднения. При этом повтор местоимения *you* интенсифицирует эмоциональные переживания говорящего и словно удваивает вину адресата высказывания.

Таким образом, нарушения этикета в речевой ситуации поздравления могут исходить как со стороны говорящего, так и со стороны адресата поздравительного приветствия. Невежливым поведением говорящего является намеренный отказ проявить внимание к собеседнику по поводу некоего приятного эпизода, имеющего к нему непосредственное отношение. Вместе с тем это внимание иногда необоснованно и даже бестактно, поскольку выбирается не соответствующий поздравлению случай, не вызывающий радости или других положительных эмоций у адресата. Кроме того, приветствие может быть неискренним, особенно если его сопровождают невербальные элементы обращения контрадикторного характера. Речевое поведение получателя поздравления также невежливо, если он резко отвергает поздравления, не учитывая искренность и открытость их автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Elwood, K.* “Congratulations!”: A cross-cultural analysis of responses to another’s happynews’ / K. Elwood // *The Cultural Review*. Waseda Commercial Studies Association. – Tokyo, 2004. – № 25. – P. 355–386.
2. *Searle, J.* *Speech acts: An Essay in the Philosophy of Language* / J. Searle. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1969. – 203 p.
3. *James, H.* *The Portrait of a Lady* / H. James [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://e-libra.ru/read/358574-the-portrait-of-a-lady>. – Дата доступа : 28.07.2017.
4. *Harte, B. A.* *Knight-Errant of the Foothills* / B. A. Harte [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://americanliterature.com/author/bret-harte/short-story/a-knight-errant-of-the-foothills>. – Дата доступа : 28.07.2017.
5. *London, J.* *Jan, the Unrepentant* / J. London [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://americanliterature.com/author/jack-london/short-story/jan-the-unrepentant>. – Дата доступа : 28.07.2017.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТОПОНИМОВ

Использование прецедентных имен вне прямой референции вызвано стремлением говорящего лаконично и в то же время экспрессивно охарактеризовать какой-либо объект как обладающий некоторой совокупностью качеств. При этом образы, выстраиваемые в сознании слушателей, принадлежащих к разным культурам, могут существенно различаться. Для установления таких различий логично обратиться к интуиции носителей языка.

Наше исследование предполагало выявление специфических культурных ассоциаций, вызываемых *прецедентными топонимами*, у американцев, британцев и белорусов. В качестве гипотезы исследования выдвигались предположения о 1) сходстве ассоциативных реакций британцев и американцев в силу их культурной близости и активных культурных контактов (и, соответственно, их отличии от реакций белорусов); 2) сходстве ассоциативных реакций в отношении топонимов, являющихся экзокультурными для трех групп информантов.

Для анализа было отобрано 6 прецедентных топонимов (*Афины, Багдад, Гавана, Лондон, Нью-Йорк, Чикаго*), значимость и сверхличностный характер которых подтверждается фактом их регулярного использования в метафорических перифразах, например, *Baghdad by the Bay* 'Багдад у залива' (о Сан-Франциско). Из реакций, полученных при предъявлении наименований городов информантам, выделены повторяющиеся. Рассмотрим полученные результаты.

А ф и н ы. R_{Am} (реакции информантов-американцев): *arts* 'искусства, гуманитарные науки', *education* 'образование', *liberal* 'свободомыслящий, либеральный'. R_{Br} (реакции информантов-британцев): *architecture* 'архитектура', *culture* 'культура', *learning* 'учение, образованность'. R_{Bel} (реакции информантов-белорусов): *культура, архитектура (колонны, руины зданий), древность (древний, античный, старые постройки, бывшие цивилизации)*.

Полученные данные демонстрируют очевидное сходство культурной семантики прецедентного топонима *Афины* с точки зрения трех наций. Несмотря на отсутствие среди ассоциативных реакций белорусов собственно словоформы *образование/образованность*, в их ответах зафиксировано некоторое количество одиночных реакций-словоформ и реакций-словосочетаний, относящихся к этому семантическому полю, например, *открытия, великие ученые*. Среди ответов американцев и британцев наблюдается минимальное количество одиночных реакций. Такое единодушие свидетельствует о наличии у топонима *языковой семантики*. Не менее важен в этом отношении факт предъявления ассоциаций в виде комплекса реакций, например, *образование + архитектура, архитектура + древность*.

Багдад. R_{Am}: *destruction* ‘разрушение, уничтожение’. R_{Br}: *exotic* ‘экзотичный, причудливый’, *history* ‘история’, *culture* ‘культура’. R_{Bel}: *сказочный, загадочный, шумный, оживленный, жара (сушь, пустыня), мигранты*.

Как видно, для британцев и белорусов Багдад – это прежде всего город с ярким национальным колоритом, имеющий культурное и историческое значение (более существенно для британцев), расположенный в засушливой зоне (более существенно для белорусов). Для американцев такой смысл этого топонима затенен частым упоминанием в контекстах, так или иначе связанных с темой военных действий в Ираке. Появление индивидуального наименования Багдад в топовых новостях предопределило также большой процент идентичных повторяющихся реакций. Обратим внимание на присутствие понятийного компонента «последствия военных действий» в белорусской версии концепта «Багдад»: словоформа *мигранты* занимает последнее место по частотности среди повторяющихся реакций.

Гавана. R_{Am}: *Spanish speakers* ‘испаноговорящие’. R_{Br}: *tourism* ‘туризм’, *pursuit of pleasure* ‘поиски удовольствия’. R_{Bel}: *революция, бедность, диктатура*.

Гавана – топоним, реакции на который демонстрируют наибольшее расхождение ассоциаций у трех национальных подгрупп. Ассоциации белорусов лежат в экономико-политической, а британцев – в туристической сфере. Небольшое количество белорусов и около половины британцев, участвовавших в эксперименте, сообщили об отсутствии каких-либо ассоциаций, связанных с данным топонимом. Единственная повторяющаяся реакция в сочетании с малым количеством одиночных реакций, данных американскими информантами, указывает на большую вероятность однозначной семантизации индивидуального наименования *Гавана* в случае использования его вне прямой референции.

Лондон. R_{Am}: *British influence* ‘британское влияние’. R_{Br}: *crowded* ‘многолюдный’, *busy* ‘оживленный’, *historic* ‘исторический, имеющий историческое значение’. R_{Bel}: *традиции (музеи), дождливый*.

Данный топоним вызвал наименьшее количество ассоциаций у представителей всех трех наций, несмотря на его потенциально высокую социальную значимость; при этом на отсутствие каких-либо ассоциаций указало подавляющее число американских респондентов. Такая ситуация вкупе с нечеткой характеристикой «присутствие британского влияния» говорит о том, что для топонима *Лондон* американская культура не выделяет комплекса смыслов, репрезентантом которых он мог бы являться. Обнаруживается некоторое сходство культурной семантики данного топонима с точки зрения британцев и белорусов: историзм, который видится британцам важной характеристикой Лондона, присутствует в качестве семантического компонента лексических единиц *традиция, музей*, сообщенных белорусскими информантами.

Нью-Йорк. R_{Am}: *major city* ‘главный город’. R_{Br}: *crowded* ‘многолюдный’, *multinational* ‘многонациональный’. R_{Bel}: *шумный, полный*

жизни (*жизнь бьет ключом, суматоха, город, который никогда не спит*), *многолюдный, большой (мегаполис), главный город, бизнес (возможности и перспективы)*).

Ассоциативные реакции на данный прецедентный топоним характеризуются единообразием внутри каждой национальной подгруппы, выявлено минимальное количество одиночных реакций. Ассоциации американцев и британцев различны, в то время как репертуар белорусских ассоциативных реакций отражает и идею главенствования, доминирующую в американском восприятии Нью-Йорка, и идеи многонациональности и многолюдности, отмеченные британскими респондентами.

Чикаго. R_{Am}: *big* ‘большой’, *not internationally minded* ‘не космополитичный’ (*commonly-minded* ‘узкомыслящий’), *“town” feel* ‘провинциальность’ *down to earth people* ‘практичные люди’. R_{Br}: *cosmopolitan* ‘космополитичный’, *vibrant* ‘живой, энергичный’. R_{Bel}: *криминальное прошлое (мафия, бандиты, гангстеры, ограбления)*.

В фокусе внимания как американцев, так и британцев оказалась характеристика «космополитичность», однако оценки представителей двух наций диаметрально противоположны: сквозь призму ассоциаций британцев Чикаго предстает обладающим вышеотмеченной характеристикой, а ассоциации американцев демонстрируют этот город как не обладающий ею. Несмотря на разнообразие реакций белорусов, все полученные словоформы и словосочетания обнаруживают смысловой компонент ‘преступная деятельность’, что позволяет говорить о трансформации энциклопедической информации о данном топониме в речевой смысл.

Исследование продемонстрировало значительные различия культурной семантики исследованных прецедентных топонимов с точки зрения американцев, британцев и белорусов. Не подтвердилось предположение о регулярном сходстве ассоциативных реакций американцев и британцев. В то же время совпадение (неполное) реакций британцев и белорусов выявлено в отношении топонимов *Багдад, Нью-Йорк* и *Лондон*, совпадение (также неполное) реакций американцев и белорусов – в отношении топонима *Нью-Йорк*. Предположение о сходстве ассоциативных реакций на топонимы, являющиеся экзокультурными для трех групп информантов, справедливо лишь в отношении топонима *Афины*. На примере индивидуального наименования *Багдад* можно видеть, как в современном мире под влиянием медиа оним в короткие сроки аккумулирует новую информацию, становясь репрезентантом уже иных характеристик.

На основании анализа ассоциативных реакций можно предположить, что культурная семантика большинства исследованных прецедентных топонимов трансформировалась в речевой смысл, однозначно определяемый представителями той же нации. Исключение составляют наименования *Лондон* (для американцев) и *Гавана* (для британцев и белорусов): однозначная семантизация этих топонимов представителями одной и той же нации в случае их нерелевантного употребления маловероятна.

ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПУТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Эпидигматическая теория, основанная Д. Н. Шмелевым, предложившим дополнить парадигматические и синтагматические координаты языка за счет деривационных – семантических и словообразовательных – связей языковых единиц, обосновывает способность как отдельных слов, так и целых лексико-семантических полей (ЛСП) развивать регулярным и систематическим образом вторичные значения на основе первичной семантики [1].

По сути, эпидигматическая теория позволила включить традиционное положение о многозначности языковых единиц в более общую концепцию системной организации языка и подойти к пониманию многозначности как одного из фундаментальных свойств значимых единиц, как неизбежного следствия основных особенностей устройства и функционирования естественного языка.

В последнее время отмечается, что термин *эпидигматический* обнаруживает тенденцию к сужению своего значения. Иногда он употребляется лишь для характеристики отношений между значениями одного слова. И. М. Кобозева называет эпидигматическими внутрилексемные семантические отношения между узуальными значениями многозначного слова, а соответствующий аспект лексико-семантической структуры языка – эпидигматикой [2, с. 169]. Тем не менее концепция Д. Н. Шмелева существенно обогащает общую концепцию строения языка и представляет собой новый уровень развития полевой теории лексики [1]. С точки зрения регулярной полисемии наличие эпидигматических отношений, объединяющих определенные группы слов, позволяет в ряде случаев говорить не об индивидуальном развитии семантики отдельного слова, но о явной закономерности в развитии семантики определенных рядов слов, обладающих общими семантическими элементами.

Вопрос, в какой степени типы регулярной полисемии имеют универсальный характер, обнаруживаясь в разных языках, может иметь большое теоретическое и прикладное значение, поскольку способствует выявлению особенностей человеческого когнитивного аппарата, с одной стороны, и, с другой стороны, облегчает совершенствование лексикографических данных, разработку электронных переводчиков и компьютерных редакторов.

Давно отмечено, что перенос в сферу темпоральных характеристик относится к наиболее повторяющимся типам полисемии параметрических прилагательных (ПП). В своих работах У. Вейнрейх отметит, что слова, связанные с пространственными категориями, могут приобретать временные значения, но обратное никогда не имеет места [3]. Этот факт многие лингвисты объясняют тем, что понятия пространства и времени имеют схожее строение. Так, например, во французском языке слова *long*, *court*,

petit, как и в немецком *lang, kurz*, широко используются в темпоральных характеристиках (фр.: *long comme un jour sans pain* (букв.) ‘долгий, как день без хлеба’, *un court moment* ‘короткий момент’, *à la petite semaine* ‘со дня на день’; нем.: *nach langen Jahren* ‘много лет спустя’, *in [nach] kurzer Zeit* ‘вскоре’). Примечательно, однако, что гиперонимам ЛСП параметрических прилагательных немецкого языка *groß, klein* и французского *grand*, такой тип семантической деривации свойственен в меньшей степени, если сравнивать соответственно с фр.: *long, court* / нем.: *lang, kurz*.

В целом, отмечая общие для немецкого, французского и, как видно по переводу, русского языков пути эпидигматического переноса, можно сказать, что семантическое развитие ПП идет в двух направлениях:

1) от параметрических (размерных) признаков к другим материальным, т.е. наблюдаемым органами чувств, признакам (*die großen Ferien* ‘летние каникулы’ – продолжительность во времени);

2) от материальных признаков к абстрактным (*große Worte gebrauchen* ‘говорить громкие фразы’ – оценка в плане «возвышенный/низменный»).

В соответствии с этим лежащий в основе предикатной метафоры понятийный сдвиг обусловил следующие закономерности путей семантических переносов ПП.

1. Совокупность семантических дериватов параметрических прилагательных подразделяется на две области значений: 1) квантитативную и 2) квалификативную.

2. Семантические дериваты квантитативной области упорядочиваются на основе ономазиологических признаков и формируют вторичные значения в области материальных характеристик, например, звучания, количества, времени, структурных характеристик и т.д. (нем.: *großes Geld* ‘большие деньги, крупная сумма денег’; *große Hitze* ‘сильная жара’; *kleines Geld* ‘мелочь, мелкие деньги’; *kleine Fahrt* ‘самый малый ход’).

3. В области квалификативных значений основным структурирующим фактором является распределение оценочных компонентов внутри именной группы. Установлено, что 1) в сочетании с оценочно окрашенными существительными и со словами, обозначающими признаки, дериваты ПП выступают в роли интенсификаторов (нем.: *(sehr) große Unwissenheit* ‘глубокое невежество’; фр.: *un grand menteur* ‘отъявленный лжец’); 2) в сочетании с нейтральными с аксиологической точки зрения существительными дериваты ПП приобретают оценочные значения (нем.: *eine kleine Seele* ‘мелкая душонка’; фр.: *de bien maigres résultats* ‘весьма незначительные результаты’).

4. Знак оценки, выражаемой аксиологическими дериватами ПП, определяется коннотациями первичного значения: т. е. 1) прилагательные, обозначающие большие размеры, развивают положительные характеристики (нем.: *ein großer Politiker* ‘крупный политический деятель’; фр.: *un esprit profond* ‘глубокий ум’; *les grandes pensées* ‘великие мысли’); 2) прилагательные, обозначающие малые размеры, дают отрицательные характеристики (нем.: *ein kleiner Geist* ‘ограниченный ум, умишко’; фр.: *Les chances paraissaient bien mince*. ‘шансы казались довольно незначительными’; *basse*

origine, naissance ‘низкое происхождение, положение’). По этому принципу формируются вторичные значения как в обычных именных группах, так и в устойчивых сочетаниях, служащих восполнению номинативных средств.

5. Выявленные случаи несоответствия данной, общей для немецкого, французского и русского языков тенденции формирования оценочных значений у ПП обусловлены следующими речевыми и языковыми факторами.

К речевым факторам, влияющим на возникновение аксиологического значения, относятся случаи элиминации оценочных смыслов у дериватов ПП контекстом, когда знак оценки («+»/«-») определяется другими, ярко окрашенными в аксиологическом плане словами.

К языковым факторам, формирующим оценочное значение дериватов ПП не по универсальному правилу, могут относиться

1) взаимодействие коннотаций (негативная интеллектуальная оценка – фр.: *pensée épaisse* ‘грубая тупая мысль’ соотносится с негативной эстетической оценкой *doigts épais* ‘толстые пальцы’);

2) этимологическая обусловленность оценки (оценка, выражаемая параметрическими прилагательными (фр.: *fin, gros*), определяется не структурой первичного значения, а этимологией: фр.: *des choses fines; une atmosphère d'émotion vraiment gentille et fine; les conseils... fins et sages*).

Таким образом, знание направлений основных семантических переносов между определенными ЛСП (параметр – количество – оценка – и пр.), свойственных подавляющему большинству естественных языков, может послужить базой для описания эпидгматической структуры языков и тем самым когнитивной опорой при освоении нового языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 279 с.
2. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
3. Вейнрейх, У. О семантической структуре языка / У. Вейнрейх // Новое в лингвистике. – М., 1970. – Вып. 5: Лингвистические универсалии. – С. 163–249.

О. И. Быкова, Е. А. Чаусова (Воронеж, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Языковая динамика, происходящая в экономическом лексиконе, имеет социальную и собственно лингвистическую обусловленность. Предметом лингвистических исследований оказываются проблемы, связанные с соот-

ношением языка и мышления, организацией языковой картины мира с учетом экстралингвистических факторов. Актуальность данной темы видится в изучении «экономической картины мира» [1, с. 239] и ее стремительного развития. Единицы, номинирующие концепт «деньги» в немецкоязычной экономической картине мира, исследованы недостаточно полно с позиции лингвокультурологической направленности когнитивно-дискурсивного подхода к изучению специфики актуализации данного концепта. Концепт «деньги» – социокультурный регулятивный концепт, отражающий накопленный многовековой опыт, специфику национального сознания и мировосприятия носителей языка, их предпочтений; является ценностным ориентиром представителей культур в виде презентационных доминант. Номинанты концепта «деньги», функционирующие в обиходном дискурсе, а также в институциональном, в частности, экономическом дискурсе, отражают специфику финансовых отношений конкретного общества на разных этапах его развития. В трактовке В. И. Карасика институциональный дискурс – это устойчивая система статусно-ролевых отношений, сложившаяся в коммуникативном пространстве жизнедеятельности определенного социального института, специализированная клишированная разновидность общения между людьми, в рамках которой осуществляются властные функции символического принуждения в форме нормативного предписания и легитимации определенных способов мировидения, векторов ценностных ориентаций и моделей поведения [2, с. 45–46]. Среди четырех групп признаков дискурса он выделяет признаки институциональности: фиксация ролевых взаимоотношений, символические действия и речевые клише [3, с.11].

В ходе исследования способов объективации концепта «деньги» выявлены две основные сферы употребления денежных единиц: 1) обиходный дискурс в сфере повседневной жизни как самая многочисленная группа номинант – *Zaster, Kohle, Kies* ‘деньги’ и др.; 2) институциональный экономический дискурс, в котором выделяются подгруппы «бизнес» и «финансовые отношения» – *Akontozahlung* ‘платеж в счет чего-л., предварительный взнос’; *Benutzerkonto* ‘платеж пользователя’; *Kontoauszug* ‘извлечение, выписка из счета’; *Verrechnungsscheck* ‘расчетный чек’ и др. Особенности функционирования номинант институционального дискурса в процессе исторического, социокультурного развития денежной системы заключаются в их диатопической (территориальной соотнесенности) и диахронической (временной соотнесенности) вариативности употребления в немецкой лингвокультурной общности. Слово *Geld* ‘деньги’ появилось в немецком языке в XIV в. и восходит к древневерхненемецкому *gelt* ‘плата, жалование, доход, состояние, богатство’.

Нами установлено, что по количественному параметру способов номинации концепта немецкоязычных денежных номинант в Германии, Австрии, Швейцарии первичные номинанты составляют 42 единицы (26 %); вторичные номинанты – 118 единиц (74 % от общего корпуса исследования). Данная особенность свидетельствует о релевантности признака-спецификатора ‘локус’ диатопической вариативности номинант. Согласно результатам

исследования 49 % номинант функционируют только в Германии, 3 % – только в австрийском варианте, 4 % – в швейцарской обиходной норме немецкого национального языка.

В многомерной полевой структуре исследуемого концепта его ядро вербализовано многозначной лексемой *Geld* ‘деньги’. В результате ее компонентного анализа были выявлены следующие семемы: *Geld 1* – *Zahlungsmittel* ‘платежное средство’, *Geld 2* – *Summe* ‘сумма, предназначенная для определенной цели’, *Geld 3* – *Valuta* ‘денежные единицы различных стран’, *Geld 4* – *Hartgeld* ‘металлические деньги’, *Geld 5* – *Papiergeld* ‘бумажные деньги’. Интегративным признаком, лежащим в основе родового понятия исследуемых номинант, является сема *Zahlungsmittel*. К дифференциальными признакам названий денежных единиц относятся: материал изготовления, место распространения; исторические события, связанные с этапами их функционирования. По наличию признака ‘материал изготовления’ было выявлено преобладание группы номинант *Kleingeld* (64 %) ‘мелкие деньги, монеты’, что объясняется отсутствием единой денежной системы в Германии до 70-х гг. XX в. До объединения Германии (1871) различные княжества и частные коммерческие банки выпускали бумажные денежные знаки в XIX веке в талерах (северная Германия) и в гульденах (южная Германия). В Саксонии казначейские знаки выпускались с 1772 г., в Шлезвиг-Гольштейне – с 1787 г., в Пруссии – с 1806 г. Самая известная денежная единица Германии *Mark* ‘марка’ изначально представляла собой серебряную монету, вошедшую в обращение в XVI в. В едином немецком государстве она стала общей единицей и являлась в сознании немцев символом благополучия и процветания. В настоящее время в денежном обращении Германии находятся *Euro* ‘евро’ и *Cent* ‘монета, цент’. Интересно отметить, что изначально планировалось другое название единой европейской валюты *ECU* – *European Currency Unit* ‘экю, европейская денежная единица’, однако оно не прижилось, особенно возражали против него немцы, возможно, из-за созвучия с немецким словом *Ekel* ‘отвращение’.

Особый интерес представляет изучение специфики функционирования вторичных номинант, отражающих глубинные структуры национального сознания. В этом отношении считаем необходимым определить, какие коды культуры лежат в основе фиксации образной составляющей вторичных номинант. Применяемый нами этнолингвосомиотический анализ, нацеленный на определение соотношенности тела знака концепта, вербализованного вторичными номинантами, с культурным кодом, позволил выявить различную степень продуктивности культурных кодов как способов ассоциативно обусловленной интерпретации того или иного признака, лежащего в основе образной составляющей номинант в национальном языковом сознании. Проиллюстрируем результаты анализа:

1) духовный код (30 %) «пронизывает» большинство анализируемых номинант, транслирует ценностные ориентиры конкретного языкового коллектива, например, *Engeltaler* ‘низкопробные саксонские монеты при Эдварде IV с изображением архангела Михаила и герба’;

2) предметный или вещественный код (26 %) – *Gulden* от *golden* ‘золотой’;

3) итропоморфный код (10 %) – *Achtbrudertaler* ‘серия талеров, выпускавшихся в Саксонии с портретами герцога Иоганна Эрнста и 7 его братьев’;

4) числовой код (10 %) – *Vierling* ‘легкая серебряная монета достоинством в 4 пфеннига’;

5) пространственный код (10 %) – *Joachimstaler* ‘крупная серебряная монета, чеканившаяся в первой половине XVI века в богемском городе Йоахимсталь’;

6) зооморфный код (5 %) – *Batzen* от древневерхненемецкого *batz* ‘медведь’, ‘монета в южной Германии’;

7) ономастический код (3 %) – *Mariatheresientaler, österreichischer Silbentaler* ‘денежная монета эпохи правления Марии Терезии в XVIII в.’;

8) флороморфный код (3 %) – *Aloetaler* от названия растения алоэ, завезенного в Германию.

Дальнейшее исследование репрезентации концепта «Geld» может быть ориентировано на рассмотрение словообразовательной и фразеологической деривации номинант.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 895 с.

2. *Карасик, В. И.* Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 37–64.

3. *Карасик, В. И.* О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.

Е. А. Гапанович (Минск, Беларусь)

СВОЕОБРАЗИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВОКУПНОЙ СЕМАНТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Результатом понимания человеком своего внутреннего и внешнего мира являются знания, организованные им в различные уровни абстракции и отвлеченности (в зависимости от того, как членится предметный мир, а также от того, как отдельные вещи и идеи сгруппированы во множества). С помощью разноплановых номинаций естественного языка возможна дифференциация обобщений.

Внутренняя форма языковых единиц множественной семантики может различаться численной емкостью или вместимостью, а также способом своего составления, например, включение во множество или исключение из него определенного объекта. Так, инклюзивное французское местоимение *on* называет 'меня/нас, включая тебя/вас'. Следует отметить, что «выработке единой категории отвлеченного множества предшествуют более конкретные множества» [1, с. 65]. Интерес со стороны исследователей-лингвистов к именам собирательным как к именам с особым значением был проявлен при изучении категории множества. Смысловое расхождение отдельной множественности и собирательности стало осознаваться грамматистами уже с момента самого возникновения этой категории в индоевропейских языках.

В условиях дифференциации множественного смысла в древних индоевропейских языках наличие дуалиса – формы двойственного числа – объяснялось потребностью указать на нечто иное, чем на отдельную множественность, обозначаемую множественным числом имени. Произошедшая в дальнейшем во многих европейских языках замена дуалиса на форму множественного числа среднего рода ознаменовала собой переход к дофлексивному состоянию собирательности.

Для языкового выражения совокупности живых существ, а именно класса человека, прототипическим признается личное имя существительное, называющего первого человека на Земле – Адама. В сравнении с другими живыми существами, для которых в видовых и родовых группах количество членов всегда больше одного, исключительный численный характер класса «человек», состоящий из одного единственного экземпляра, объясняется тем, что именно он сам является автором биосоциальной систематики и не знает себе подобных.

По степени сложности и способу составления собирательность живых существ не предшествует отдельной множественности, находящейся на более низком уровне иерархии, а наоборот, формируется на ее основе.

Флективная система русского языка позволяет обозначать отдельную множественность и собирательность, в то время как категория собирательности во французском языке относится к функционально-семантическим, не обладая специальными формами выражения, за исключением небольшого числа аффиксов.

В отличие от предметов, объединенных в группы из однородных элементов, но не участвующих в активном взаимодействии (листва, дрова), собрание живых существ является классом разнородных субъектов действия. Вместе с тем французские названия последних, обозначая целостную совокупность самостоятельных субъектов, сохраняют возможность представлять их как пассивный класс. Например, фр. *professorat* '1. должность как состояние (*état*); 2. преподавательская работа как активность (*fonction*)'.

Особенности объективации данным языком активности совокупного референта, с одной стороны, обусловлены внутренней сущностью последнего, с другой – структурой более сложного объекта – окружающего мира,

среды субъекта познания, в состав которых данная совокупность входит на правах одного из элементов. При этом совокупная семантика имени объекта (и человека в том числе) находится под влиянием среды или окружения и зависит от активности субъекта, его познающего. Поскольку среда – есть не что иное, как совокупность живых организмов, объектов в тесной взаимосвязи с условиями, воздействующими на сами живые существа и человеческую активность. Сравним дефиницию лексемы *environnement* «l'ensemble des conditions naturelles (physiques, chimiques, biologiques) et culturelles (sociologiques) susceptibles d'agir sur les organismes vivants et les activités humaines».

К. С. Аксаков, объясняя переход множественности в единичность через значение собирательности, несколько преувеличивал, считая, что стремление русского человека понять множество как совокупность есть замечательное стремление, чисто свойственное русскому языку, стремление к образности [2, с. 115]. Рассмотрение аналогичного материала французского языка показало, что названия коллективов животных в большей степени образны, например, фр. *un parlement de hiboux* ‘группа пингвинов’, букв. ‘парламент пингвинов’. Кроме того, во внутренней форме групповых наименований стадных или стайных животных учитывается зрительный образ отдельно взятого объекта: *un troupeau d'autruches* букв. ‘стадо страусов’. Становясь объектом активного познания (в том числе и наблюдения), группа птиц, летящих в момент речи, именуется как *vol* букв. ‘размах крыльев’, в то время как наблюдение за группой пернатых, разлетающихся в сторону, выражается с помощью номинации *une volée de moineaux*.

Сравнительный анализ выразительных возможностей русского имени существительного *корпус* и его французского эквивалента *corps* позволяет увидеть, что в результате развития внутренняя форма первого слова, изначально называющего туловище человека или животного как часть, переосмысливается в пользу значения ‘совокупность множества каких-л. однородных предметов, образующих целое; массив’. При этом актуализируется признак пассивной однородности, т.е. объект зачисляется в совокупность по принципу семейного сходства. В то время как для французского *corps* видоизменение конкретной семантики *corps* «l'organisme humain» ‘человеческий организм’ заканчивается добавлением сложного признака упорядоченной совокупности (*ensemble organisé*).

В условиях активного познания человеком предметного мира номинативные средства французского языка способны зафиксировать особенности составления среды как сложного множества. Так, обобщающее название Средиземного моря, производное от выражения *sреди земель*, т.е. среди Италии, Испании, Африки, Турции, Греции, появилось в начале VII в. и на все языки передается путем смыслового перевода: англ. *Mediterranean Sea*, итал. *Mare Mediterraneo*, нем. *Mittelländisches Meer*. До указанного исторического момента древние греки, которые, хотя и селились по всему его побережью, не представляли его единым, и поэтому использовали разроз-

ненные названия его отдельных частей: Эгейское море, Критское море, море Ио, Египетское море, Ливийское море. Римляне же, завоевав все побережье этого моря, подчеркивая значимость своих побед, присваивают ему имя *Mare Nostrum* 'Наше море' или *Mare Internum* 'Внутреннее море'. Другими словами, несмотря на огромное пространство завоеванных территорий, они мысленно размещают его внутри своей среды, и, таким образом, воспринимают его как целостную совокупность, что и обуславливает необходимость дать обобщающее название. Современное и уже окончательное название сохраняет категориальный семантический признак целостности. Дальнейшее изменение его внешней формы (*la Méditerranée* 'Внутреннее, Средиземное море') продиктовано экстралингвистическими факторами: море не принадлежит уже только римлянам, а объединяет многочисленные народы, населяющие страны вдоль побережья после распада Римской империи, в одну территорию – Средиземноморье. Таким образом, в самой среде, сбалансированной с речемыслительными процессами познания и номинации, происходит нейтрализация структурных признаков частей и устанавливается референция к объектам большего масштаба.

Своеобразие семантики совокупности определяется активностью или самих группируемых предметов, или субъекта познания. Выявленная лингвогносеологическая сущность французских имен совокупностей обусловлена значимостью активной позиции субъекта познания для французской лингвокультуры. С возрастанием уровня обобщения перевод чувственного образа в собственно мыслительный сопровождается развитием внутренней формы обобщающих номинаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тронский, И. М. Общее индоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / И. М. Тронский. – Л. : Наука, 1967. – 104 с.
2. Аксаков, К. С. Опыт русской грамматики / К. С. Аксаков. – М. : Тип. Л. Степановой, 1860. – Ч. 1. Вып. 1. – 195 с.

Н. В. Дардыкова (Минск, Беларусь)

ФАЗОВАЯ СЕМАНТИКА В ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМАХ АНГЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

В работе на основе сопоставления фазовых глагольных конструкций в английском и турецком языках анализируется взаимосвязь между аспектуальной семантикой глаголов в одном языке и способами ее передачи на другой язык.

Мы исходим из того, что фрагменты языковой картины мира отражаются в сочетаемости и семантической структуре глагольных единиц, а их

переводные эквиваленты позволяют экстраполировать эти различия. Материалом для анализа послужили английская трилогия С. Коллинз «Голодные игры», «И вспыхнет пламя», «Сойка-пересмешница» (S. Collins «The Hunger Games», «Catching fire», «The Mockingjay») и романы «Снег», «Музей невинности» и книга очерков и эссе «Другие цвета» турецкого писателя О. Памука (O. Pamuk «Kar», «Masumiyet Müzesi», «Öteki renkler»). Исходные тексты сравнивались с их переводами, выполненными одними и теми же переводчиками. Переводы английской трилогии на турецкий язык выполнил Т. Тафтаф, на английский язык – М. Фрили. Для анализа было отобрано 1940 контекстных употреблений.

Фаза начала в сопоставляемых языках наиболее частотна и составляет две трети выборки. В английском языке она представлена глаголами *to begin* ‘начинать’ и *to start* ‘начать’. В их семной структуре главным является значение приступа к действию, и это действие ранее не имело место. А. Фрид пишет, что семантическое различие между этими двумя глаголами состоит в том, что *to begin* указывает на наличие определенного периода, в течение которого действие начинает разворачиваться, а *to start* указывает на момент появления действия [1, p. 70–71]. В турецких эквивалентах, однако, это различие нивелируется и используется один глагол – *başlamak* ‘начинать’. В свою очередь, переводным эквивалентом *başlamak* преимущественно служит английский глагол *to begin*. Это может объясняться тем, что в семантике *to start* (при употреблении с инфинитивом), помимо начинательного значения, наблюдаются также модальные значения неудавшейся попытки и действия, которое не получило развития: *I started to fall and he caught me* ‘я начала падать, но он подхватил меня’. В данном примере модальное и фазовое значения являются в некоторой степени дополнительными друг к другу, но начинательность играет решающую роль. В турецком переводе, напротив, на передний план выносятся именно значение нереализованного действия: *düşüyordum da, beni son anda tuttu* ‘я чуть было не упала, но он подхватил меня’. В качестве средств перевода при выражении этого значения в турецком языке используются формы сложных времен (*-acaktı, -ıyordu*) и глагольные конструкции *-maya yeltenmek* ‘пытаться (безуспешно)’, *-maya çalışmak* ‘пытаться’, *-maya girişmek* ‘приниматься’, *-maya koyulmak* ‘бросаться’. Последние два глагола (*girişmek* и *koyulmak*) выступают средствами выражения фазы начала и являются стилистическими и экспрессивными синонимами *başlamak*. В их семной структуре фазовое значение начала и модальное значение намеренности действия являются дополнительными по отношению друг к другу, что, вероятно, связано с самой ситуацией, так как в условиях, когда действие начинает человек, он обычно делает это намеренно. Как и в случаях с *to start*, в переводах этих глаголов на английский язык конструкции с модальным значением встречаются часто: *kitabın gizli mantığını bulmaya girişmiş* ‘он стремился показать скрытую логику книги’, *he labored to reveal <...> the hidden logic of this testament* ‘он старался показать скрытую логику этого завета’.

Серединная фаза в английском языке выражается конструкциями с глаголами *to keep* ‘продолжать’ и *to continue* ‘продолжить’, а в турецком языке – оборотами на *-Ip/-A- durmak* ‘продолжать’, *-Ip/ -A- kalmak* ‘продолжать’, *-Ip gitmek* ‘длиться’, *-Agelmek* ‘длиться’. Содержательное отличие продолженных форм в двух языках состоит в том, что с их помощью профилируются разные способы протекания действия. В английском языке актуализируется либо концепт границы, предела действия (значения ‘возобновление прерванного действия’ и ‘поддержание текущего действия’ в оборотах с *to continue*), либо маркируется наличие определенного акцента действия (значения повторяемости и настойчивости в семантике *to keep*). В турецком языке значение продолженности действия, заложенное в семной структуре вспомогательного глагола, вступает во взаимодействие с лексической семантикой полнозначного глагола. Полученные в результате конструкции обозначают вектор протекания действия: от прошлого к настоящему в оборотах на *-Ip/-A-gelmek* и от настоящего к будущему в случаях на *-Ip gitmek*. В другом варианте полученные конструкции приобретают особый лексический оттенок, например, значение оцепенения в том или ином физическом либо моральном состоянии у *-Ip/-A-kalmak*. Соответственно, при переводе морфологические средства часто передаются лексическими эквивалентами. Так, английскими эквивалентами *donakalmak* ‘замереть’ являются сочетания типа *to be paralyzed* ‘быть парализованным’, *frozen on face* ‘с застывшим лицом’, *to have fear and awe printed on face* ‘со следами страха и изумления на лице’. Исключение составляют только обороты с *to keep* и *-Ip/-A- durmak*, которые оба могут иметь значение повторяющегося действия.

Конструкции фазы конца являются редкими в обоих языках, а глаголы, составляющие их, акцентируют скорее не предельность действия, а его целостность: обороты с глаголами *to finish* ‘заканчивать’, *bitirmek* ‘заканчивать’, *çıkılmak* ‘заканчивать, выходить’ обозначают завершение действия, приведение его к концу, а обороты с *to stop* ‘прекращать’ – прерывание начатого действия.

Таким образом, даже на нашем ограниченном материале видно, что фазовые глагольные конструкции в английском и турецком языках зачастую по-разному отображают протекание действия. Особенно ярко это различие проявляется в конструкциях, представляющих фазу продолженности. При этом конструкции фазы начала более частотны и семантически нейтральны, чем конструкции, представляющие другие фазы действия. Это может объясняться тем, что в обоих сопоставляемых языках они являются ведущими средствами выражения начинательности и, следовательно, составляют ядро соответствующей семантической категории. Глагольные конструкции, представляющие серединную и финитную фазы, конкурируют с регулярными морфологическими средствами выражения протяженности и законченности действия и придают определенный оттенок обозначаемому действию, что может обуславливать различия во фрагментах языковой картины мира у носителей английского и турецкого языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Freed, A.* The semantics of English aspectual complementation / A. Freed. – Dordrecht, Boston : Reidel, 1979. – 172 p.

В. С. Дегтярёва (Смоленск, Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ *ASCHENPUTTEL* В НЕМЕЦКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Как известно, термин *метафора* появился в Древней Греции. С того времени изучение этого феномена идет непрерывно, количество работ множится, но интерес к метафоре не ослабевает. В XX веке сущность данного явления стала объектом исследования различных областей знаний – лингвистики, философии, психологии и т.д. Тем не менее и по сей день многие его аспекты окончательно не изучены. Ср.: «Нельзя сказать, что теперь мы хорошо понимаем, что такое метафора» [1, с. 145].

В лингвистике особую роль в объяснении фактов действительности играет теория концептуальной метафоры, основоположниками которой являются Дж. Лакофф и М. Джонсон. По мнению ученых, в процессе метафоризации происходит «метафорическая проекция», т.е. «отображение элементов области источника в элементы области цели» [2, с. 32]. В настоящее время можно выделить целый ряд работ, в которых метафоризация исследуется на материале различных языков и типов дискурса, например, политического, экономического, рекламного, спортивного (см. публикации А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал, Е. Г. Малышевой, Р. В. Белютина и др.).

В качестве отдельного аспекта исследований принято рассматривать функционирование метафоры в медийном дискурсе, под которым мы понимаем все текстотипы печатных и электронных периодических изданий средств массовой информации. Излюбленным приемом «агентов» (по В. И. Карасику [3]) этого дискурса продолжает оставаться использование прецедентных событий, текстов, ситуаций, высказываний, имен. Как правило, журналисты, аналитики, политики, пиарщики используют прецедентные имена известных литературных героев, чтобы придать сообщению более эмоционально-экспрессивную окраску или «упростить» его для широкого круга реципиентов. Для таких прагматических целей часто «профилируются» (по Дж. Лакоффу [2]) прецедентные имена, относящиеся к сказочной литературе, так как сказочные персонажи, известные большинству читателей с детства, репрезентируют в наиболее яркой форме базовые категории человеческого бытия: «добро – зло», «хорошо – плохо» и т.д. «Prinzipiell ist jedes Märchen, so alt wie die Menschheit, und eben die zeitlose Gültigkeit der Märchen und Mythen versetzt sie in den Stand, zeitlos gültige Wahrheiten zu formulieren, die den Einsichten des Verstandes unendlich überlegen sind» [4, S. 6].

В данной работе предпринимается попытка рассмотрения случаев репрезентации универсального прецедентного феномена (по Ю. Н. Караулову [5]) «Aschenputtel» в немецкой языковой картине мира. По нашим данным, до настоящего времени концепт «Aschenputtel» в своем метафорическом использовании в немецком языке подробно не рассматривался. В то же время известна работа К. В. Завьяловой, представившей детальный анализ функционирования прецедентного текста и прецедентного имени *Золушка* в русской, американской, испанской и венгерской лингвокультурах.

Эмпирическим материалом для исследования послужили фрагменты текстов, опубликованных в немецких электронных и печатных периодических источниках. Узкие рамки статьи не позволяют подробно обсудить весь потенциал концепта «Aschenputtel» на данном участке немецкой языковой картины мира, поэтому мы представим наиболее яркие примеры метафоризации данного концепта в различных тематических контекстах, оговорив кратко пресуппозиционные основания.

Медийное коммуникативное пространство «Политика». Пресуппозиция: *Aschenputtel* – девушка, которая справляется с непосильными заданиями мачехи.

... dann kann das Publikum an den Mythos vom Aschenputtel anknüpfen, denn da geht es ja um eine Frau, die schafft, was keiner ihr zugetraut hätte [A].

Медийное коммуникативное пространство «Биография». Пресуппозиция: *Aschenputtel* – простая девушка в лохмотьях, имевшая нелегкую судьбу превращается в прекрасную принцессу.

«Zähes Aschenputtel aus dem Regenwald».

Für Sympathie im In- und Ausland sorgte alleine schon der Lebenslauf von Marina Silva, der einer modernen Aschenputtel-Version gleicht: Eine bettelarme Kautschukzapferin aus dem Amazonas, die schon als Kind hart arbeiten muss, sich als 16-jährige Analphabetin schwer krank aufmacht in die Stadt, um dort geheilt und ausgebildet zu werden, und die schließlich 2002 aufsteigt zu Brasiliens Umweltministerin [B].

Медийное коммуникативное пространство «Реклама». Пресуппозиция: *Aschenputtel* – перепачканная девушка, выполняющая тяжелую работу.

Es war einmal vor langer Zeit ein Rasenmäher, der zwar kräftig und zuverlässig seine Arbeit erledigt hat, aber unter seinem Schmutz und Dreck der vergangenen Jahre keine Beachtung mehr bekommen hat. Er schuftete Sommer für Sommer, und keiner liebte ihn, keiner meldete sich freiwillig, um mit ihm durch den Garten zu laufen. Er hatte ein trauriges Leben auf dem Anwesen seiner Besitzer [B].

Медийное коммуникативное пространство «Спорт». Пресуппозиция: *Aschenputtel* – бедная девушка, на долю которой выпало немало испытаний.

Mats Hummels hatte das schon vor der Auslosung klargestellt: „Mit unserer Verletztenliste sind wir im Viertelfinale gegen jeden Gegner Außenseiter.“ Trainer Jürgen Klopp legte nun nach: „Unter den letzten Acht sind wir das Aschenputtel, angesichts unserer Personalsituation und unseres Budgets“ [Г].

Медийное коммуникативное пространство «Гороскоп». Пресуппозиция: *Aschenputtel* – девушка, которая пряталась от принца, когда он ее разыскивал.

Sitzen Sie nicht wie Aschenputtel hinterm Ofen sondern gehen Sie selbst mit dem Prinzen zum Ball! [Д].

Итак, как показывает наше исследование, прецедентное имя *Aschenputtel* обладает достаточно высокой рекуррентностью и коммуникативной плотностью. Данный концепт «рассеивается» в различных дискурсах медийного пространства, причем основным признаком, который кладется в основу его метафоризации в немецкой лингвокультуре, становится тяжелая жизнь девушки с мачехой. Такой вывод несколько отклоняется от результатов, представленных в диссертационном исследовании К. В. Завьяловой [6]. Так, например, ею было установлено, что в американской лингвокультуре большинством реципиентов сказка о Золушке воспринимается как сказка о чудесах и о любви.

Перспективным, на наш взгляд, является дальнейшее изучение данного феномена в немецкой и других языковых картинах мира для более глубокого и всестороннего сопоставительного анализа смысловых, оценочных и других аспектов функционирования данного концепта. Кроме того, отдельного рассмотрения заслуживают устойчивые выражения с концептом-номинантом *Aschenputtel*, являющиеся своего рода ассоциативными коррелятами к данной сказке. Ср.: *Die guten ins Töpfchen, die schlechten ins Kröpfchen*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров, В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–146.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004 – С. 226–364.
4. Drewermann, E. Grimms Märchen tiefenpsychologisch gedeutet / E. Drewermann, I. Neuhaus. – Olten : Walter-Verlag AG, 1983. – 55 S.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. Завьялова, К. В. Функционирование прецедентного текста и прецедентного имени: сказка «Золушка» в русской, американской, испанской и венгерской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / К. В. Завьялова. – М., 2007. – 26 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- А. <http://www.tagesspiegel.de/politik/froschkoenig-vs-aschenputtel/639544.html>.
Б. <http://www.zeit.de/politik/ausland/2009-09/brasilien-silva>.

В. <http://www.tewaga.de/index.php/20-werbung/123-aschenputtel>.

Г. <http://www.sueddeutsche.de/sport/dortmund-gegen-madrid-aussenseiter-maerchen-von-aschenputtel-1.1927313>.

Д. <http://astrologie-im-revier.de/jungfrau-23-august-bis-22-september-analytisch-praktisch-ausdrucksstark/>.

А. М. Дудина (Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ШИРОКОЙ СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ (на материале французского и белорусского языков)

Термин *широкозначность* (иначе – *эврисемия*), предложенный Н. Н. Амосовой, не является общеупотребительным в русистике и белорусистике, однако он активно используется по отношению к языкам аналитическим, в число которых входит и французский. Под широкозначными принято понимать такие лексические единицы, значения которых характеризуются широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью (например, французские глаголы *avoir, être, faire, aller, prendre, donner* и др.).

Практически все исследователи сходятся во мнении, что широкозначности присуще закрепление в сигнификате минимального количества признаков, о чем свидетельствует невозможность их разложения на дифференциальные признаки в обычном смысле. Это создает необходимые условия для соотнесения данного минимума признаков с практически неограниченным кругом денотатов и сохранения во всех многочисленных и разнообразных употреблениях слова единого, хотя и очень обобщенного значения. Как отмечает Н. Н. Амосова, широкозначность проявляется в слове в чистом виде лишь в условиях его изоляции из речи и получает сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи. Исследователь подчеркивает, что «контекст или ситуация именно конкретизируют, но не изменяют и не элиминируют широкое значение слова, которое остается основой любого своего суженного варианта» [1, с. 103].

К основным признакам широкозначных слов (помимо указанных выше *полиденотативности* и *синкретизма значения*), согласно исследованиям В. К. Колобаева [2] и Л. В. Барсук [3], относятся также следующие: *синсемантия* – способность широкозначного слова выражать свое значение лишь непосредственно в контексте с другими языковыми единицами; *десемантизация* – явление, при котором эврисемичное слово может частично или полностью утрачивать свое лексическое значение и представлять собой служебный элемент, выполняющий грамматическую функцию; *полифункциональность* – способность широкозначного слова выступать как в лексической, так и грамматической функции; *высокая частотность употребления*; *способность часто использоваться в устойчивых словосочетаниях*.

Интерес представляет семантика и функционирование слов широкого значения на материале неродственных языков, в частности, французского и белорусского. Анализу были подвергнуты лексические единицы *avoir* и *faire* и их белорусские аналоги – *мець* и *рабіць*, которые входят в число ядерных эврисемичных слов.

Словари современного французского языка [4; 5] фиксируют для глагола *avoir* в его употреблении в качестве самостоятельного 7 значений: 1) иметь; обладать, владеть (*avoir des enfants* ‘иметь детей’); 2) получить; достать; купить (*avoir un prix* ‘стоить’); 3) справиться с...; одержать верх над... (*on les aura!* ‘они получают свое!’); 4) (*qn*) обмануть, надуть, провести (*se faire avoir* ‘дать себя провести; остаться в дураках’); 5) попасть; поймать (*avoir son train de justesse* ‘едва успеть на поезд’); 6) быть не в порядке (*qu'est-ce qu'il a?* ‘что это с ним?’); 7) *avoir* входит в ряд устойчивых выражений (*avoir bon* ‘получать удовольствие’; *en avoir* ‘быть не робкого десятка’). В словарях также указывается, что на основе конструкции *avoir* + существительное образовано большое количество глагольных словосочетаний, выражающих какое-либо свойство, действие или состояние (*avoir patience* ‘терпеть’, *avoir du courage* ‘быть храбрым’). Конструкция *avoir à* + инфинитив другого глагола выражает долженствование (*j'ai à vous parler* ‘мне нужно поговорить с вами’). Отмечается использование *avoir* в очень употребительном во французском языке безличном обороте *il y a* ‘есть, имеется’. Исследуемый глагол может употребляться с неограниченным кругом денотатов, также в качестве переходного (*il a une maison* ‘у него есть дом’), непереходного (*il a à peser les pour et les contres* ‘ему надо взвесить все «за» и «против»’), вспомогательного (*elle a lu ce livre* ‘она прочла эту книгу’), сохраняя во всех своих многочисленных употреблениях идею соотнесенности с денотатом.

Для глагола *faire* словари фиксируют 32 значения, в числе основных можно выделить: 1) делать (действовать) (*il faut faire qch* ‘надо что-то делать’); 2) делать, создавать (*faire un costume* ‘сшить костюм’); 3) делать, исполнять (*faire la commission* ‘выполнить поручение’); 4) совершать (к.-л. действие) (*faire le tri* ‘производить отбор’); 5) заниматься чем-либо (*faire de l'anglais* ‘заниматься английским языком’); 6) приводить в порядок (*faire ses chaussures* ‘чистить обувь’); 7) назначать (*on l'a fait professeur* ‘его назначили преподавателем’) и др. Как и глагол *avoir*, лексическая единица *faire* характеризуется необычайной широтой дистрибутивного диапазона, многообразием синтаксических моделей, в которых она используется. Так, указанный глагол может выступать в качестве переходного (*il fait ce travail* ‘он делает эту работу’), непереходного (*il fait comme tout le monde* ‘он делает как все’), связочного (*elle fait jolie* ‘она сохраняет привлекательность’). Во всех многочисленных употреблениях прослеживается активность субъекта действия.

Что же касается использования изучаемых лексем в устойчивых словосочетаниях, то по данным словаря [6] фразеологизмы с глаголом *avoir* составляют более 1 000 единиц [6, с. 97–104]. Так, со словами, начинающимися на букву *a*, их насчитывается 156; на букву *c* – 266; *f* – 93; *m* – 67 и т.д.).

Например: *avoir la (de la) chance* ‘иметь успех, удачу (в делах и т.п.)’; *avoir la détente facile* ‘чуть что – стрелять’; *avoir la frousse* ‘дрейфить, трусить’; *avoir la langue légère* ‘говорить необдуманно, опрометчиво’ и др. Очевидно, что при переводе на русский язык не всегда возможна дословная передача значения, однако семантический анализ примеров позволяет убедиться в том, что во всех случаях сохраняется широкое значение исследуемого глагола ‘иметь, обладать’.

В названном выше словаре фразеологизмы с глаголом *faire* представлены более чем 1 500 единицами и занимают 12 страниц [6, с. 617–628]. В частности, со словами, начинающимися на букву *a*, насчитывается 102 фразеологические единицы; на букву *c* – 327; *f* – 168; *m* – 67 и т.д. Например: *faire à la papa* ‘делать все не спеша, не обращая внимания на окружающих’; *faire aboutir une affaire* ‘доводить дело до конца’; *faire affiche* ‘афишировать, делать рекламу’; *faire déborder qn* ‘довести кого-либо до крайности’; *faire des singeries* ‘дурачиться’; *faire Charlemagne* ‘выйти из игры после выигрыша’ и др. Как видим, круг лексем, в сочетании с которыми употребляется исследуемый глагол, чрезвычайно широк и включает как слова конкретной, так и абстрактной семантики, одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные.

Анализ словарных статей «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» [7] позволил установить для глагола *мець* 4 основных значения: 1) валодаць як уласнасцю (*мець сваю хату*), 2) валодаць чым-н. (*мець прафесію*); 3) а) дзеянне па значэнню назоўніка (*мець намер (намервацца)*); б) быць, знаходзіцца ў якім-н. стане (*мець непрыемнасці*); 4) у спалучэнні асабовых форм з інф. – ‘павінен або намерваецца што-н. зрабіць’ (*мець вушы* ‘прыслухоўвацца’, *мець на прыкмеце* ‘браць на ўвагу’) (ср. с глаголом *avoir* в конструкции *avoir à* + инфинитив).

Для глагола *рабіць* указанный словарь фиксирует 9 основных значений: 1) займацца чым-н. (*ён нічога не робіць*), 2) вырабляць, майстраваць (*рабіць мэблю*); 3) працаваць дзе-н., кім-н. (*рабіць на заводзе*); 4) заказваючы, даручаць вырабляць што-н. для сябе (*рабіць абноўку*); 5) у спалучэнні з назоўнікам выражае дзеянне паводле значэння гэтага назоўніка (*рабіць памылкі (памыляцца)*); 6) аказваць, прычыняць што-н. каму-н. (*рабіць дабро людзям*); 7) ператвараць у каго-н., у што-н. (*рабіць з хлопца камедыянта*); 8) кабо (што) кім або якім (*рабіць чалавека шчаслівым*); 9) утвараць сабой (*рака рабіла круты паварот*).

«Слоўнік фразеалагізмаў» беларускага языка [8] содержит 16 устойчивых сочетаний с глаголом *мець*. Например: *мець бога ў сэрцы*; *мець вока на каго-н.*; *мець гонар*; *мець ласку*; *мець на ўвазе*; *мець мух у носе* (‘быць упартым, капрызным’); *мець рацыю* (‘правільна, абгрунтавана думаць, гаварыць’) и др. В словаре представлено 11 фразеологизмов с глаголом *рабіць* (*зрабіць*): *рабіць выгляд*; *рабіць вялікія вочы*; *рабіць з белага чорнае*; *рабіць з камара каня*; *рабіць з мухі слана*; *рабіць пагоду* и др.

Как следует из изложенного выше, и во французском и в белорусском языках исследуемые слова ведут себя как широкозначные единицы. Их семантика закодирована в языке предельно экономным способом. Каждое актуальное их значение является речевым репрезентантом широкого значения. Свободные от референтной соотнесенности эврисемичные глаголы *meць/avoir* и *рабіць/faire* аккумулируют в себе содержание, уже заложенное в сочетающейся с ними лексической единице, сохраняя во всех употреблениях собственный семантический инвариант.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова, Н. Н. К вопросу о лексическом значении слова / Н. Н. Амосова // Вестн. ЛГУ. – 1957. – Вып. 1. – № 2. – С. 103–104.
2. Колобаев, В. К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. К. Колобаев. – Л. : ЛГУ им. Жданова А. А., 1983. – 34 с.
3. Барсук, Л. В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Барсук. – Саратов : СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 1991. – 16 с.
4. Robert, P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / P. Robert. – Paris : Robert, 2000. – 2841 p.
5. Le grand Larousse illustré. – Paris: Larousse, 2017. – 2106 p.
6. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гака [и др.] ; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1625 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка і М. Н. Крыўко. – Мінск, 2005. – 783 с.
8. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.

И. Е. Езан (Санкт-Петербург, Россия),
Л. Н. Неборская (Минск, Беларусь)

ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ТВИТТЕР-КОММУНИКАЦИИ (на примере твитов немецких политиков)

Несмотря на активный интерес ученых-лингвистов к особенностям интернет-коммуникации непроясненными остаются многие теоретические и практические вопросы новой исследовательской области. Так, например, дискуссионным представляется вопрос о возможности выделения на основе многочисленных научных исследований нового направления в лингвистике, что, в свою очередь, связано с проблемой терминологической номинации.

Многие термины широки и многозначны, поскольку включают в себя сферы, далеко выходящие за пределы лингвистики: коммуникация, опосредованная компьютером (КОК), электронная коммуникация, цифровая коммуникация, интернет-коммуникация. Наиболее удачным для обозначения направления, занимающегося изучением всех проявлений функционирования языка в сфере коммуникации в электронной среде – Интернете, представляется термин «интернет-лингвистика» [1, 2].

За последние два года популярным объектом изучения русистов и германистов становится интернет-платформа твиттер, что можно объяснить следующими причинами: 1) это возможность мгновенного распространения актуальной информации в сжатом виде с ярко выраженной новостной и социальной составляющей; 2) особая популярность платформы среди политических деятелей и партий. Последняя характеристика придает данному жанру интегративный характер, так как позволяет связать его с особенностями политической коммуникации. Согласно данным Института немецкой экономики (Кёльн) 57 % депутатов бундестага используют твиттер-платформу. Особенно активно твит-сообщениями обмениваются представители партии «зеленых». По сравнению с ними в «чирикании» отстают христианские демократы.

Особенностью текстов твитов является лаконичность как проявление когнитивных и языковых механизмов компрессии. Данный механизм предназначен для свертывания текста и осуществляется с целью сокращения плана выражения при сохранении в полном объеме плана содержания. Причина сжатия содержания задана системой, которая закрепила объем текста в 140 символов.

Языковая компрессия как дискурсивная характеристика проявляется в текстах твитов на всех языковых уровнях. Так, например, на графическом уровне для твиттер-коммуникации характерно использование специфических символов (например, эмодзи), несущих определенную эмоционально-экспрессивную нагрузку. Однако стоит отметить, что многие немецкие политики достаточно сдержанны в выражении чувств, в основном это делают т.н. «левые», выражая тем самым несогласие с основным вектором правящей коалиции:

Thomas Strobl spricht Angela Merkel sein Vertrauen aus. 🙏 ‘Томас Штробль выражает доверие Ангеле Меркель’.

Повышенные требования к языковой компрессии в текстах твитов способствуют тому, что здесь широкое употребление находят лексические сокращения-аббревиатуры. При описании аббревиатурных номинаций в нашем материале основными критериями выделения ее типов является учет структурной простоты или сложности, а также линейной протяженности компонентов:

1. Собственно инициализмы (алфавитизмы) – аббревиатуры, образованные от словосочетаний путем оставления инициальных букв от каждого слова сокращаемого словосочетания с произношением по алфавитному

принципу. Подобный тип аббревиатурной номинации является частотным при передаче наименований государственных учреждений, например, *BMI – Bundesministerium des Innern* ‘Федеральное министерство внутренних дел’, *das Bamf – Bundesamt für Migration und Flüchtlinge* ‘Федеральное агентство по делам мигрантов и беженцев’:

Wichtig: BMI hat vorhin klargestellt, dass Entscheidungspraxis des Bamf für Flüchtlinge aus Syrien nicht ändert. ‘Важно: Федеральное министерство внутренних дел ранее уточнило, что практика принятия решений Федеральным ведомством по делам миграции и беженцев не изменится’.

2. Усечения, под которыми понимаются аббревиатурные номинации, образованные с помощью опущения букв или слогов основы сокращаемого слова. Как правило, это имена существительные или прилагательные:

DEU erhöht Humanitäre Hilfe erneut, aber die Welt bleibt weiter hinter den Notwendigkeiten zurück ‘Германия вновь увеличивает размер гуманитарной помощи, однако мир отстает в понимании этой необходимости’.

Entwicklung der letzten Jahre und nun der Putsch sind verheerend enttäuschend, für die die auf europ. + demokr. + rechtsstaatl. #Türkei hoffen. ‘Развитие последних лет и теперь путч очень разочаровывают тех, кто надеется на евр. + демокр. + конституцион. Турцию’.

Частотным типом лексических сокращений являются сокращения синсемантических слов (союзов, артиклей и предлогов) до первой начальной буквы:

Gg. Vorurteile: #Fluechtlinge nicht alle „Wirtschaftsflüchtlinge“! Viele müssen Land wg. Krieg, Hunger, pol. Verfolgung u. Religion verlassen. ‘Против предрассудков: Беженцы не всегда «беженцы по экономическим причинам!» Многие вынуждены покинуть страну из-за войны, голода, политических и религиозных преследований’.

Таким образом, активному сокращению подвергаются союз *und* (*u.*), артикль (*d.*), предлоги *zum* (*z.*), *für* (*f.*), *gegen* (*gg.*), *gegenüber* (*ggü.*), *wegen* (*wg.*) и т.д.

В отдельный тип можно объединить некоторые особые варианты буквенных сокращений начала слова путем опущения гласных – *Dtl.* – *Deutschland* ‘Германия’, сокращение первых слогов сложных слов – *BuReg* – *Bundesregierung* ‘Федеральное правительство’, сочетание буквенного и слогового сокращения: *dBReg* – *der Bundesregierung* ‘Федеральное правительство’, *LReg* – *Landesregierung* ‘Правительство земли’.

На синтаксическом уровне компрессия предусматривает трансформацию объема высказывания, т.е. сокращение высказывания за счет опущения элементов предложения, в результате чего возникают эллиптические конструкции. В зависимости от типа элиминации компонентов предложения в исследованном материале были обнаружены следующие типы эллипса: ситуационный эллипс (*Situative Ellipse*), а именно эллипс лица (*Person-Ellipse*), эллипс события (*Ereignis-Ellipse*), являющийся также частью ситуационного эллипса [3, с. 184–185]. Т.н. структурному эллипсу (*Struktur-*

Ellipse) соответствуют конструкции с элиминацией глагола-связки. Также возможна элиминация как субъектного местоимения, так и глагола связки. Такие компактные структуры могут располагаться в начале или в конце текста и нести определенную семантическую нагрузку: *Lieber @sigmargabriel, man kann nicht Flüchtlingszahlen reduzieren wollen und dann alle Maßnahmen blockieren, die dazu führen. Nur mal so* ‘Дорогой @зигмаргабриэль, невозможно хотеть сократить число беженцев и при этом препятствовать всем мерам, которые к этому ведут. К слову сказать’.

Wichtige Arbeit. Warte immer noch auf gesetzl. Regelung f Dolmetscherkosten bei Behandlung hier lebender #Flüchtlinge twitter.com/DKultur/status. ‘Важная работа. Все еще ожидаю законного урегулирования расходов на переводческие услуги при работе с проживающими здесь беженцами’.

Таким образом, компрессия в текстах твитов как основная характеристика данного жанра интернет-коммуникации, проявляясь на всех уровнях языка, отражает характерные для данной социальной общности образцы речевого поведения, а их изучение позволит расширить лингвистические знания о современном немецком языке в социальном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахренова, Н. А.* Лингвистические особенности микроблогов / Н. А. Ахренова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2011. – С. 119–122.
2. *Горошко, Е. И.* «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или что нового появилось в виртуальном жанроведении / Е. И. Горошко // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2011. – С. 11–21.
3. *Gansel, Ch.* Textlinguistik und Textgrammatik / Ch. Gansel, F. Jürgens. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. – 270 S.

Г. А. Каспирович (Минск, Беларусь)

АПЕЛЛЯТИВНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Когда мы говорим об апеллятивности, мы имеем в виду языковую интерпретацию понятийной категории повелительности, которая, по данным последних исследований, представляет собой функционально-семантическую категорию, статус которой определяется, прежде всего, представлением в сознании человека действия как требуемого, к которому его побуждает говорящий/ пишущий.

Апеллятивная функция характерна, в первую очередь, для рекламных текстов, которым присуща прямая обращенность к адресату, причем реклама

обращается не к потребителям вообще, а конкретно к каждому отдельному человеку. Рекламный текст направлен на создание прагматического эффекта, определяемого как воздействие, которое он оказывает на адресата. Результатом воздействия, осуществляемого апеллятивным текстом, является побуждение адресата к совершению запланированных отправителем действий или модификация его поведения.

Апеллятивность реализуется в основном посредством использования определенных ресурсов словообразования, в соответствии с продуктивными словообразовательными моделями.

Деривационная лексика как особый пласт словарного состава языка представляет большой интерес для исследователей. Обнаруживая широкий спектр внутренних характеристик, производные слова рассматриваются с различных позиций, как функциональных, так и когнитивных.

Наиболее продуктивной моделью является пара «глагол – существительное» или субстантивная деривация. Данный словообразовательный тип характеризуется также «регулярностью и семантической монолитностью», а, следовательно, почти все глаголы могут участвовать в образовании имен действия. Многообразие характеристик и внутренних возможностей глагола позволяют ему активно участвовать в деривационных процессах разного порядка.

Что касается аугментативов, то они встречаются у существительных чаще, нежели у прилагательных. Как и следовало ожидать, большей частью это существительные с иностранными аугментативными элементами: *Top-topf* - *Super-* 'супер'.

Компонент *System* 'система', присутствующий у неотглагольных реляционных композитов, – один из самых частотных. Очень часто позицию основного компонента занимают реляционные существительные, служащие обозначениями людей. Это, в первую очередь, такие существительные, как *Spezialist* 'специалист', *Experte* 'эксперт', а также *Kunde* 'клиент', *Partner* 'партнер': *AXA-Kunde* 'клиент страховой компании AXA', *SEAT-Partner* 'партнер автомобилестроительной компании SEAT'.

Новообразования, базирующиеся на отношениях «части целого», среди которых большинство словообразовательных конструкций – это специальные термины из области рекламы автомобилей, обозначают прежде всего моторы, иногда подкрепленные конститuentами с позитивным коннотативным значением, например *Hybrid-Limousine* 'лимузин с гибридным приводом'.

Далее следуют новообразования, в основу которых положен локальный признак, например лексема *Krankenhaus-Navigator* 'поисковик по больницам и госпиталям'.

Композиты с целевой направленностью являются чаще всего номинациями технических новинок: *Kinderkopfstütze* 'подголовник для ребенка', *Panoramaglasdach* 'панорамная стеклянная крыша'. Они апеллируют к определенной целевой аудитории, реализуя суггестивную функцию.

Высок удельный вес номинаций, относящихся к словотворчеству автора, окказиональных композитов, служащих, как правило, для обозначения

названий брендов и товаров: *BMW Fahrdynamikkonzept* 'концепция динамики движения БМВ', *Commerzbank Topzins-Anlage* 'накопительный счет под большой процент в коммерческом банке'.

Таким образом, словообразовательные конструкции, образованные по определенным принципам из своих непосредственно составляющих, могут быть обобщены, поскольку они действуют для различных конкретных лексических элементов.

И. Г. Лебедева (Минск, Беларусь)

СУДЕБНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ И СТИЛЕМОДИФИЦИРУЮЩИЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Совокупность сегментных и просодических характеристик, используемых для выполнения определенных функций в конкретной сфере речевой деятельности, образует фонетический стиль [1]. По мнению Ю. М. Скребнева, среди факторов, влияющих на выбор говорящим языковых средств, следует различать стилеобразующие и стилемодифицирующие факторы [2]. Данное замечание позволяет находить в рамках одного фонетического стиля большое количество жанров. Так, франкоязычные лингвисты внутри одного произносительного стиля выделяют до 50 жанров [3]. Например, П. Леон и П. Батт в высоком стиле различают такие жанры, как выразительное чтение, политическое публичное выступление, судебное красноречие, проповедь, конференция, декламация поэтических текстов и т.д. [4, с. 98]. Обращает на себя внимание тот факт, что на сегментном уровне каждый из выделенных авторами жанров может иметь существенные отличия. Так, выразительное чтение и декламация поэтических текстов на французском языке, как правило, имеют минимальный уровень компрессии, отсутствие эллипса гласных и согласных, употребление значительного количества факультативных связываний. Представленное таким образом политическое выступление вызовет определенный внутренний протест у франкоязычной аудитории, создаст иллюзию, что выступающий политик превозносит себя над остальными и в то же время морально устарел. Именно поэтому в публичных речах французских политиков количество традиционного факультативного связывания ограничено, кроме того, речь несколько «омолаживается» за счет эллипса, свойственного среднему произносительному стилю.

С целью выявления жанрообразующих и жанромодифицирующих факторов в качестве объекта исследования нами было выбрано судебное красноречие. Материалом исследования послужили записи документальных фильмов, представляющих судебные процессы в различных городах Франции. Было проанализировано 10 защит и 10 обвинений.

Согласно нашим наблюдениям, речь защиты и обвинения характеризуется четким и ясным произнесением слов. Количество факультативных

связываний в подвергшейся анализу речи было минимальным и строго обуславливалось необходимостью воздействия на аудиторию. Например, обвинитель прибегал к использованию факультативного связывания, если требовалось отметить рецидив: *Vous avez été condamné par le tribunal correctionnel de Rouen pour les faits identiques* ‘Вы привлекались к уголовной ответственности за подобные же дела’. Вместе с тем, наряду с четким произнесением слов, присутствовала компрессия, свойственная среднему стилю, а также незначительное количество ассимиляций. Например: *L'audience est reprise, veuillez vous asseoir. Alors, monsieur X, ce qui vous est reprocher, c'est d'avoir soustrait divers objets lors d'un cambriolage chez Mme M. On a trouvé sur place un tee-shirt qui ne lui appartenait pas et sur lequel il y avait vos traces ADN. Vous dites qu'à cette époque-là, vous étiez sous l'emprise d'alcool, que ça ressemblait à votre manière de faire mais que vous ne vous souvenez pas* ‘Слушание продолжается. Пожалуйста, садитесь. Итак, господин X, вам вменяется в вину хищение вещей из квартиры г-жи М. На месте преступления была обнаружена майка, не принадлежавшая хозяйке, но на которой были следы вашей ДНК. Вы утверждаете, что в это время вы находились под воздействием алкоголя, что содеянное похоже на вашу манеру поведения, но что вы об этом не помните’. В данном случае судья манипулировала аудиторией: обращаясь только к обвиняемому, она напоминала окружающим суть дела. Наличие полного зала слушателей обусловило незначительное количество компрессии. В другом примере, где судья обращается непосредственно к обвиняемому, количество компрессии большее: *Le 18 novembre, vous allez passer devant le juge, au tribunal correctionnel et voir ce que le juge va faire. Si vous voulez encore ajouter quelque chose [kɛlkʃoz] à votre audition ici, c'est maintenant [mɑ̃ɑ̃]* ‘18 ноября вы предстанете перед судом и судья примет решение. Если вы хотите что-нибудь добавить, сделайте это сейчас’.

На просодическом уровне судебное красноречие характеризовалось темпом в 120–140 слов/мин. в среднем, однако темп речи существенно изменялся в зависимости от эмоционального и интеллектуального воздействия на аудиторию. При эмоциональном воздействии темп речи мог возрасти до 250 слов/мин в обвинительной речи. Например: 264 слов/мин. во фрагменте *Taisez-vous, l'auteur y en fait croire qu'il était armé!* ‘Помолчите, обвиняемый дал ясно понять, что был вооружен!’. При интеллектуальном убеждении темп речи замедлялся. Например: 104 слов/мин во фрагменте *Et ce qui est grave, monsieur, c'est que le 10 mars 2009, monsieur, le Tribunal correctionnel du Charleroi vous a condamné à 30 mois d'emprisonnement ...* ‘Ваше положение усугубляет то, что 10 марта 2009 суд Шарльруа вас уже приговаривал к 30-месячному заключению’. Замедление темпа происходило как за счет уменьшения скорости артикуляции, так и за счет появления пауз, например: *30 mois, donc |0,480 c| c'est en 2009 |0,450 c| vous avez recommencé délinqué|0,450 c| alors que vous étiez en pleine période probatoire* ‘30 месяцев, значит, | в 2009 | вы снова взяли за старое, | несмотря на испытательный срок’. Таким образом, темп речи в судебном красноречии является скорее

стилемодифицирующей чертой, поскольку его изменения связаны с разными тактиками воздействия на аудиторию. Наряду с этим, использование экспрессивной паузации при аргументации можно рассматривать в качестве стиледифференцирующего средства, к которому в судебном дискурсе следует отнести логическую выделенность. Как показывает акустический анализ, контраст между выделенными слогами составлял порядка 14 dB и четко улавливался слушателем, кроме того, контраст усиливался за счет увеличения длительности первого в слове согласного. Например: *C'était innadmissible. [√]Innadmissible !* 'Это недопустимо. **Недопустимо!**'. Логически выделенными чаще всего оказывались имена числительные и глаголы, что позволяло как нельзя лучше манипулировать аудиторией: *Et ce qui est grave, monsieur, c'est que le [√]10 mars 2009, monsieur, le Tribunal correctionnel du Charleroi vous a condamné à [√]30 mois d'emprisonnement ...* 'Ваше положение усугубляет то, что [√]10 марта 2009 суд Шарльруа вас уже приговаривал к [√]30 месячному заключению'.

Специфической чертой судебного красноречия является использование широкого мелодического интервала между различными частями произносимой фразы, так оратор удерживал внимание аудитории. Кроме того неожиданные тональные изменения позволяли манипулировать этим вниманием, оставлять в памяти важные с точки зрения говорящего факты.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что на сегментном уровне анализа четкое произношение слов является стиледифференцирующей чертой судебного красноречия, а компрессия текста, ассимиляции и использование факультативного связывания – стилемодифицирующими.

На просодическом уровне стиледифференцирующими чертами следует считать наличие широкого мелодического интервала, создание тональных контрастов нисходящего и восходящего тона внутри одной фразы, использование логической выделенности, экспрессивной паузации. К стилемодифицирующим факторам следует отнести темп речи, так как его ускорение и замедление связаны с разными тактиками воздействия на аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая, Е. В. Просодия в стилевой дифференциации языка / Е. В. Великая / МПГУ. – М. : Прометей, 2009. – 256 с.
2. Скребнев, Ю. М. Языковая и субязыковая норма / Ю. М. Скребнев // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. – Горький : Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова, 1984. – С. 161–170.
3. Chartrand, S.-G. Caractéristiques de 50 genres pour développer les compétences langagières en français / S.-G. Chartrand, J. Émery-Bruneau, K. Sénéchal. – Québec : Didactica, c.é.f, 2015. – 72 p.
4. Léon, P. R. Structure du français moderne: introduction à l'analyse linguistique / P. R. Leon, P. Bhatt. – Toronto : Canadian Scholars' Press, 2009. – 382 p.

МЕХАНИЗМЫ УБЕЖДЕНИЯ:
ЕСТЕСТВЕННЫЕ И РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ

Нет необходимости убеждать читателей в том, что современные СМИ призваны оказывать влияние на формирование общественного мнения. Описывая методы и способы психологической войны и медиаманипулирования В. Д. Соловей справедливо отмечает, что любой читатель или слушатель в той или иной мере подвергается воздействию средств массовой коммуникации. Информационно-психологическое воздействие приобрело известность уже давно. «В 1979 году в Нью-Йорке был учрежден Институт анализа пропаганды, выделивший семь типичных пропагандистских приемов, получивших название *азбуки пропаганды*» [1, с. 21]. СМИ и сейчас активно используют эти приемы.

Известно, что когда на нас пытаются влиять явным и очевидным образом, мы воспринимаем это как агрессию и сопротивляемся такому воздействию. Для того, чтобы человек добровольно воспринял внушаемую ему реальность, СМИ выстраивают медиаконструкт таким образом, чтобы реципиент был практически уверен, что это его собственное убеждение, его личный взгляд на мир. Для этого используются различные языковые приемы, среди которых вопрос в монологической речи играет весьма значительную роль.

Исследователями выделяются четыре типа вопросов: 1) общие вопросы (да/нет), 2) специальные вопросы (wh-вопросы), 3) альтернативные вопросы (предоставляющие собеседнику выбор), 4) декларативные вопросы [2]. Если рассматривать данное явление с точки зрения стилистики, то первые три типа вопросов являются стилистическим приемом вопрос-в-повествовании, в то время, как четвертый тип представляет собой типичный стилистический прием риторического вопроса, будучи вопросом только по форме, а по содержанию представляя собой «вводную структуру псевдовосклицательного характера» [3, с. 248], не требующую ответа и выявляющую мотивацию намерений собеседника. Экспрессивная составляющая рассматриваемых явлений способствует усилению воздействия сообщения на реципиента, позволяя говорящему/пишущему манипулировать сознанием воспринимающего текст человека.

Данное исследование рассматривает реализацию обоих вышеназванных стилистических приемов (СП) в политическом дискурсе. Были выявлены основные функции, характерные для анализируемых явлений именно в политическом тексте, среди них в первую очередь функция убеждения, а также функции вовлечения реципиента в имплицированный диалог, зарождения сомнения и т.п. Анализ проводился на материале текстов из журнала *Economist* за последние 12 лет.

Еще в древности вопрос, и в частности риторический вопрос, стал использоваться в качестве выразительного средства, единицы стилистического синтаксиса. Как известно, самой важной и наиболее характерной чертой вопроса как особого структурного и семантического типа предложения является тот факт, что он принадлежит диалогической речи и таким образом предполагает, как минимум, двух собеседников, и, будучи обращенным к другому лицу, требует получения ответа. С течением времени использование вопроса в монологической речи (в СМИ, в частности, при отсутствии непосредственного собеседника) привело к его трансформации. Он стал использоваться в качестве риторического приема, иногда изменяя свое грамматическое значение и превращаясь в декларативную структуру, представленную в форме вопроса. При этом одновременная реализация утверждения и вопроса породила СП риторического вопроса.

Сходство употребления данных стилистических приемов заключается в том, что не только риторический вопрос не требует ответа, но и три других типа вышеприведенных вопросов зачастую могут оставаться без ответа в силу коммуникативных обстоятельств. Так, вопросы в политическом тексте журнала *Economist* чаще всего (больше половины) используются в заголовке или подзаголовке статьи. Очевидно, что читатель далеко не всегда получает на них однозначный эксплицированный ответ. Более характерным является имплицитный ответ, который читатель должен извлечь из содержания всей статьи. Аналогично без прямого ответа остаются вопросы, поставленные в конце текста. Безусловно, они служат средством выделения определенного явления и приглашают читателя задуматься над вопросом, подчеркивая особую значимость последнего и тем самым оказывая опосредованное воздействие на реципиента. Еще одним весьма действенным средством является использование в тексте серии вопросов. Этот прием, в частности, реализуется, когда заголовок статьи представляет собой отрицание, выраженное в категорической форме. В таком случае осуществляется конвергенция функций убеждения, вовлечения реципиента в имплицитный диалог и зарождения сомнения.

Исследование показало, что в основном вопросы появляются там, где затрагиваются проблемы морально-этического характера; в статьях на финансово-валютные темы, а также там, где преобладают цифровые данные, вопросы, по-видимому, считаются излишними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловей, В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования / В. Д. Соловей. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 318 с. – (FAKE. Технологии фальсификаций).
2. Steven Ming Chiu WONG and Foong Ha YAP Hong Kong Polytechnic University. Did Obamacare encourage business to hire more people? (report at the NAAL Conference 2014 Hong Kong Polytechnic University, June 7).
3. Galperin, I. R. Stylistics / I. R. Galperin. – М. : Higher School Publishing House, 1971. – 342 p.

О КОНСТРУКЦИЯХ С ГЛАГОЛОМ ПОДДЕРЖКИ *ДАВАТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русском языке, как и во многих других, широко распространена синтаксическая конструкция, в состав которой входят семантически облегченный по сравнению со своим исходным значением глагол и существительное, придающее значение целой конструкции, в функции прямого дополнения. Данный тип глаголов получил в литературе название *light verbs* ‘легкие глаголы’ [1, с. 117] или *support verbs* ‘глаголы поддержки’ [2] и соответствует значениям лексических функций *Oper*, *Labor*, *Func* в рамках модели «Смысл – Текст» [3].

Описание семантической и синтаксической структур конструкций с глаголом поддержки может быть полезным для создания лексикографических справочников и в преподавании русского языка как иностранного.

В данной работе рассматриваются семантические и синтаксические характеристики конструкций, состоящих из глагола поддержки *давать/дать* и существительного в функции его прямого дополнения. На материале интернет-корпуса *ruTenTen* [4] и Национального корпуса русского языка [5] осуществляется попытка классификации (*data driven*) конструкций, в которых глагол *давать* является глаголом поддержки, а также выделения продуктивных семантических классов существительных, с которыми может сочетаться глагол в указанной семантико-синтаксической функции.

Сначала были выявлены семантические и синтаксические тесты [6, 7, 8], позволяющие разграничить случаи употребления глагола *давать* в своем прототипическом значении и в роли глагола поддержки. Большинство конструкций с глаголом поддержки дали положительный ответ на такие тесты, как определение семантики конструкции смысловой структурой существительного, невозможность номинализации глагола, замена конструкции на синонимичный глагол, невозможность замены глагола синонимом.

Для определения роли глагола поддержки в конструкции и степени его десемантизации были проанализированы такие аспекты, как референция подлежащего и семантического субъекта прямого дополнения, аргументная структура и лексическая аспектуальность конструкции, возможность преобразования конструкции в именную группу путем редукции глагола с сохранением семантики.

Чтобы установить степень внутренней когезии конструкции, мы проверили, допустимы ли такие синтаксические преобразования, как пассивизация конструкции, ввод относительного придаточного предложения, ввод прилагательного, образование формы множественного числа существительного.

В результате анализа были выделены 4 группы конструкций с глаголом поддержки *давать*, отличающиеся разрядом существительного и характером взаимодействия между составляющими конструкции.

Первая группа представлена конструкциями, в состав которых входит глагол поддержки и имя действия. Наиболее многочисленными являются конструкции с отглагольным существительным. Такие конструкции являются пропозициональным синонимом полнозначного глагола, от которого образованы существительные (*давать объяснение – объяснять, давать оценку – оценивать, давать подтверждение – подтверждать*). Кроме этого, в данную группу входят также конструкции с существительными, от которых образуются глаголы. Как и в случае с отглагольными существительными, всё сочетание можно заменить на однокоренной глагол (*давать совет – советовать, давать согласие – согласиться*). Семантика глагола в данных конструкциях наиболее «облегченная». Именная часть определяет семантическую и аргументную структуру конструкции. Подлежащее и семантический субъект прямого дополнения кореферентны. Возможно преобразование конструкции в именную группу путем редукции глагола с сохранением семантики (*Иван дал клятву – клятва Ивана*).

В большинстве случаев допустимы пассивизация конструкции (*Такое объяснение было дано нам преподавателем*), ввод относительного придаточного предложения (*Я последовал совету, который дал мне отец*), ввод прилагательного (*дать неопровержимое доказательство*).

Конструкции с именами действия были разделены на подгруппы по семантическим признакам существительного. Обширную группу составляют конструкции, обозначающие речевую деятельность (*давать сообщение, давать объявление, давать подсказку*). Отдельно можно выделить такие подгруппы, как речевой акт, предполагающий предварительную умственную деятельность (*давать толкование, давать отчет, давать объяснение*), реакцию на речевой акт (*давать опровержение, давать ответ, давать одобрение*), речевой акт обещания (*давать обещание, давать клятву, давать присягу*), речевой акт приказа (*давать приказ, давать указание, давать команду*), речевой акт совета (*давать совет, давать предложение, давать рекомендацию*). Кроме этого, конструкции с именами действия могут обозначать умственную деятельность (*давать решение, давать анализ, давать доказательство*), результат физических и биологических процессов (*давать трещину, давать всходы, давать течь*), сигналы (*давать свисток, давать звонок, давать гудок*), физическое воздействие (*давать пинок, давать пощечину*) и др.

Во вторую группу входят конструкции с глаголом *давать* и событийным именем. Особенностью данных существительных является наличие компонента [+процессуальность] в событийной структуре. Как и в конструкциях первой группы, существительное определяет смысловую и аргументную структуру. Номинализация глагола невозможна. Конструкция может быть преобразована в именную группу путем редукции глагола (*Местный ансамбль дал концерт – концерт местного ансамбля*). Подлежащее и семантический субъект имени кореферентны. В отличие от первой группы, не все конструкции могут заменяться синонимичным глаголом (например,

давать обед, давать урок). Большинство конструкций допускает все типы синтаксических трансформаций: пассивизацию (*В клубе местным ансамблем будет дан концерт*), ввод относительного придаточного предложения (*Уроки, которые она мне давала, были необычайно интересными*), ввод прилагательного (*В их честь дали праздничный обед*), образование формы множественного числа существительного (*Летом тут дают спектакли*).

В рамках данной группы выделяются две семантические подгруппы: 1) общественные мероприятия (*давать прием, дать вечер, давать пресс-конференцию*), в том числе образовательные мероприятия (*давать урок, давать занятие, давать курс*); 2) боевые действия (*давать битву, давать бой, давать сражение*).

Третья группа представлена конструкциями, в которых глагол поддержки *давать* определяет аргументную структуру и устанавливает отношения каузативности между денотатом подлежащего (агенса или стимула) и обязательным третьим аргументом глагола (экспериенсер). Таким конструкциям нехарактерна кореференция подлежащего и семантического субъекта прямого дополнения. Преобразование конструкции в именную группу в результате редукции глагола влечет изменение ее значения. Возможны синтаксические трансформации конструкции путем ввода относительного придаточного (*Он обладает той свободой, которую дает лишь знание*) и ввода прилагательного (*Труд дает огромную радость*). Агент/стимул вызывает у экспериенсера чувство или состояние (*давать радость, давать наслаждение, давать спокойствие*), определяет появление у него качества, признака, способности (*давать силу, давать умение, давать смелость*), в том числе в ментальной сфере (*давать понимание, давать ясность, давать знание*).

К отдельной группе были отнесены устойчивые глагольные словосочетания (*давать добро, давать дорогу, давать голос, давать картину, давать ключ, давать фору* и др.). Они характеризуются жесткой внутренней когезией, не допускающей ни одной из вышеуказанных синтаксических трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jespersen, O. Morphology / O. Jespersen // A Modern English Grammar on Historical Principles. – London : George Allen and Unwin Ltd., 1965. – VII vv. – V. VI. – 570 p.*
2. *Gross, M. Les bases empiriques de la notion de predicat semantique / M. Gross // Langages: Formes syntaxiques et prédicats sémantiques / A. Guillet, C. Leclère (eds.). – V. 15, № 63. – 1981. – P. 7–52.*
3. *Mel'čuk, I. Lexical Functions: A tool for the description of lexical relations in the lexicon / I. Mel'čuk // Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing / ed. by L. Wanner. – Amsterdam : John Benjamins, 1996. – P. 37–102.*

4. Интернет-корпус русского языка ruTenTen11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sketchengine.co.uk>. – Дата доступа : 11.08.2017.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 11.08.2017.
6. *Jezeq, E.* Types et degrés de verbes supports en italien / E. Jezeq // Verbes supports: Nouvel état des lieux, *Linguisticae Investigationes* / G. Gross, S. De Pontonx (eds.). – Vol. 27, № 2. – 2004. – P. 185–201.
7. *Langer, S.* A Linguistic Test Battery for Support Verb construction / S. Langer // Verbes supports: Nouvel état des lieux, *Linguisticae Investigationes* / G. Gross, S. De Pontonx (eds.). – Vol. 27, № 2. – 2004. – P. 171–184.
8. *Mastrofini, R.* Classi di costruzioni a verbo supporto in italiano: implicazioni semantico-sintattiche nel paradigma V+N / R. Mastrofini // *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata*. – № 3. – P. 371–398.

Н. И. Манько (Минск, Беларусь)

ВЫРАЖЕНИЕ ПОБУЖДЕНИЯ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ С ПРИЗНАКОВЫМ МОДИФИКАТОРОМ

Простое предложение традиционно понимается как минимальная коммуникативная единица языка, форма сообщения мысли. Устанавливая соотношение предмета мысли и его действия (процессуального признака), предложение обозначает элементарную процессуальную ситуацию (*Il est revenu* ‘Он вернулся’; *Elle boit son thé* ‘Она пьет чай’). Соотнося предмет мысли и его качество или свойство (квалификативный признак), предложение репрезентирует элементарную признаковую ситуацию (*Il était furieux* ‘Он был разъяренным’; *Le thé est tiède* ‘Чай – теплый’). Вместе с тем в языке функционируют предложения, осуществляющие референцию к процессуально-признаковым ситуациям – осложненным ситуациям, в которых как составные части выделяются элементарная процессуальная и элементарная признаковая ситуации (*Il est revenu furieux* ‘Он вернулся разъяренным’; *Elle boit son thé tiède* ‘Она пьет чай теплым’). Элементарная процессуальная ситуация представлена в таких предложениях предикативным ядром, а элементарная признаковая ситуация – *признаковым модификатором*, разновидностью предикатива, который, не образуя с глаголом в позиции сказуемого нерасчлененную конструкцию, свободно опускается и обособляется, не разрушая самодостаточность предложения:

(1) *Il est revenu furieux* ‘Он вернулся разъяренным’. → (1a) *Il est revenue, furieux* ‘Он вернулся, разъяренный’.

(2) *Elle boit son thé tiède* ‘Она пьет чай теплым’. → (2a) *Elle boit son thé, tiède* ‘Она пьет чай, теплый’.

Будучи необязательным компонентом семантико-синтаксической структуры простого предложения, признаковый модификатор является его обязательным компонентом на коммуникативном уровне. В (1) речь идет не

о том, что он вернулся, и не о его разъяренности, а о том, что он вернулся разъяренным. В (2) сообщается не о том, что она пьет чай, и не о том, что чай – теплый, а о том, что она пьет чай теплым (а не холодным или горячим).

Выражая соотношение признака, значимого в момент действия, с носителем (субъектом данного действия (1) или объектом, на который оно направлено (2)), предложения с признаковым модификатором выполняют информативную функцию. Вместе с тем, как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова: «В речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс» [1, с. 360]. С этих позиций определение глубинной интенции адресанта, заранее не известной адресату, требует рассмотрения коммуникативной ситуации, в которой функционирует конкретное высказывание.

В коммуникативной ситуации (1) Эндрю и Сьюзи обнаружили на заброшенной военной базе секретные документы. Молодые люди уже собирались уходить, когда появился вооруженный человек. Незнакомец был пожилым мужчиной, и Эндрю думал, что сможет его одолеть. Но незнакомец предупредил:

(3) – *N'y pensez même pas, dit-il d'une voix calme, alors que la main d'Andrew avançait lentement vers le réchaud. Je ne suis pas venu seul. Dehors, il y a mon pilote et un homme armé beaucoup plus costaud que moi. De toute façon, je ne suis pas là pour vous tuer, sinon vous seriez déjà morts* 'Даже не думайте об этом, – спокойно сказал он, когда Эндрю медленно протянул руку к горелке. Я пришел не один. Снаружи меня ждет пилот и еще один вооруженный мужчина, намного крепче меня. В любом случае, я здесь не для того, чтобы вас убить, иначе вы уже были бы мертвы' [2, р. 397].

Эндрю правильно устанавливает глубинную интенцию пожилого мужчины, который пришел не один, а в сопровождении двух крепких мужчин, один из которых вооружен, и адекватно реагирует на его предостережение:

– *Qu'est-ce que vous voulez ? demanda Andrew* 'Чего Вы хотите? – спросил Эндрю' [Там же].

Таким образом, в представленной выше коммуникативной ситуации прагматическое назначение простого высказывания с признаковым модификатором *seul* 'один', которое, по сути, выполняет информативную функцию, состоит в выражении предостережения от совершения задуманного адресатом действия.

В коммуникативной ситуации (3) реакция адресата на высказывание адресанта в полной мере соответствует ожиданиям последнего (Эндрю не нападает на незнакомца, а спрашивает, что ему нужно). Тем не менее, адресат относительно самостоятелен в выборе способа реагирования: у него складывается собственное видение представленной ситуации, и он может отреагировать на высказывание иначе, чем ожидает адресант.

В коммуникативной ситуации (4) Дуг (отец четверых детей) обращается к Сюзан:

(4) – *Bon Dieu, Suzan, si tu ne parviens pas à garder cet enfant propre, au moins ne le laisse pas s'approcher de moi. Je ne peux pas aller au bureau couvert de taches* ‘Боже мой, Сюзан, если ты не можешь содержать ребенка в чистоте, то, по крайней мере, не позволяй ему приближаться ко мне. Я не могу пойти на работу весь заляпанный’ [3, p. 22].

В первом высказывании Дуг выражает недовольство супругой, плохо следящей за младшим сыном, который, нетвердой походкой передвигаясь по кухне, хватается за все липкими ручонками. Затем он просит Сюзан не подпускать ребенка к нему. Экспликация такого требования реализуется в простом высказывании с признаковым модификатором *couvert de taches* ‘весь заляпанный’: Дугу как сотруднику крупной компании недопустимо появляться на рабочем месте в заляпанном костюме. Высказывание с признаковым модификатором *couvert de taches*, взаимодействуя с другими высказываниями Стивена, служит, тем самым, выражению побуждения: Сюзан должна тщательнее следить за внешним видом ребенка или не подпускать его к отцу. Сюзан правильно устанавливает глубинную интенцию Дуга, но не спешит выполнять его требование: она устала от постоянного недовольства супруга. Таким образом, в (4) глубинная интенция адресанта не реализована: видение субъектов представленной коммуникативной ситуации не совпадает.

В коммуникативной ситуации (5) принимают участие Старик и Зена, маленькая горожанка, во время Второй мировой войны оказавшаяся в деревне:

(5) – *Est-ce que tu aimes le lard? demanda le Vieux* ‘Ты любишь сало? – спросил Старик’.

– *Oui, oui. J'aime tout* ‘Да, да. Я все люблю’.

– *En cette saison, nous le mangeons froid* ‘В это время года мы едим его холодным’ [3, p. 48].

Вещественное существительное требует, как известно, употребления частичного артикля (*du lard* ‘сало’, *du pain* ‘хлеб’, *de l'eau* ‘вода’). При замещении вещественного существительного, оформленного частичным артиклем, используется местоимение *en*: *J'aime le lard et j'en mange toujours avec plaisir* ‘Я люблю сало и всегда ем его с удовольствием’. Употребление же в высказывании с признаковым модификатором *En cette saison, nous le mangeons froid* ‘В это время года мы едим его холодным’ местоимения *le* (вместо *en*) связано с акцентированием адресантом ситуативно-значимого признака сала: *В это время года мы едим сало **холодным** (а не жареным или копченым)*. Глубинная интенция Старика, информирующего Зену о потреблении в жаркую погоду холодного сала, состоит в побуждении девушки съесть предложенный ей кусочек сала и испытать, тем самым, приятные ощущения.

Проведенный коммуникативно-прагматический анализ простых предложений с признаковым модификатором показал, что прагматическое назначение отдельно взятого предложения состоит в передаче информации о появлении у носителя ситуативно-значимого признака в момент действия. Включаясь в коммуникативную ситуацию, простые предложения с признаковым модификатором взаимодействуют с другими высказываниями одного и того же адресанта и служат для выражения побуждения. Глубинная интенция адресанта состоит в побуждении адресата совершить конкретное физическое действие (тщательнее следить за ребенком, съесть сало и т.д.) или, наоборот, отказаться от совершения задуманного (не нападать на пожилого незнакомца). Лицом, заинтересованным в выполнении запрашиваемого действия, является сам адресат, адресант либо оба субъекта речевой деятельности, что свидетельствует о реализации в таких высказываниях принципа коммуникативного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
2. Levy, M. Un sentiment plus fort que la peur / M. Levy. – Paris : Robert Laffont, 2013. – 418 p.
3. Anglade, J. La soupe à la fourchette / J. Anglade. – Paris : France Loisirs, 1994. – 348 p.

Ю. В. Овсейчик (Минск, Беларусь)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АББРЕВИАЦИИ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики позволяет нам говорить о том, что аббревиатуры являются единицами особого процесса, в основе которого лежит целенаправленная деятельность, регулируемая сознанием и разумом человека, а также обусловленная особенностями организации человеческой памяти и восприятия. Деятельность памяти характеризуется стремлением к экономии, объясняющейся способностью хранить и воспроизводить ограниченное количество информации. К этому следует добавить и другие внешние факторы, диктуемые нашим современным обществом и объясняющие в некоторой степени бурный рост аббревиатур – это увеличение потока информации, стремительное развитие международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, НАТО и др.); средств массовой информации, науки и техники, политические изменения, быстрый темп

жизни и т.д. Все это приводит к необходимости экономить время и энергию для передачи информации, а значит, искать средства достижения этой экономии, которыми и являются аббревиатуры.

Традиционно по способу произнесения в речи выделяются два вида инициальных слов. Одни произносятся как алфавитные названия начальных букв слов, например: la C.G.T. (*cegete*) (Confédération Générale du Travail), le C.N.R.S. (*ceeneres*) (Centre National des Recherches Scientifiques). Другие акронимы произносятся слитно: l'O.N.U. (Organisation des Nations Unies). Обе разновидности инициальных слов могут давать производные, хотя, конечно, более способными к словопроизводству оказываются акронимы. Например: C. G. T. – *cégétiste*, O. N. U. – *onusien*, E. N. A. (Ecole Nationale d'Administration) – *énerque*, H. L. M. (habitation à Loyer Modéré) – *hachélémission*.

Инициальные слова имеют большое распространение в современном французском языке, причем используются как в письменной речи, в основном в языке газет и журналов, так и в устной. В 1968 г. в Москве был издан Словарь сокращений французского языка Э. Г. Баранчева и др., который включает более 27 000 единиц, многие из которых уже ушли из языка, потому что представляют очень подвижный пласт лексики. Зато появились многие другие, которые, быть может, также не просуществуют долго. Так, самым старым сокращением, остающимся до сих пор в употреблении, является название Французской коммунистической партии, созданной в 1920 г. (PCF, Parti communiste français). В настоящее время малый словарь инициальных слов французского языка насчитывает 13 396 единиц. (Для справки: 15 569 единиц в США, 1 550 – в Канаде, 631 – в Швейцарии, 568 – в Бельгии, 240 – в Испании, 199 – в Италии). Эти единицы состоят от 2 до 12 букв и относятся к администрированию, здоровью, образованию, вооруженным силам и т.д. [www.cce-lrv.com].

Одни инициальные слова понятны только узкому кругу лиц, например: le D.A.L.F. (Diplôme Approfondi de Langue Française), la C.I.S.L. (Confédération Internationale des Syndicats Libres). Другие употребляются повсеместно, особенно в средствах массовой коммуникации, такие как O.N.U., R.P.R. (Rassemblement Pour la République), P.S. (Parti Socialiste). Иногда носитель языка, прекрасно понимая смысл инициального слова, не может расшифровать значение каждой буквы, т.е. воспринимает сокращение как слово, не имеющее внутренней формы.

Анализ статей французского журнала Express за 2016/2017 гг. показал, что самыми частотными оказались акронимы названий политических партий Франции: PS, LP, FN, PC. Вслед за политическими партиями следуют аббревиатуры названий различных организаций, ассоциаций и федераций: OTAN, AFM (Association française contre les myopathies), CGT, FO, CFDT, CGC, LSA (Libre-Service Actualites). Авторы статей прибегают к расшифровке лишь тех сокращений, которые адресат относительно редко встречает в повседневной

жизни, что, без сомнения, способствует более оптимальному восприятию предлагаемой информации. Не следует, однако, забывать, что, при всей важности расшифровки, она служит лишь паллиативным средством для адресата.

Значительное число акронимов было выявлено в статьях, посвященных реформе трудового законодательства, которую, несмотря на многочисленные протесты французов, правительство стремится провести в настоящее время: CDD, CDI, RTT, DRH (Direction des Ressources Humaines), CPA (Compte Personnel d'Activite), AP-HP (Assistance publique – Hopitaux de Paris), CFTC (Confederation de cooperation et de developpement economique), FMT, OCDE (Organisation de Cooperation et de Developpement economique), NOE (Nouvelles opportunités économiques).

Особый интерес вызывает последний акроним (NOE), который содержит, на наш взгляд, глубокий семиотический смысл. Известно, что французская экономика переживает сегодня не лучшие времена: безработица превысила 3 600 000 человек, непрерывно растет и так уже огромный долг системы социального обеспечения, замедлены темпы роста производства, не прекращается сокращение ассигнований на социальные нужды, снижается уровень жизни миллионов французов. В этих сложных социально-экономических условиях, усугубляемых постоянной угрозой террористических актов, министр экономики Э. Макрон (ныне действующий президент Французской Республики) предложил соотечественникам антикризисную программу на 2016 г. под названием «Новые экономические возможности» – *Nouvelles opportunités économiques* («закона для экономического роста, активности и равенства шансов») в сокращении NOE, что ассоциируется с именем праведника и строителя ковчега Ноя. Зная консерватизм французов, очевидным становится стремление таким образом убедить их в необходимости проведения радикальных реформ, сравнивая положение сегодняшней Франции с тем, в котором оказалось человечество накануне Всемирного потопа. Представляя свою программу как «спасательный ковчег», а себя как Ноя, «человека праведного и непорочного в поколении своем и ходившего пред Богом», Э. Макрон стремится тем самым вернуть доверие французских избирателей, в большинстве разочарованных, как в правых, так и в левых политиках из-за многочисленных коррупционных скандалов и неспособности решить проблему безработицы. Данную аббревиатуру правомерно назвать акронимом-омонимом, который выполняет не только компрессивную, но и экспрессивную языковые функции. Насколько будет продуктивен данный акроним-омоним, покажет ближайшее время. «Закон Макрона» предусматривает либерализацию некоторых секторов экономики, в том числе работу магазинов по воскресеньям, открытие для конкуренции сектора автобусного транспорта и т.д.

Интерес также представляет название политической партии, созданной Э. Макроном (министр экономики, финансов и цифровой экономики в 2016 г.)

в контексте президентской предвыборной компании 2017 года (EM (*En Marche!*) ‘Вперед!’). Официальное имя созданной Э. Макроном организации ARVP (*L’Association pour le renouvellement de la vie politique*) было символично анонсировано в его родном городе Амьене. Название нового политического движения в сокращении совпадает с инициалами его создателя. Здесь нет привычной нам номинации партийного движения, а динамичный призыв открыть все замки ‘*des verrous à faire sauter*’ оформлен простым побудительным высказыванием. Однако после своей победы на выборах партия получила новое название LRM (*la république en marche*) ‘Вперед, Республика!’.

Аббревиатуры в французской прессе отражают национальную специфику обозначаемых ими реалий и, реализуя принцип языковой экономии, рассчитаны на то, что адресат знает как их коммуникативное назначение, так и лингвокультурологическое содержание.

Парадоксально, но аббревиатуры, созданные с целью упростить и ускорить коммуникацию, вместе с тем «усложняют» ее. Оптимальное понимание значения аббревиатуры возможно, на наш взгляд, при условии общности языковых навыков автора (журналиста) и адресата, поскольку в большинстве сокращений означаемое, наряду с языковым, включает в себя также культурологический, в нашем случае – политический компонент. Благодаря этому компоненту сокращения правомерно соотносить с реалиями, под которыми обычно понимаются наименования, характерные только данному народу (французам) в той или иной области человеческой деятельности. Иными словами, политические аббревиатуры можно квалифицировать как реалии, обозначающие национально-специфические особенности политической жизни Франции и представляющие поэтому особые трудности в изучении французского языка.

М. Н. Романкевич (Минск, Беларусь)

ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОСТЬ ГЛАГОЛА *PARTAGER* ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В современных лингвистических изысканиях наблюдается неослабевающий интерес к изучению отдельных слов и выражений, нередко способствующих пониманию стереотипного поведения и ценностных установок представителей определенной национальности. Общеизвестно, что слова, с первого взгляда нейтральные для “носителя” языка, обладают лингвокультурологической и социальной значимостью для его носителя. Такие маркированные слова принадлежат узуальной культуре и их коннотативное значение широко известно и понятно носителям языка. В аспекте вышесказанного интересен французский глагол *partager* ‘делить’.

Вначале остановимся на некоторых основных значениях глагола *partager*:

1) *Diviser en parts, en lots, en portions* ‘делить на части, порции’. Для объективации данного значения глагол требует употребления неодушевленного существительного (чаще всего конкретного) в функции прямого дополнения: *partager un gateau* ‘делить пирог’. Кроме этого, в зависимости от ситуации может быть указано, с кем делятся посредством предлогов *à* или *avec* ‘с’, *entre* ‘между’ [1];

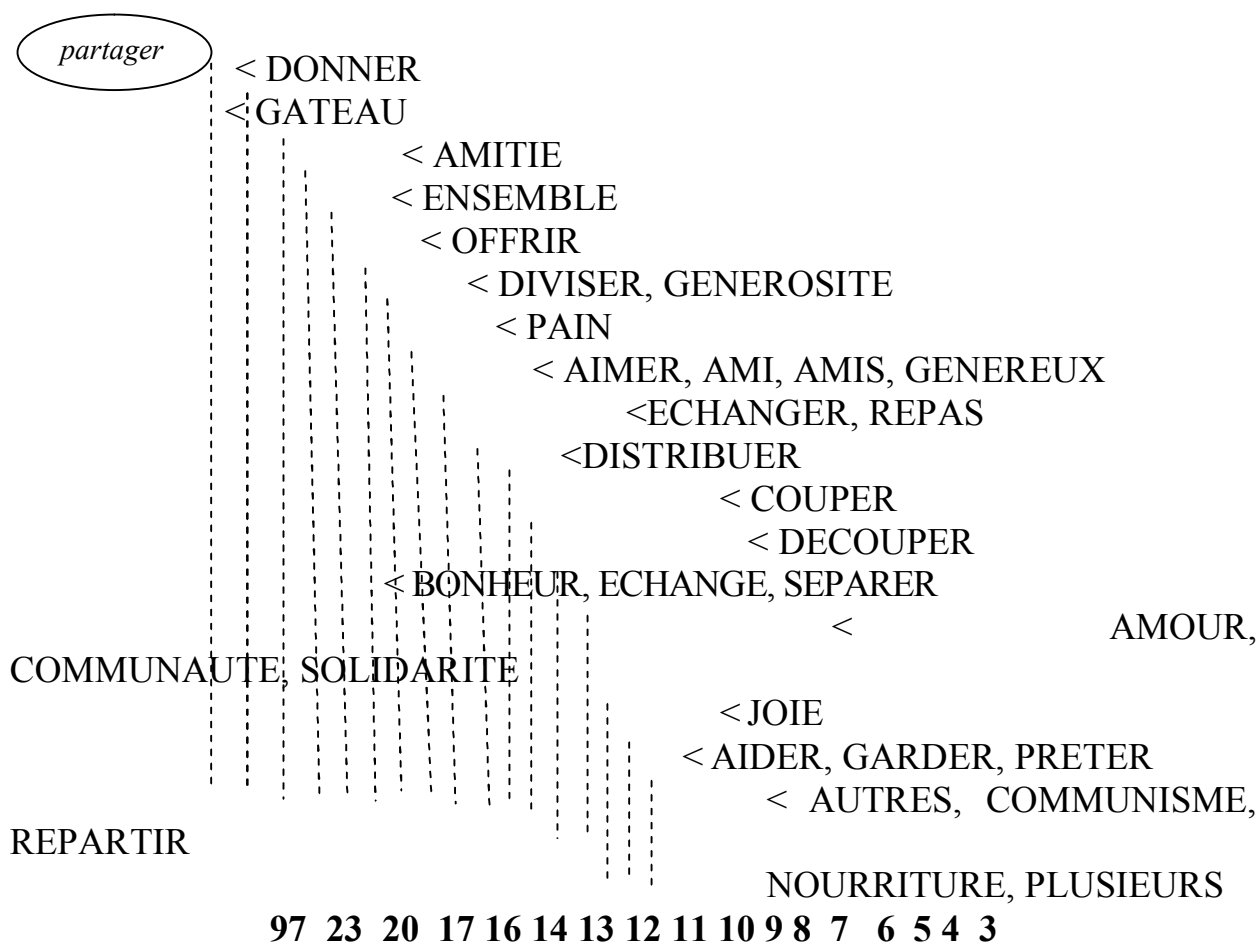
2) *Répartir* ‘распределять’. Как правило, в этом случае в функции прямого дополнения употребляется абстрактное имя существительное типа *le temps* ‘время’, *la vie* ‘жизнь’;

3) *Prendre part à; posséder en commun avec quelqu'un* ‘принимать участие; владеть вместе с кем-либо’, например, *partager la chambre* ‘делить комнату’, *le logement* ‘квартиру’. Абстрактное имя существительное в функции дополнения делает словосочетание образным: *partager les soucis* ‘делить заботы’, *le succès* ‘успех’, *le sort* ‘судьбу’, *la vie* ‘жизнь’. В данном случае имеется в виду, что люди имеют одни и те же мысли, чувства, точку зрения и т.д.: *avoir les mêmes sentiments que quelqu'un, avoir les mêmes opinions que quelqu'un* [Там же].

Упомянутые значения глагола понятны и во многом интернациональны. Однако идея разделения чего-то ставшего общим и совместного использования приобретает особую значимость во французской лингвокультуре, поскольку население Франции многонациональное и социально важно приобрести способность разделять общие мысли и общее пространство. С точки зрения социума умение делиться есть доказательство наличия великодушия и солидарности (*générosité ou de solidarité* [2]), что оценивается положительно. В частности, во Франции многие организации призывают владельцев машин совместно их использовать в целях сокращения количества транспорта на дорогах и уменьшения выброса выхлопных газов в атмосферу. Данный феномен, название которого *le covoiturage*, прочно вошел в повседневную жизнь.

Способность разделять общие мысли и общее пространство позволяет жить в мире, уважении и толерантности по отношению к другим членам общества. Интересно посмотреть, как те же самые французы в обыденной жизни употребляют глагол *partager*. Те представления и ассоциации, которые провоцирует слово *partager*, выводят на поверхность результаты коллективного опыта и индивидуального познания. В ассоциативном плане *partager* как слово-стимул¹ позволяет выделить 511 реакций, из них 137 разных реакций, 92 – единичных:

¹ Материал представлен на основе результатов свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в рамках создания ассоциативного словаря французского языка Dictaverf [3]: каждому респонденту была предъявлена анкета из 100 стимулов, случайным образом выбранных из списка в 1 100 слов. Всего было собрано 5 500 анкет со всех регионов Франции.

Как видим из предложенной выше схемы, по мнению франкоговорящих, в прямом значении ‘делить на части, порции’ можно *gateau* ‘пирог’, *pain* ‘хлеб’, *repas* ‘пищу’, *nourriture* ‘еду’: эти реакции (50) составляют 10 % от их общего количества. Если обратить внимание на дополнения – абстрактные существительные (*amitié* ‘дружба’, *bonheur* ‘счастье’, *amour* ‘любовь’, *joie* ‘радость’), то их количество немного меньше – 38, что составляет 7 %. Интересен и тот факт, что разделяют только положительные эмоции и чувства. Все эти реакции синтагматического типа, т.е. раскрывают сочетаемостные возможности глагола *partager* во французском языке.

Вторая группа реакций – это синонимы рассматриваемого глагола: *donner* ‘дать’, *offrir* ‘дарить’, *diviser* ‘делить’, *distribuer* ‘распределять’, *couper* ‘резать’, *découper* ‘разрезать’, *répartir* ‘распределять’, *séparer* ‘разделять’, составляющие 32 % реакций. Синонимы помогают более полно раскрыть семантику глагола.

Реакции типа *générosité* ‘великодушные’, *solidarité* ‘солидарность’, *généreux* ‘великодушный’ (6 %) говорят о том, какие качества ассоциируются с данным глаголом; *ami* ‘друг’, *amis* ‘друзья’ (5 %) – что делятся чаще с друзьями, реже с другими людьми (*autres* ‘другие’, *plusieurs* ‘многие’). Созвучны с идеей разделения и остальные реакции – *ensemble* ‘вместе’, *aimer* ‘любить’, *aider* ‘помогать’, *garder* ‘сохранять’, *échanger* ‘обмениваться’, *échange* ‘обмен’ и др. Общие взгляды на действительность позволяют эффективно обменяться

мнениями (*l'échange* и *échanger*), а также выявить новые факты, связанные с мировоззрением, культурой собеседника. Другими словами, во французском понимании культуру разделяют: *les mots à charge culturelle partagée* [4, p. 50].

Во французском социуме идея совместного использования реализуется по-разному. К упомянутому феномену *le covoiturage* можно добавить *l'espace partagé* и *les jardins partagés* 'общие сады (досл. *разделенные сады*)'. Суть последних сводится к тому, что эти сады разрабатываются, обрабатываются совместно жителями и авторами проекта, что способствует обмену мнениями, знаниями и умениями («favorise la rencontre de tous types de public, le partage d'expériences et l'échange de savoirs-faire», «apprendre le faire ensemble et le vivre ensemble: créer des lieux animés et vivants» [5]).

В заключение хотелось бы отметить, что идея совместного использования вполне понятна, поскольку мы ежедневно «делимся» такими общими ресурсами, как воздух, вода, природа, территория. Кроме этого, общеизвестны идеи разделения знаний, мыслей путем обмена через Интернет (социальные сети типа Твиттера, Фейсбука и т.д.), что способствует обмену мыслями и планами по достижению единой общей цели: в этом случае говорят о переходе «de l'intelligence individuelle à l'intelligence collective».

ЛИТЕРАТУРА

1. Partager [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.cnrtl.fr/definition/partager>. – Date of access : 13.08.2017.
2. Définition de partager [Electronic resource]. – Mode of access : <http://lesdefinitions.fr/partager#ixzz4m2jCxm4q>. – Date of access : 13.08.2017.
3. *Debrenne, M.* Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications [Electronic resource] / M. Debrenne // Variétés, variations et forme. – Ecole Polytechnique, 2011. – Mode of access : <http://dictaverf.nsu.ru/ru>. – Date of access : 03.09.2017.
4. *Galisson, R.* La pragmatique lexiculturelle pour accéder autrement, à une autre culture, par un autre lexique [Electronic resource] / R. Galisson // Melanges CRAPEL. – № 25. – P. 47–73. – Mode of access : http://atilf.fr/IMG/pdf/melanges/06_galisson.pdf. – Date of access : 13.06.2017.
5. Le concept des jardins partagés [Electronic resource]. – Mode of access : <http://librojardin.fr/qui-sommes-nous/le-concept-des-jardins-partages>. – Date of access : 13.08.2017.

Л. А. Тарасевич (Минск, Беларусь)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ ПРОСТРАНСТВА

Пространственный опыт человека находит отражение в языках как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Пространство, в отличие от временных и причинно-следственных связей, дано человеку в непосред-

венном чувственном восприятии, оно составляет «среду обитания», вне которой человек не мыслится. Основным каналом, через который человек получает информацию о пространстве, является зрение. Естественно предположить, что именно зрительный опыт человека подлежит вербализации в первую очередь. Другими словами, человек должен описывать пространство так, как он его видит. Отсюда следует и другой вывод о том, что в разных языках представление пространственных свойств окружающей действительности должно быть достаточно сходным в силу единства психофизиологической организации человека как биологического организма. Данный вывод подтверждается наличием таких языковых универсалий, связанных с пространством, как средства локального дейксиса, средства для обозначения движения, трехмерности по антропоморфному принципу с выделением осей «верх – низ», «спереди – сзади» и др. Однако наблюдения за фактами самых разных языков показывают, что в семантике языковых единиц представлены результаты не только и не столько зрительного, сколько деятельностного опыта человека, который, существенно отличаясь в разных культурах, предопределяет различия в членении пространства с помощью языка. Так, насколько известно, все языки мира обладают средствами для указания на ближнюю и удаленную область пространства относительно говорящего (например, рус. *здесь/там*, нем. *hier/dort*, туркмен. *ol/bu, şu*, турец. *burada/şurada*). При этом степень детальности членения этих областей оказывается разной. Известным примером является наличие в немецком языке локального дейктика *da*, который может указывать как на ближнюю область, так и на дальнюю, и в зависимости от контекста выступать эквивалентом для русских дейктиков *здесь* и *там*.

Примером еще более подробного членения дейктических областей является туркменский язык. В этом языке на ближнюю область, обозначаемую в русском языке местоименным наречием *здесь*, указывают две языковые единицы – *bu* и *şu*, разница между которыми заключается в том, что *şu* обозначает, по сравнению с *bu*, более близкую область. Кроме этого, обе единицы склоняются по падежам, и в зависимости от падежной формы обозначают особое отношение области указания к говорящему: область воображаемого пространства (*Marçak obasy gonsy obalaryn biri bolup, ol derýany beýleki owgan obalaryny bilen payalasyar; olaryn aralygy altmys-yetmis adimden kop dal we seýlelikde biz bu ýerde, siz bolsa – ol ýerde* ‘Село Марчак является одним из соседних сел, которые делят эту реку с афганскими селами, **расстояние между ними** не больше шестисот-семисот шагов, и выходит, что мы **тут**, а вы – **там**’), область воспринимаемого пространства с какими-либо объективными свойствами (*Soňra, derýanyň güýçli akyma seredip, yenede pikirlendi: «Bu ýer mümkin, oncakly şuň däl»* ‘Потом, глядя на бурное течение реки, подумала еще: «**Здесь** не так и глубоко, должно быть...»’), область воспринимаемого пространства, свойства которого связаны с субъективными ощущениями (*Bu ýeri örän sowuk.* ‘**Здесь** очень холодно’).

Часто специфика семантики локативных единиц обнаруживается лишь при сопоставлении языков, когда буквальный перевод тех или иных выражений оказывается невозможным в силу особенностей значения переводных эквивалентов. Так, например, в русском языке глагол *мчат* со значением ‘быстро перемещать что-либо’ отличается неочевидным семантическим свойством: он предполагает особый характер перемещаемого объекта (ср. **мчат* ручку, чашку), что обуславливает ограничения на сочетаемость данного глагола с именами разных объектов. В это же время в персидском языке семантика коррелирующих глаголов به سرعت بردن *бе сорат бордан* и به سرعت آوردن *бе сорат авардан* не накладывает ограничений на имя перемещаемого объекта. Межъязыковая асимметрия – наличие в персидском языке двух переводных соответствий у одного русского глагола – обусловлена тем, что для рассматриваемого языка оказывается обязательной передача информации о направлении перемещения относительно говорящего: приближение (*амадан*) или удаление (*бордан*).

Исследование своеобразия членения пространства в разных языках является актуальной, активно разрабатываемой и далеко еще не решенной задачей, которая должна включать в себя не только выявление семантических особенностей коррелирующих языковых единиц для обозначения пространства в разных языках. Картина национальной специфики языковой репрезентации пространства оказывается далеко не полной без учета функциональных свойств локативных единиц. По-видимому, разным типам информации о пространстве в разных языках присуща различная степень обязательности выражения в коммуникации. Исследование текстов в параллельных корпусах показывает, что пространственные картины в произведениях на языке-источнике и языке-цели существенно отличаются между собой несмотря на заданность пространственной конфигурации в исходном языке и наличие соответствующих переводных эквивалентов в языке-цели. Например, немецкий язык отличается обязательностью пространственной привязки коммуникативной ситуации к говорящему путем употребления дейктика *da*, которая не присутствует в таком виде в русском языке: из репрезентативной выборки в 538 контекстов с *da* из параллельного корпуса Национального корпуса русского языка, в котором представлены как переводы с немецкого языка на русский, так и переводы с русского языка на немецкий, в 322 контекстах, т.е. почти в 60 % случаев, данная языковая единица отсутствует в параллельной части. Другими словами, при переводе с немецкого языка на русский *da* регулярно опускается, а при переводе с русского языка на немецкий, наоборот, добавляется. Сходная картина наблюдается и с другими коррелирующими локативными единицами: дейктиками, предлогами, союзами, функционирование которых отличается даже в близкородственных языках. Возникает закономерный вопрос о факторах, влияющих на функциональные свойства этих единиц. Их установление должно стать важной вехой на пути выявления национальной специфики языковой картины мира.

ОБРАЗЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОНСКИХ КАЗАКОВ
(на примере гидронимической апеллятивной лексики)

В настоящее время в исследованиях языковой картины мира, и особенно диалектной, приоритетной является точка зрения, согласно которой язык является своеобразным средством выхода носителя языка или диалекта на образ мира, при этом само понятие языковой картины мира базируется на изучении представлений человека о мире. Пространство в народной картине мира, в противоположность научному его пониманию, неотъемлемо от восприятия его субъектом. Важнейшими его характеристиками исследователи называют дискретность (взгляд на пространство как на набор локусов), неоднородность (представления о качественных различиях отдельных его частей) и конечность. Важным определяющим фактором формирования лексико-семантических групп народных географических терминов является учет тех свойств географического объекта, которые выделяют сами диалектоносители. Иными словами, анализируя лексические единицы, соотносимые с теми или иными разновидностями форм ландшафта, следует опираться на субъективное видение реалии диалектоносителями.

По словам Д. Н. Замятина, «географический образ – система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко, и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию» [1, с. 29]. Важным при исследовании географических образов представляется понятие знакового места или ключевого образа географического пространства. Знаковым местом может быть любое географическое пространство, осмысляемое с помощью историко-культурного воображения. «Знаковость места в целом определяется теми сообществами или отдельными личностями, которые могут либо воспринимать семиотические/смысловые коннотации, задаваемые данным местом, либо устойчиво их воспроизводить в целях поддержания собственной территориальной идентичности» [1, с. 35]. Таким образом, для каждого региона, а следовательно и для каждого локального варианта национальной культуры возможно определить такие знаковые места. Для донской культуры это, несомненно, река. *Река* – масса воды, постоянно текущая в естественных условиях по определенному руслу в определенном направлении. Вся жизнедеятельность донских казаков от самого момента их становления как социума неразрывно связана с реками: донцы сначала были скотоводами и рыбаками, а уж потом (с XVIII в.) стали заниматься земледелием. Главная водная артерия, без сомнения, река Дон, которая не только являлась в прошлом основной транспортной магистралью, обеспечивавшей сообщение между отдельными районами Подонья и Приазовья, но и стала центром края, называемого ее именем, земли, на которой сложилась новая социально-территориальная группировка русского народа.

Эти и некоторые другие обстоятельства и способствовали формированию устойчивой и многочисленной по количеству представленных в ней лексем системы, которая, наряду с общерусскими речными терминами, содержит большое количество местных, донских оригинальных названий.

Особое место среди донских народных «речных» терминов занимают наименования мест с быстрым и замедленным течением. Эти географические реалии играют особую роль в хозяйственной деятельности людей. Течение воды связано с особенностями русла, наличием родников, перекатов, мелких и глубоких мест, оно влияет на шум текущей воды, внешний вид водного объекта или его части. Все эти особенности не ускользают от внимания носителей диалекта и маркируются в языке. Для обозначения места с быстрым течением в донских говорах помимо общеупотребительной описательной конструкции широко представлены диалектные апеллятивы: *быстрик, быстряк, быстрина́, быстри́нка, быстрянка, быстру́шка, стрéмя, стремни́на, стрéшина, струя, понóс, сарма́*. Все упомянутые наименования характеризуются наличием в значении семантического признака ‘быстрый’, проявляющегося у одних слов явно, т.е. их мотивационная основа отражена непосредственно в форме (*быстрик, быстру́шка* и под.), у других – скрыто, т.е. вычленяется только при толковании лексем (*струя, понóс, сарма*).

Интересна географическая лексема *сарма́*, которая в донских говорах соотносится с целым рядом значений: ‘мелководье’, ‘протока’, ‘брод, перекат на реке’ и ‘глубокое место в реке с быстрым течением’ (ср.: «*На сарме течение быстрое*» (х. Апаринский Ростовской области), «*Из плёса в плёсо сарма перетянулася*» (ст. Обливская Ростовской области)). За пределами Дона наименование *сарма* известно в географических названиях воронежских, поволжских говоров [2, в. 36, с. 146]. Ср. у Даля: “Сарма́ ж. вост. перека́т, поро́г речной; сарма по твердому, плоскому дну, по сланцу и лещади, и под нею обычно омут, бучало, которое нередко также зовут сармой” [3, т. 4, с. 36]. Интересно отметить, что в украинских говорах наименование не отмечено, что исключает иррадиацию лексемы с украинской территории. Поэтому целесообразно предположить, что понятие *сарма* возникло внутри очерченной диалектной зоны. Фонетический облик названия предположительно свидетельствует о его заимствованной природе, скорее всего из тюркских языков. Возможно, славянское *сорма / сарма* генетически родственно казах. *сор* ‘озеро с топким дном, солончаковое озеро’. Ср. здесь тобольск., томск. *сор* ‘обширные поймы, род залива, более или менее постоянного’ [3, т. 4, с. 406]. Фасмер возводит *сор* в вышеуказанном значении к финно-угорским языкам (ханты **sor*) [4, т. 3, с. 720]. Прямое влияние финно-угорских языков на южнорусские диалекты кажется нам менее вероятным, поэтому мы более склонны рассматривать термин *сарма* как тюркизм, модифицированный при помощи старого славянского суффикса *-ма*.

Различия в обозначении места с замедленным течением в донских говорах обусловлены разницей в мотивах номинации. Как показало исследование, для говоров нижнедонской диалектной зоны наиболее характерны апеллятивы, в основе которых лежит качественный признак ‘тихий’

(*тихово́дь, тихово́дые, тихово́д*). Выше указанной зоны употребляются наименования, в значении которых актуализирован локативный признак, материализованный в префиксе *за-* (*за́водь, заво́дья, заводень, зако́са, зако́сок, зако́сина*). Лексема *за́водь* и ее дериваты широко представлены на всей территории распространения русских народных говоров, в которых они функционируют с разной степенью интенсивности, обнаруживая более или менее значительные семантические различия, ср.: 'водоворот в реке', 'низкое место, затопляемое полной водой' (новг.); 'глухой рукав реки' (беломор.); 'водоворот в реке', 'старое речное русло, идущее параллельно какой-либо реке' (арх.); 'место, покрытое водой после половодья', 'место, где река берет свое начало', 'небольшое озеро на месте старого русла' (яросл.); 'тихое место в реке', 'глубокое место, омут', 'старое русло реки' (кстрм.); 'водоворот в реке' (вят.); 'водоворот', 'топкий участок в болоте', 'старый рукав реки' (перм.) [2, в. 9, с. 327]. В донских говорах наиболее распространенными значениями наименования являются 'место в реке с замедленным течением' и 'тихий речной залив'. В говорах лексема послужила основой для образования устойчивого выражения, использующегося в переносном значении: «*Тихо здесь, как на заводи*» (ст. Калитвенская Ростовской области).

В словарных дефинициях содержатся концептуально значимые характеристики природного объекта: водный поток (полноводность/неполноводность, направление, скорость, звучание), русло (размеры, форма, дно, почва); питание (наличие притоков); место промыслов и хозяйственной деятельности; пути сообщения, возможный источник опасности. Таким образом, речной ландшафт является частью языковой культуры, получает реальность в слове и во всем семантическом объеме воплощается через значения отдельных слов, местные гидрографические термины являются символами, которые несут в себе идеалы и ценности культуры. Народные географические апеллятивы отражают результаты воздействия человека на природу, освоение природы, антропогенные черты духовной культуры. Своеобразие природной среды способствует развитию детализированных значений у известных географических терминов и превращению общеупотребительных нетерминологических наименований в географические апеллятивы. Тем самым происходит опредмечивание окружающего мира, дробление пространства на значимые с точки зрения носителей языка объекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замятин, Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. – Т. 9. – № 3. – М., 2010. – С. 26–50.
2. Словарь русских народных говоров. – М.–Л. : Наука, 1965–2014. Вып. 1–47.
3. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: 4-е изд. / В. И. Даль. – СПб., 1912–1914. – Т. I–IV.
4. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАЦИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ АДВОКАТСКОЙ РЕЧИ

Коммуникативный успех защитительной речи создается благодаря взаимодействию ряда факторов: удачного смыслового наполнения, точного и логичного аргументирования, а также умелого использования языковых средств, которые бы наилучшим образом служили достижению поставленной цели. Исследование языковых средств осуществления аргументации в адвокатской речи должно проводиться на фоне знания ее информативных, структурных и тексто-стилистических особенностей.

Адвокатскую речь сложно отнести к какому-то одному стилю. Требование точного соответствия фактам и юридическим нормам предопределяет наличие черт официально-делового стиля, логичность изложения и доказательность – признак научного стиля. Элементы разговорного стиля – диалогичность, использование просторечной лексики с целью сокращения дистанции между адвокатом и присяжными. Художественный стиль присутствует в адвокатской речи в виде образно-выразительных средств, участвующих в эмоциональной аргументации. Публицистический стиль проявляется в яркой направленности на убеждение и присутствие оценочности. Таким образом, стиль типа текста «адвокатская речь» создается рядом переходных явлений, что с учетом его аргументативной направленности позволяет рассматривать речь защитника как своеобразное стилевое явление с элементами ораторского искусства.

В информационном плане речи адвокатов разнятся в зависимости от предмета разбирательства и области права. Структурно же адвокатские речи, как правило, отражают текстовую реализацию плана по защите обвиняемого, подчиненного иерархии: общая стратегия защиты, отдельные тактики для достижения стратегической цели, частные языковые приемы для реализации тактик. Как показал материал исследования, в своих речах адвокаты используют четыре основных тактики: тактику оправдания действий подзащитного, тактику подтверждения правильности своей позиции, тактику дискредитации процессуальных оппонентов и тактику опровержения их позиции. Адвокат выстраивает свою аргументацию, следуя той или иной тактике. Таким образом, в текстовой структуре адвокатской речи можно выделить аргументативные фрагменты, интенциональным ядром которых является та или иная тактика защиты. Аргументация во фрагментах разворачивается по классической схеме тезис–довод–вывод.

Техника аргументации предполагает выбор оратором определенных языковых средств, которые содействовали бы четкой смысловой организации речи и отражали логику рассуждения и логику изложения. В исследованиях, посвященных языковой стороне логически выстроенной речи, называются следующие языковые средства создания логичности рассуждения:

1) средства связности (наречия, вводные слова, союзные наречия, союзы, предлоги, глаголы, обороты с глагольным ядром), благодаря которым передается движение мысли, удерживается предмет обсуждения, сохраняется информативно-логическая последовательность, обеспечивается связь между композиционными частями, создается цельность текста речи;

2) вопросительные конструкции, являющиеся стимулом для передачи дальнейшей информации, используются для постановки проблем, выражения гипотез;

3) однородные члены предложения, уточняющие вставные конструкции;

4) периоды – синтаксические конструкции из однородных придаточных предложений (условных, временных, уступительных), позволяющие выдвинуть и доказать то или иное положение, обладая высокой логической спаянностью, полнотой выражения мысли и экспрессивностью [1, с. 59].

Особую значимость в осуществлении логического доказательства имеют средства языковой категории модальности. Исследователи логики утверждают, что многие ментальные процессы, сопровождающие процесс аргументации, связаны с модальностью [2, с. 12], и что логически рассуждающий человек оперирует в основном модальными смыслами [3, с. 86]. Для осуществления логического доказательства в немецкоязычных адвокатских речах используются, прежде всего, модальные глаголы и претеритальные формы конъюнктива.

Так как аргументация в защитительной речи наряду с рациональным содержит эмоциональный и ценностный аспекты, ее осуществление невозможно без языковой категории оценочности. Знак оценки в адвокатских речах зависит от выбранной адвокатом тактики аргументирования: положительная при оправдании подзащитного и подтверждении своей правоты и отрицательная в отношении оппонентов. Общий перечень средств выражения оценки в адвокатской речи образуют прилагательные в атрибутивной или предикативной функции, существительные, глаголы, предложные группы, полусвободные словосочетания, метафорические конструкции, целые высказывания. Оценочность, положительная или отрицательная, может создаваться и благодаря комплексному использованию ряда средств, в том числе и неоценочных.

Интересен потенциал средств модальности (модальных глаголов, конъюнктива II и средств эпистемической модальности), способных поддерживать знак оценки, заданный тактикой. При этом модальность и оценочность, участвуя в воплощении тех или иных этапов аргументации, вступают между собой в отношения взаимодополнения, взаимопроникновения, логической связи и семантической смежности. Так, при оправдании подзащитного модальные глаголы *können*, *müssen*, *wollen* выражают смыслы невозможности совершения преступления, необходимости поступить так, а не иначе, нежелания поступить плохо, что в целом поддерживает знак положительной оценки. При подтверждении часто используется прием доказательства от противного, реализуемый конъюнктивом II, когда реаль-

ность изображается в положительном свете, а воображаемые действия и поступки – негативно. Логическая связь оценочности и модальности проявляется, с одной стороны, когда из положительно-окрашенного оправдывающего фрагмента делается вывод о невозможности осуждения и необходимости оправдания, с другой стороны, такой же вывод может быть сделан на основании отрицательной оценки выдвигаемого обвинения.

Типичной для юридической аргументации является связь нормативной оценочности (соответствует/не соответствует норме) и эпистемической модальности (достоверно /недостоверно). На семантическую смежность данных значений, оценочного и модального, указывала еще Н. Д. Арутюнова, отмечая, что категории модальности и оценочности имеют в них точку соприкосновения [4]. В аргументации адвоката смежность обоих значений проявляется следующим образом: показания логичны, последовательны, подробны, значит, они достоверны, и наоборот.

Таким образом, особенности языкового оформления аргументации в адвокатской речи связаны с ее тексто-дискурсивными характеристиками. Наряду с общими языковыми средствами ведения аргументации, актуальными в любой сфере коммуникации, выделены и некоторые частные, специфические для данной ситуации общения средства логического доказательства. Это, прежде всего, средства языковой категории модальности (объективной и субъективной), задействованные вместе с оценочностью на всех уровнях аргументации защитника. Модальность и оценочность можно признать смыслоформирующими языковыми категориями адвокатской речи в силу модусного характера самой интенции защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивакина, Н. Н.* Основы судебного красноречия (риторика для юристов) : учеб. пособие / Н. Н. Ивакина. – М. : Изд-во Юрист, 2007. – 282 с.
2. *Тер-Акопов, А. А.* Юридическая логика : учеб. пособие / А. А. Тер-Акопов. – М. : ИКФ «Омега-Л», 2012. – 256 с.
3. *Биктимирова, Г. Р.* Когнитивно-прагматический аспект модальности в аргументативном дискурсе (на материале англоязычных СМИ) / Г. Р. Биктимирова // Вестн. Башкир. ун-та. Разд. Филология и Искусствоведение. – 2008. – № 1. – Т. 13. – С. 86–89.
4. *Арутюнова, Н. Д.* Вторичные истинностные оценки: правильно, верно / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 67–78.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Р. В. Белютин (Смоленск, Россия)

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА МЕТАФОР В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ (на материале немецкого и русского языков)

Метафора как объект исследования интересна благодаря самым разным своим свойствам и функциям. Одним из главных ее достоинств является тот факт, что метафора позволяет видеть мир многомерным: она не только способствует формированию образа желаемой цели или оценке поведенческих актов, но и служит осознанию существования так называемой «иной возможности» [1, с. 6–7].

Разные народы находят разные пути от внеязыковой действительности к концепту и далее к его словесному выражению. Поэтому отражение действительности с помощью метафор способно сыграть весьма значительную роль в раскрытии национальных особенностей видения мира, концептуального мышления, словесного творчества. Ср.: «Das bedeutet, dass die nationale Sichtweise zugleich auch eine diskursiv ausgehandelte, *kulturspezifische* Konzeptualisierung der Wirklichkeit aktiviert, die sich im diskursiven Weltbild einer Gemeinschaft niederschlägt» [2, S. 100].

Культурологический аспект профилируется особенно ярко в тех случаях, когда речь идет о переводе метафор с одного языка на другой. Зачастую он делает невозможным дословный перевод метафор, в результате чего переводчик вынужден подбирать на языке перевода подходящий эквивалент. Ср.: «Metaphern [sind] Produkte der kreativen Verletzung semantischer Regeln und zutiefst kulturspezifisch, weshalb ein Bild in der Ausgangssprache nicht immer in der Zielsprache reproduziert werden kann und eine Metapher daher unter Umständen nicht übersetzbar ist» [3, S. 281].

Исходя из данного утверждения, естественным будет предположить, что залогом успешной передачи метафорической информации с одного языка на другой должна стать способность переводчика видеть окружающий мир глазами носителя исходного языка по причине того, что в речи участников межкультурной коммуникации могут содержаться различные скрытые смыслы, верное понимание которых напрямую влияет на адекватность перевода.

В данной работе предпринимается попытка рассмотрения специфики перевода метафор в *спортивном* дискурсе. По нашим наблюдениям, данный участок в теоретическом и практическом разделах транслатологии на сегодняшний день остается малоизученным, несмотря на то, что, по меткому выражению Й. Хейзинги, «спорт постоянно расширяет свою социальную значимость и втягивает все новые области в сферу своих владений» [4, с. 271].

На «всеприсутствие» метафор в спортивном дискурсе и необходимость их детального изучения, в том числе для решения транслатологических проблем, указывает в своей монографии Т. Коотц «...ist davon auszugehen, dass auch Dolmetscher mit dem Fachgebiet *Sport* mit metaphorisch geprägter Sprache in Kontakt kommen. Der Einfluss der Metaphorik variiert zwar je nach Sportart und bezieht sich in erster Linie auf die Sprache der Sportberichterstattung sowie den Sportjargon, dennoch ist keine Disziplin frei von Metaphern, welche durchaus auch in der Fachsprache vorkommen können» [5, S. 36].

Обращение к спортивному дискурсу связано также с интегративной, идентифицирующей ролью спорта на мировой арене, которая достаточно четко была сформулирована основателем современного олимпийского движения П. де Кубертенем в девятой строфе «Оды спорту» – «О, спорт, ты – мир!». Именно тот факт, что в спортивной сфере зачастую (а на соревнованиях мирового уровня регулярно) приходится иметь дело с «разноязычными» и «разноплеменными» говорящими, обуславливает значимость выбора данного дискурса в качестве коммуникативного пространства, имеющего особенный статус во многих этнолингвокультурах.

Корпус примеров является результатом использования метода сплошной выборки. В качестве эмпирического материала привлекались различные типы текстов, репрезентирующих спортивный дискурс в условиях устной и письменной коммуникации на всех четырех уровнях (спортивная терминология; спортивный жаргон; язык спортивных СМИ; язык болельщиков). Помимо этого, зафиксированы и проанализированы образцы, включенные в список по итогам личных наблюдений автора и его общения с носителями языка.

Проведенный лингвокогнитивный и лингвокультурологический анализ контекстных употреблений лексических единиц, инкорпорированных в различные пласты спортивного дискурса, позволил выявить четыре магистральные проекции возможных переводческих затруднений при работе с метафорами:

1) отсутствие в русском языке метафорического эквивалента для метафоры в немецком языке: *Allzweckwaffe* (рус. экв. 'универсальный игрок'); *Ampelkarte* (рус. экв. 'вторая желтая карточка, означающая удаление'); *Schlusslicht* (рус. экв. 'команда-аутсайдер'); *Geisterspiel* (рус. экв. 'игра без зрителей');

2) отсутствие в немецком языке метафорического эквивалента для метафоры в русском языке: *горчичник* (зн. желтая карточка) – нем. экв. 'gelbe Karte'; *делать аборт* (зн. прерывать атаку соперника) – нем. экв. 'den Angriff des Gegners stoppen'; *висеть на карточке* (зн. ситуация, когда игрок уже имеет предупреждение и за вторую карточку может быть удален и/или дисквалифицирован) – нем. экв. 'vor (gelb) belastet sein');

3) наличие в русском языке метафорического эквивалента для метафоры в немецком языке, при этом эквивалент относится к другой лексико-тематической области: *Warnschuss* (рус. экв. 'первый звоночек'); *Schützenfest*

(рус. экв. 'голевой дождь'); *Schießbude* (рус. экв. 'проходной двор'); *Kiste, Bude, Kasten, Gehäuse, Hütte* (рус. экв. 'рама', 'рамка', 'калитка'); *Einbahnstraßenfußball* (рус. экв. 'игра в одни ворота', 'в одну калитку');

4) метафоризация одних и тех же лексических единиц, при этом «зоны прибытия» отличаются: *вишня* – (нем. 'Kirsche' – мяч, рус. 'стрясти вишню' – нанести сильный удар, после которого начинается отсчет (в боксе); *волки* (нем. 'Wölfe' – неофициальное название футбольного клуба *VfL Wolfsburg*, рус. 'контролеры в электричках, поездах, метро').

Итак, подводя краткий итог исследования можно отметить, что проблема перевода метафор в спортивной коммуникации ощущается не менее остро, чем в других дискурсивных практиках. Сложность декодирования метафоры в большей степени связана с наличием достаточно большого количества «зон расхождения» между метафорическими системами, существующими в соответствующих языках.

В объективной действительности метафора находит свое проявление при помощи языка и действует исключительно в рамках его лексико-семантических, грамматических и других норм, поэтому еще одним важным параметром, влияющим на сохранение когнитивного потенциала при расшифровке метафоры и точность передачи ее смысла в «иную ментальность», становится т.н. фактор дискурса. Это означает, что дискурс располагает собственной «сеткой координат», которая задает определенные ориентиры в плане выбора тех или иных средств и способов перевода, стилистического оформления передаваемой в другой язык информации и др.

Продолжение исследований в данном направлении, особенно с привлечением материала из других языков, поможет существенным образом минимизировать коммуникативные сбои, неудачи, помехи, которые с высокой периодичностью возникают в рамках спортивного дискурса, в том числе из-за низкого уровня профессиональной подготовки переводчика, как, например, в случае, представленном на <https://www.youtube.com/watch?v=SRIJzd2RPPA>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самигуллина, А. С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении / А. С. Самигуллина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. – 316 с.
2. Czachur, W. Einige Überlegungen zur Kategorie des diskursiven Weltbildes / W. Czachur // Muttersprache. – 2011. – Heft 2. – S. 97–104.
3. Schäffner, Ch. Metaphern / Ch. Schäffner // Snell-Hornby, Mary / Höning, Hans G. / Kußmaul, Paul / Schmitt, Peter A. (Hrsg.): Handbuch Translation. – Tübingen : Stauffenburg, 1999. – S. 280–284.
4. Хейзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хейзинга. – СПб. : Изд-во И. Лимбаха. – 2011. – 416 с.
5. Kootz, T. Dolmetschen im Sport: Eine empirisch gestützte Bestandsaufnahme / T. Kootz. – München : Akademische Verlagsgemeinschaft. – 1. Auflage. – 2015. – 162 S.

ЭМАЦЫЯНАЛЬНА-ЭКСПРЭСІЎНЫЯ ЧАСЦІЦЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ

З пачатку 90-х гг. XX ст. мовазнаўцы пачалі паступова звяртаць сваю ўвагу на такія «малазначныя» элементы мовы, як часціцы, прыназоўнікі, займеннікі і прыслоўі. Беларуская, руская, нямецкая, англійская мовы адносяцца да моў, дзе доля часціц вялікая. Часціцы – найважнейшыя камунікатыўныя словы, якія з’яўляюцца неад’емнай часткай моўных зносін, будаўнічым матэрыялам мовы.

Як піша лінгвіст Вінаградаў, часціцы займаюць прамежкавае становішча паміж службовымі словамі і марфемамі як часткамі слова [1, с. 163]. Агульным для іх з’яўляецца адсутнасць лексічнай самастойнасці і граматычныя функцыі, якія яны выконваюць. Ад марфемы іх адрознівае адсутнасць структурнай сувязі з пэўным словам, але, у той жа час, падобна марфемам, часціцы не валодаюць нават тым мінімумам лексічнага зместу, які маюць такія лексічныя словы, як прыназоўнікі і злучнікі.

Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў падае іх наступнае вызначэнне: «часціцы – гэта разнавіднасць службовых слоў, якая аб’яднана ў адну часціцу мовы агульнай семантыка-сінтаксічнай функцыяй, якая адлюстроўвае адносіны гаворачага да выказанага з асаблівым вылучэннем або ўдакладненнем якога-небудзь моманту або боку ў гэтым выказванні» [2, с. 482].

У дачыненні да наяўнасці або адсутнасці ў часціц лексічнага значэння або характару гэтага значэння адзначаны наступныя пункты гледжання:

– адна група навукоўцаў мяркуе, што ў часціц, як і наогул у службовых слоў, адсутнічае лексічнае значэнне – яны маюць чыста граматычнае значэнне;

– іншая група лінгвістаў не адмаўляе цалкам наяўнасці ў часціц лексічнага значэння, але паказвае на яго непаўнаўнартасць;

– трэцяя група даследчыкаў паказвае на кантэкстуальную сінтаксічную абумоўленасць лексічнага значэння часціц.

Сярод тыпалагічных адрозненняў беларускай і англійскай моў асабліва вылучаецца *партыкляванасць* беларускай мовы. Маецца на ўвазе той факт, што беларуская мова валодае больш развітой сістэмай часціц, колькасна не супастаўляльнай з аналагічнай сістэмай англійскай мовы (у сістэме часціц англійскай мовы даследчыкі ў сярэднім налічылі 20 часціц, у беларускай мове гэтая лічба ў сярэднім можа дасягаць лічбы 102).

Трэба звярнуць увагу і на той факт, што, у адрозненне ад беларускай мовы, для англійскіх часціц не характэрна *нанізванне*, г.зн. ужыванне цэлых ланцужкоў часціц. У беларускай мове часціцы, асабліва мадальныя, валодаюць здольнасцю спалучацца адна з адной у цэлыя комплексы, якія ў сказе лёгка ўзнікаюць і лёгка распадаюцца.

Спецыфіка англійскай мовы праяўляецца таксама і ў тым, што ў ёй адсутнічае разрад мадальных часціц, у адрозненне ад нямецкай і нарвежскай, дзе мадальныя часціцы актыўна выкарыстоўваюцца ў мове і вывучаюцца даследчыкамі. Значэнні, якія выражаюцца ў гэтых мовах мадальнымі часціцамі, у англійскай мове перадаюцца іншымі сродкамі, перш за ўсё мадальнымі словамі.

Замежныя даследчыкі англійскай мовы не вылучаюць клас часціц у тым разуменні, у якім яны трактуюцца ў айчынным мовазнаўстве, і адносяць часціцы да прыслоўяў або службовых часцін мовы. У той жа час яны адзначаюць цэлы шэраг асаблівасцей у значэнні і функцыянаванні слоў *only*, *even*, *just* і інш., вылучаючы іх на гэтай падставе ў асобныя падкласы прыслоўяў.

Дж. Керм кажа аб наяўнасці ў англійскай мове асаблівай групы вылучальных прыслоўяў – *distinguishing adverbs*, у якую ён уключае словы *simply*, *only*, *even*, *also* і інш. на той падставе, што яны могуць факусаваць увагу не толькі на дзеясловах, але і вылучаць любы другі член сказа [3, с. 164].

З іншага боку, некаторыя айчынныя лінгвісты не адмяжоўваць англійскія часціцы ад прыслоўяў. Т. І. Капітонава, напрыклад, лічыць часціцы *прыслоўямі ўзмацнення* на той падставе, што яны марфалагічна тоесныя іншым прыслоўям і выконваюць тоесныя па фармальным прыкметах сінтаксічныя функцыі [4, с. 10].

В. Жыгудла падае іншае вызначэнне: «Часціцы – нязменныя словы, якія ўдакладняюць сэнс іншых слоў, надаюць мадальныя або эмацыянальна-экспрэсіўныя адценні іншым словам або групам слоў» [3, с. 165].

На думку С. Я. Шаўчэнкі, часціцы ўтвараюць самастойны разрад слоў, для якога ўводзіцца тэрмін «мадыфікатары». М а д ы ф і к а т а р ы – адзінкі, здольныя ажыццяўляць ў выказванні семантычнае прырошчванне, г.зн. перадаваць дадатковую інфармацыю [Там жа, с. 166].

Для кампаратыўнага аналізу эмацыянальна-экспрэсіўных часціц з тлумачальнага слоўніка беларускай мовы метадам суцэльнай выбаркі былі выпісаны некаторыя эмацыянальна-экспрэсіўныя часціцы і іх семныя кампаненты.

Разбіраліся тэксты сучаснай мастацкай літаратуры, дзе былі знойдзены выкарыстанні лексем з аналізуемай групоўкі: найбольш ужывальнымі ў беларускіх мастацкіх тэкстах з’яўляюцца часціцы *вось*, *дык*, *нават*, *так*, *што*, *як*, *ужо*. Кожнае слова зыходнай мовы было праверана па двухмоўным слоўніку, у выніку чаго былі выяўлены слоўнікавыя адпаведнікі ў беларускай і англійскай мовах.

На этапе выяўлення міжмоўных лексічных адпаведнікаў лексем мовы супастаўлення былі правераны па сінанімічным слоўніку. Дадзеныя з сінанімічнага слоўніка сталі базай новага спісу, які ўключае як выяўленыя на

папярэднім кроку перакладныя адпаведнасці, так і новыя словы, атрыманыя з перакладных слоўнікаў, за выключэннем прыкладаў, якія адносяцца да іншых часцін мовы (*here, really, even, very, simply, what, rather, well, right*).

Пры дапамозе слоўніка *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* былі выпісаны кампаненты значэнняў слоў, якія былі разгледжаны раней. У выніку кампанентнага аналізу дэфініцый было праведзена семнае апісанне ў рамках выдзеленай групы слоў.

Такім чынам, быў складзены спіс міжмоўных лексічных адпаведнікаў: аж – *oh, even*; вось – *indeed, right, oh*; вунь – *really*; дык – *only, why, very, fairly*; ж – *simply, just, very*; нават – *even, actually, very*; нібыта (нібы) – *even*; няхай – *let it*; так – *only, right, simply, very*; толькі – *only, just, simply*; ужо – *rather, fairly, very*; хоць – *even*; што – *oh, why*; як – *oh*.

На падставе атрыманых рэзультатаў даследавання можна зрабіць наступныя высновы:

– большасць эмацыянальна-экспрэсіўных часціц з'яўляюцца аднаскладовымі і такая тэндэнцыя характэрна для англійскай мовы. У беларускай мове часціцы могуць ствараць складаныя комплексы лінейнай працягласці, якія ўзмацняюць значэнне часціцы;

– большасць часціц займаюць пазіцыю непасрэдна перад словам, да якога яны адносяцца, спалучаюцца з іншымі часціцамі мовы. Гэтая тэндэнцыя характэрна абедзвюм мовам;

– кожная часціца ўяўляе сабой набор сем, частка значэнняў унікальная, частка сустракаецца ў семантыцы іншых часціц. Часціцы павінны падмацоўваць адна адну, і іх значэнне шмат у чым падмацоўваецца кантэкстам.

Унікальнасць класа часціц і цяжкасці іх вылучэння звязаны з тымі семантычнымі функцыямі, якія абумоўлены ярка выяўленымі прагматычнымі функцыямі. Неадэкватнае адлюстраванне семантыкі часціцы прыводзіць да таго, што яна перакладаецца літаральна або з дапамогай моўнай адзінкі, якая мае іншую функцыю.

ЛІТАРАТУРА

1. *Виноградов, В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов; под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2000. – 718 с.
2. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – Вып. 8. – М. : Прогресс, 1978. – 479 с.
3. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с. англ. и отв. ред. М. И. Кропгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Рус. словари, 1995. – 416 с.
4. *Капитонова, Т. И.* Определители предложения, выраженные наречием или наречным словосочетанием, в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. И. Капитонова – Л., 1963. – 16 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОР, АКТУАЛИЗИРУЮЩИХ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Перевод языковых средств выразительности представляет собой межкультурную коммуникацию, диалог культур. Метафора является единицей культуры определенного языка, что, в свою очередь, создает некоторые трудности, связанные с ее переводом. Причиной возникновения таких проблем являются следующие факторы: отсутствие адекватного эквивалента в языке перевода, различия норм и систем ценностей культур, контраст в реалиях языков. Но для осуществления диалога и максимального понимания культуры другой страны весомое значение имеет перевод метафор.

Метафора антропометрична по своей сути, поскольку базируется на ассоциативных связях человеческого опыта. Такие ассоциативные связи этноспецифичны, и, таким образом, метафора наглядно показывает систему ценностей определенного народа. То есть характер мировосприятия определенной языковой общности можно определить путем механизмов метафоризации. Ассоциации в свою очередь основываются на субъективном опыте, который совпадает с опытом культуры, которой принадлежит индивид.

Работа структур человеческого мозга состоит в постоянном сравнении и отыскивании общих черт на первый взгляд в абсолютно противоположных сущностях. Такие метафорические конструкции дают возможность переосмыслить свой взгляд на известные объекты, которые оценены через другие объекты. Метафора заставляет нас видеть одни вещи вместо других, которые в прямом значении выступают как ключ к пониманию.

Метафора создается не просто для того, чтобы, найдя имя, донести наши мысли другим, она нужна нам самим: без нее невозможно мыслить о некоторых особенных, сложных для понимания, предметах. Наша будничная система понятий, в рамках которой мы думаем, действуем, метафорична по своей сути, следовательно, метафора – орудие мысли, познавательный процесс, который объединяет мозг, ум и культуру. Постигание этого процесса дает нам возможность достичь самых отдаленных уголков концептуальной сферы человека.

В данном исследовании мы рассмотрели 35 примеров метафор, актуализирующих концепт «предательство», которые, по нашему мнению, являются наиболее интересными и иллюстративными с точки зрения лингвистического анализа. В большинстве случаев метафоры и их перевод значительно отличаются как структурой высказывания, так и актуализированным образом. Очевидно, это обусловлено тем, что языковая картина мира каждой отдельной личности как представителя определенной группы в частности и целой нации в общем представляет собой продукт восприятия окружающей действительности сквозь призму определенной системы норм и ценностей.

Познавая окружающую действительность, человек, как субъект речевой деятельности, постоянно «проектирует» ее в язык через сравнение и отождествление абстрактного с конкретным. В этом собственно и состоит механизм метафоры, что по своей сути сродни механизму аналогии. Ученые пришли к выводу, что метафоризация является природной способностью человека, метафора – формой мышления, а метафорическая модель – орудием познания и объяснения действительности.

Однако среди проанализированных нами метафор мы находим ряд случаев, когда прямой перевод возможен благодаря совпадению образных коннотаций, которые носители обоих языков придают определенной лексике. В таком случае мы наблюдаем прием так называемого калькирования метафоры.

Так, например, метафора *предать, выдать тайну*: *The news of his appointment leaked out before it was officially made known* ‘вести о его назначении просочились раньше официального объявления’. Данный пример свидетельствует о том, что у носителей обоих языков, английского и русского, тайна ассоциируется с веществом, которое хранится в определенном месте, тогда как выход последнего возможен только при наличии повреждения. Подобную негативную коннотацию, общую для рассматриваемых языков, наблюдаем в случае *dirty laundry* ‘грязное белье’, то есть компрометирующая личная информация. Еще один пример, в котором при переводе сохраняется семантика и структура метафоры, и лексическое значение слов вызывает одинаковые ассоциации у представителей обоих языков: *to cackle the secret* ‘раскудахтать секрет’. Так, сообщение секретной информации актуализируется как «разболтать», «раскудахтать», что апеллирует к представителям животного мира. Характерной чертой такого голосового сообщения является громкость и многократное повторение. Более того, подобное сравнение акцентирует внимание на том, что субъект такого поведения является особой с низким интеллектуальным коэффициентом, круг интересов которого ограничивается обсуждением чужих проблем.

Однако в большинстве случаев при переводе метафор переводчик вынужден прибегать к разной степени варьирования и изменения исходного текста.

Так, например, *that was an attempt to pull the wool over our eyes* ‘это была очередная попытка втереть нам очки’ иллюстрирует метод лексической замены. В связи с различиями в восприятии окружающей действительности у носителей английского и русского языка «предательство – обман» актуализируются по-разному, хотя смежными категориями, а именно «предать – обмануть – ограничить (лишить) зрение». По такому же принципу переводится следующая метафора: *You threw me to the wolves!* ‘Вы бросили меня в самое пекло!’ Замена обусловлена тем обстоятельством, что лексическая семантика отражает «сознание» этноса, в ней закреплены память и история народа, его опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психология.

They're trying to put over a fast one on the honest citizens 'Они пытаются заканифолить мозги честным людям'. Упомянутый выше переводческий прием используется в данном случае ввиду невозможности буквального перевода конструкции *to put over a fast one* 'наложить быстрый', непонятной для русскоговорящего реципиента, в контекст вводится синоним – *заканифолить*.

Антонимический прием перевода представляет собой замену положительного высказывания негативным как более привычным для носителей языка в данном контексте. Среди проанализированных нами метафор есть мало примеров использования данного приема: *I hope, that Tom will keep his mouth shut about finding me with a gun in my hand* 'Я надеюсь Том не будет давать волю языку о том, что увидел меня с пистолетом в руках'.

Иногда переводчик прибегает к использованию приема так называемой деметафоризации. Суть данного приема состоит в отказе от передачи образного значения метафорического выражения и последующем переводе только его буквального значения. Такой прием переводчик использует в случае невозможности подобрать адекватный эквивалент. Так, в примере *He won the khaki election and no one could reject him*. 'Он выиграл выборы во время англо-бурской войны, и никто не смел ему перечить'; *khaki election* переводится посредством описания, поскольку данный внеязыковой феномен является специфичным для англоязычной языковой общности. В русском языке также не представляется возможным найти адекватный эквивалент метафоры, поскольку происхождение последней связано с рабовладельческой политикой Америки: *She can sell him down the river any day she likes*. 'Она может выдать его, если захочет.' По такому же принципу переведена следующая метафора: *She has struggled so gallantly for polite reputation that she has won it: pitilessly kicking down the ladder as she advanced degree by degree*. 'Она так отчаянно сражалась за успех в светском обществе, что в конце концов добилась своего; но чем выше она поднималась, тем безжалостней бросала тех, кто помогал ей'.

Подбор переводческого эквивалента применяется в тех случаях, когда актуализированную в оригинальной метафоре идею невозможно передать тем же образом. В таких случаях подбирается другой, более или менее эквивалентный вариант в языке перевода. Например, *They took him for a ride*. 'Они просто его надули'; *Those two have been playing around for months* 'Эта пара уже несколько месяцев крутит любовь'.

В приведенных примерах четко видна разница в восприятии экстралингвистических явлений носителями разных языков. Так, в английском языке мошенничество ассоциируется с перемещением в пространстве, в русском – с физическим процессом деформации. Во втором примере в семантике лексических единиц, актуализирующих супружескую неверность, присутствует общая семема *двигаться по кругу*, однако образная составляющая отличается.

Произведенный нами анализ показал, что 80 % метафор, актуализирующих концепт «предательство», подверглись переводческим трансформациям. Лексическая замена имеет место в 15 % случаев, антонимический перевод – в 6 %; демегафоризация – в 25 %, поиск эквивалента – в 34 %.

Л. В. Солонович (Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ (на примере романа Г. Бёлля «Глазами клоуна»)

Перевод является посредником в межкультурном диалоге, осуществление которого требует от переводчика владения специальными навыками и компетенциями. Сам переводческий процесс характеризуется некоторыми особенностями и предполагает их учет с целью создания успешного диалога культур. Одной из таких особенностей является наличие фоновой информации у реципиентов оригинального текста и ее отсутствие у представителей иной лингвокультурной общности. Поэтому перевод художественного текста подразумевает определенную степень адаптации прагматического потенциала произведения, в результате реализации которого на реципиента оказывается воздействие, именуемое коммуникативно-прагматическим эффектом. Реакция рецептора художественного текста обусловлена различными факторами: от индивидуально-личностных качеств до социально-культурной принадлежности. Последний аспект представляется релевантным с точки зрения межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Лексемы, обладающие фоновой и культурологической информацией, оказывают существенное влияние на восприятие вторичного текста. Обращаясь к дефинициям данного явления, отметим, что в лингвистической литературе наиболее типичными обозначениями указанных лексем являются такие термины, как реалии, безэквивалентная лексика, культурема, лингвокультурема. Общим для всех определений является наличие национально-специфического компонента.

Анализ классификаций реалий показал, что большинство из них основывается на тематических признаках. Так, в классификации В. П. Фурмановой они подразделяются на три группы: культурно-исторические, общественно-политические и этнографические реалии [1]. Аналогичной точки зрения в вопросе предметной классификации реалий придерживаются С. Влахов и С. Флорин. Авторами предлагаются и иные деления с точки зрения временного, переводческого и местного деления [2, с. 17–18].

Исследование реалий в романе Г. Бёлля позволило выявить широкое тематическое разнообразие. В произведении присутствуют лексические единицы, характеризующие культурно-историческую эпоху и время написания романа, которые зачастую представляют собой наименования административно-политического аппарата Германии во время Второй мировой войны;

имеют место интертекстуальные элементы, подразумевающие наличие знаний о художественной литературе и фольклоре Германии у рецептора. Рассмотрим, как указанные реалии передаются во вторичных текстах. Для более полного описания процесса перекодировки культурно маркированных лексем мы сопоставили оригинал с двумя русскоязычными переводами, один из которых выполнен Л. Б. Чёрной, а другой – Р. Я. Райт-Ковалёвой. Далее в тексте русские варианты романа приводятся в указанной последовательности.

Анализ показал, что культурно-исторические реалии эксплицируются в переводном тексте: *Dabei war er es, der meine Mutter zwang, uns zum Dienst zu schicken, mich ins Jungvolk und Henriette in den BDM* ‘А ведь не кто иной, как Шницлер, настоял на том, чтобы мать послала нас к нацистам – меня в юнгфольк, а Генриэтту – в «Союз немецких девушек»»; ‘А ведь это он заставил маму послать нас на военное обучение – меня в юнгфольк, а Генриетту в Союз германских девушек’. В данном примере фиксируется также использование транслитерации. Аналогичную тенденцию можно проследить и на следующем примере: *der stellvertretende Ortsgruppenleiter Lövenich* ‘**Нацист** Левених, исполнявший обязанности ортсгрупенляйтера’; ‘**Член нацистской партии**, заместитель ортсгрупенляйтера Лёвених’.

В романе присутствуют также реалии из школьной системы образования, которым зачастую нет аналогов в системе образования русскоговорящих стран: *mit einundzwanzig von der Untersekunda* ‘в двадцать один год ушел из шестого класса гимназии’; ‘В двадцать один год я ушел из последнего класса католической школы’. В обоих вариантах перевода лексема *Untersekunda* заменяется. В переводе Л. Чёрной используется описательный перевод, а в варианте Р. Райт-Ковалёвой применяется конкретизация. Различные подходы к переводу реалий наблюдаются и в следующих примерах: *und als er dann eine Klassenarbeit fünf schrieb* ‘а когда он вскоре написал контрольную работу на «неудовлетворительно»»; ‘И когда он написал сочинение на «пять» – низшая отметка’; *daß er die nächsten Arbeiten wieder drei und zwei schrieb* ‘что следующие контрольные он опять стал писать на «удовлетворительно» и на «хорошо»»; ‘что он скоро опять стал получать «два» и «три»’. В некоторых случаях лексемы утрачивают национально-культурный компонент в силу объективных факторов: *er war Studienrat gewesen* ‘он был учителем’; ‘он был школьным учителем’. Лексема *учитель* не передает полностью значение слова *Studienrat* «*beamteter Lehrer an einer höheren Schule*».

Таким образом, переводчики по-разному решают проблемы, возникающие на основе национально-культурных различий. Однако в вопросе передачи элементов интертекстуальности, а именно ссылок на народные немецкие сказки, переводчики, как правило, используют культурологический комментарий: *Als einer der Jungen fragte, wie dieser Held geheißen habe, sagte ich: «Rübezahl»* ‘Один из слушателей спросил, как звали героя, и тут у меня вырвалось:

– Рюбецаль [популярный герой немецких сказок]’.

‘Когда один из мальчиков спросил, как звали этого героя, я сказал:

– Рюбецаль [ссылка на комментарий]’.

Nichts blinkte unten auf der Straße, obwohl alles hellerleuchtet war, kein Sternthaler zu sehn ‘На мостовой ничего не блеснуло, хотя улица была хорошо освещена; никаких «звездных талеров» [«Звездные талеры» – сказка братьев Гримм]’; ‘Внизу на улице ничего не блестело, хотя освещение было яркое, никаких звездных талеров я не увидел’. В данном примере Р. Райт-Ковалёва отказывается от комментария, полагаясь на общие знания читателя.

В романе присутствуют также денежные наименования (например, *der Grosche*), которые в процессе перевода конкретизируются, а также единицы, характеризующие быт немецкоговорящего населения. Интересным представляется пример: *Sie hatte einmal unserem Briefträger fünfundzwanzig Pfennige als Neujahrstrinkgeld gegeben* ‘Однажды она дала нашему письмоносу двадцать пять пфеннигов в качестве новогоднего подарка’; ‘Как-то она дала почтальону на Новый год двадцать пять пфеннигов на чай’. Лексема *Neujahrstrinkgeld*, не имеющая аналога в жизни русскоговорящих стран, передается описательным переводом.

Таким образом, в романе встречаются реалии и культуремы из различных сфер жизни человека. Некоторые из них характеризуют историческую эпоху, другие относятся к бытовой сфере, элементы интертекстуальности также имеют место. Реалии репрезентируют фрагменты языковой картины мира, которые должны отождествляться реципиентом вторичного текста со своей языковой картиной мира. Наиболее частотным способом перевода реалий является описательный перевод. Переводческий (культурологический) комментарий используется при передаче элементов интертекстуальности и народного фольклора. Следует отметить, что сравнение двух вариантов перевода не выявило однозначной тенденции по отношению к тому или иному типу реалий.

В заключение отметим, что сопоставление оригинальных и переводных произведений позволяет, с одной стороны, определить доминирующие способы перевода лексики, обладающей национально-культурным компонентом, а с другой – выявить точки соприкосновения и специфичность сравниваемых культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фурманова, В. П.* Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / В. П. Фурманова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1994. – 58 с.
2. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Р. Валент, 2009. – 360 с.

3. Böll, H. Ansichten eines Clowns [Электронный ресурс] / H. Böll // Электронная библиотека RoyalLib.Com. – Режим доступа : http://royallib.com/book/ll_einrich/Ansichten_eines_Clowns.html. – Дата доступа : 15.08.2016.
4. Бёлль, Г. Глазами клоуна [Электронный ресурс] / Г. Бёлль ; пер. Л. Чёрная // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа : <http://www.e-reading.club/book.php?book=129710>. – Дата доступа : 04.09.2017.
5. Бёлль, Г. Глазами клоуна [Электронный ресурс] / Г. Бёлль ; пер. Р. Райт-Ковалёва // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа : <https://www.e-reading.club/book.php?book=9967>. – Дата доступа : 04.09.2017.

К. И. Таунсенд (Москва, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ КАК ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ЭПОХИ

В эпоху Екатерины II переводам книг по гуманитарным наукам уделялось особое внимание. Описывая сферу читательских интересов императрицы, С. В. Королёв – исследователь истории Эрмитажной библиотеки в XVIII в. – отмечает, что, наряду с зарубежной драматургией и трудами архитекторов и гражданских инженеров, в собрании иностранных книг Екатерины II имелся «обширный комплекс разноязычных (...) документов государственного и гражданского права; последние должны были легализовать ее планы реформирования политической системы России» [1, с. 6]. Разноязычные сочинения и их переводы по теории и истории права составляли немаловажную часть специальной литературы на протяжении всего XVIII в. и оставили заметный след как в отечественной истории, так и в истории перевода в России.

В этой связи чрезвычайный интерес для исследования представляет перевод с английского подлинника, выполненный С. Е. Десницким, при участии А. М. Брянцева, под названием «*Истолкования аглинских законов г. Блакстона, переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской*», вышедший в 3 книгах в Университетской типографии у Н. Новикова в 1780 – 1782 гг. [2]. Этот перевод всемирно известного сочинения Уильяма Блэкстона «*Commentaries on the Laws of England*» [3] до сих пор не получил научно-критического описания и, как следствие, не введен в научный оборот языкознания и переводоведения. Тем не менее для современной науки о переводе этот русский текст представляет богатейший источник весьма интересных данных о стратегии русских переводчиков XVIII в. в передаче реалий и культурно-специфической информации, о мировоззрении и взглядах самого переводчика, отраженных в его примечаниях и оценочной лексике в тексте, о стилистических исканиях и испытании ресурсов национального языка в переводе.

В сфере юридической терминологии главное, что объединяет переводческие соответствия, это крайне малое количество устойчивых соответствий и очевидное преобладание окказиональных, что свидетельствует о недостаточности ресурсов языка перевода в указанной сфере. Окказиональные соответствия юридических терминов и терминов-реалий оригинала представляют собой весь спектр переводческих решений такого рода: заимствования, кальки, функциональные аналоги и описания. Однако нередко русский переводчик XVIII в. использует комбинированный подход, сочетая разные виды окказиональных соответствий: *the speaker of the house of commons* ‘спикер палаты общин’ – глаголатель парламентский, *Speaker, Спыкер*; *juries / a juror* ‘присяжные’ – Джурьы / Джурьыман или свидетели присяжные *судопроизводств*; *the sheriff* ‘шериф’ – шериф или воевода провинциальный; *coroners* ‘коронеры’ – корнери или сыщики, имеющие исполнительную и судебную власть. На наш взгляд, подобная практика прямого переноса иноязычного слова и его одновременного калькирования, заимствования или толкования объясняется этапом становления русского литературного языка в XVIII в., когда переводчик словно испытывал возможности родного языка, пытаясь вылепить из него слово по иностранной модели и предлагая читателям сравнить его творение с исходным образцом, чтобы оценить, насколько хорошо это получилось. Русский переводчик второй половины XVIII в. нередко выступал как «копиист, старающийся воссоздать в копии особенности и колорит оригинала» [4, с. 122].

В рассматриваемом переводе нами было обнаружено 38 примечаний, из которых только 6 соответствуют сноскам автора, а 32 являются добавлениями самого переводчика. Из указанных 38 примечаний 32 представляют собой постраничные сноски, 6 – внутритекстовые. Объем примечаний варьируется от нескольких слов до нескольких страниц текста. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что русский переводчик XVIII в. принимал живое участие в содержании иноязычного оригинала и рассматривал создаваемый им русский текст как свою трибуну публициста, филолога, просветителя.

Исходя из содержания, среди 38 примечаний мы выделили следующие группы:

– 15 примечаний посвящены описанию и объяснению реалий английской жизни;

– 10 примечаний связаны непосредственно с порядком изложения и содержанием самого текста оригинала;

– 7 примечаний представляют собой сугубо лингвистическое толкование отдельных слов, обозначающих какое-нибудь специфическое английское понятие либо контекстуально значимое наименование;

– 6 примечаний отличаются философско-публицистическим содержанием, в котором русский переводчик XVIII в. высказывает свою позицию по отдельным историческим, философским и общественным вопросам.

Самым интересным, выразительным и не лишенным самобытности среди лингвистических комментариев нам представляется пример, в котором русский переводчик XVIII в. излагает свои рассуждения об этимологии названия *dome-book or liber judicialis*, переданного в переводе как *судебник*, *Дом-бук по-аглински* с примечанием: *Дом-бук или Дум-бук происходит от саксонского слова «дом» или «дум», которое значит суд или приговор, и от которого в аглинском языке произошел и глагол to doot «ту дум», судить или думать. От сего в старинном русском языке, как то думать можно, назывались думными дьяками секретари, и думными боярами министры. А может быть сие слово и саксонцы от древних славян заняли* [2, кн. 1, с. 161]. Хотим отметить, что к таким этимологическим выводам в XVIII в. не следует подходить с современными критериями научной достоверности, возникшими через пару столетий в результате кропотливой систематической работы нескольких поколений и школ языковедов. Ценность подобных филологических рассуждений заключается в том, что они доносят до нас свидетельство лингвистических знаний эпохи и того живого интереса, который переводчик-просветитель проявлял к науке о языке.

Для современного исследователя примечания переводчика любого исторического периода представляют прежде всего документальное отражение мировоззрения, научной мысли и культуры того времени. И обращаясь к этому живому свидетельству эпохи Просвещения в России, мы пробуждаем интерес к неизвестным страницам отечественной истории, осуществляя тем самым связь времен и поколений переводчиков, филологов, патриотов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Королёв, С. В.* Книги Екатерины Великой: очерки по истории Эрмитажной библиотеки в XVIII веке / С. В. Королёв; под ред. П. А. Дружинина. – М. : Трутень, 2016. – 216 с.
2. *Истолкования аглинских законов г. Блакстона, переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. С подлинника аглинского: в 3 кн.* – М. : Универ. типогр. у Н. Новикова, 1780 – 1782.
3. *Blackstone, W.* Commentaries on the Laws of England / W. Blackstone. – Oxford, at the Clarendon Press, 1773.
4. *Николаев, С. И.* О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи (к постановке вопроса) / С. И. Николаев // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. – Сб. 15. – Л. : Наука, 1986. – С. 109–122.

КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. А. Басилая, Н. Н. Гаприндашвили (Тбилиси, Грузия)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ГРУЗИНСКОМ ГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

В печатных медиаматериалах и кинофильмах США, Японии, в странах Европы и в России прочно занял свою нишу комикс – «смежные рисунки и другие изображения в смысловой последовательности, предназначенные для передачи информации и/или для вызывания в читателе эстетического чувства» [1, с. 23]. В комиксологии сложились универсальные графические и текстовые нормы, для которых характерна «предрешенная смысловая сетка отношений» [2, с. 4–5] между визуальным действием и текстом. Рисунок в комиксе играет главную роль, а текст – подсобную: его минимальное вербальное наполнение ограничено рамками жанра, сокращающими текст до реплик персонажей и иногда кратких комментариев «от автора». Создатели комикса ориентируются на некий эталон, покрывающий и общую схему его композиции, и его постоянные и переменные составляющие, их последовательность и пространственное расположение. Общая схема композиции комикса определяется набором типовых сюжетов (см. об этом: [3]); выбранная содержательно-композиционная схема предстает перед читателем в привычных, постоянных стандартах оформления и раскрывается в стереотипах ее графического и языкового наполнения. В универсальном эталоне (матрице) комикса зафиксированы основные параметры его организации: набор содержательных элементов (сюжет, композиция изображений и специализированного текстового ряда), их последовательность и пространственное расположение. Необходимость передать в оригинальном визуальном нарративе ментальность носителей национального языка, специфику, обычаи несколько видоизменяют жесткий, фиксированный набор постоянных элементов содержания, представленный в универсальной матрице.

Первый грузинский комикс (вышедшие в 2016 г. два его выпуска «Амирани: Рождение легенды» [4] и «Амирани: Нападение каджей» [5]) вообрал в себя все давно сложившиеся стереотипные универсальные черты данного, по своему генезису американо-японского, феномена. В то же время универсальный комиксовый стандарт маркирован национальной спецификой в грузинском комиксе и в изобразительно-графическом, и в нарратологическом ракурсах.

В рамках стандартизированной комиксовой графики художник визуально отображает грузинские реалии: герои носят национальную одежду, их оружие – лук и меч, они сражаются среди заснеженных кавказских гор; у них традиционное грузинское жилище с открытым очагом в центре; на медальоне

супергероя выбито его имя на древнегрузинском языке, а на пряжке ремня – изображение «борджали», одного из древнейших грузинских символов солнца. Национальное начало в «концептуальном» пространстве комикса, созданного на материале грузинских мифов и легенд, ярко выступает в графическом изображении неприступных гор, скал, пропастей, бурных рек, воссоздающих реальный ландшафт Грузии.

Нарратологический ракурс грузинского комикса также пронизан национальной спецификой, поскольку в его основу положен миф об Амирани, настолько древний, что на металлических изделиях конца второго и среднего периода первого тысячелетия до н. э., обнаруженных археологами на территории Грузии, изображены его сюжетные композиции [6]. Можно сказать, что эти композиции представляют собой первый грузинский протокомикс. Сказание об Амирани, прикованном к Кавказскому хребту, вписывается в несколько стандартных комиксовых сюжетных линий, посвященных герою, который дерзает вступить в единоборство с Богом. С его именем связаны непримиримая борьба с тиранией, защита свободы. За богоборчество Амирани прикован к скале в пещере Кавказского хребта, где его печень постоянно клюет орел, а преданная Амирани собака лижет цепь, стараясь истончить ее. Однако ежегодно в четверг Страстной недели приставленные богом кузнецы обновляют цепь.

В образе Амирани отражены представления людей о герое-богоборце, спасающем свой народ от несправедливости и притеснений. Главная цель комиксов об Амирани – показать грузинским детям, что бороться со злом может и свой национальный герой.

В рассматриваемых комиксах отражено рождение и мужание Амирани, сына богини охоты Дали, о чем свидетельствуют божественные знаки луны и солнца на его плечах. В кадрах грузинского комикса отражены необыкновенные способности, которые Амирани проявляет еще в детстве: он несет на плечах огромное бревно; обгоняет скачущего во весь опор коня, летит, раскинув руки, с высокой горы в глубокую пропасть, гранит в его руке превращается в пыль. Эти черты Амирани предвосхищают его превращение в супергероя, описанного в статье Умберто Эко: «Супермен ... наделен сверхчеловеческими способностями. Его физическая сила практически безгранична. Он может летать со скоростью света и даже еще быстрее: тогда он преодолевает и временные барьеры – и может переноситься в другие эпохи. Простым сжатием руки он может нагреть кусок угля до такой температуры, что уголь превращается в алмаз <...> Он красив, скромн, добр и всегда готов прийти на помощь; его жизнь посвящена борьбе против сил зла ...» [7]. В первых выпусках грузинского комикса присутствуют универсальные знаки, характерные для рисованного нарратива, в частности, использование метафорических моделей отображения восприятия в графике (например, капли пота для общепринятого комиксового обозначения ситуации «страшно»), и идиоэтнические знаки, маркированные национальной принадлежностью.

В грузинском комиксе были выявлены и черты, отличные от стандарта, определенные использованием мифологических данных, отмеченных национальным колоритом (дар от Бога самой лучшей земли с повелением грузинам всегда защищать свою родину; рассказ старого грузина подросткам, приехавшим на экскурсию в горы, о любви охотника Дарджелана и богини охоты Дали, о ревности и мести его жены, погубившей Дали, о рождении божественного ребенка, которого Дарджелан, по завещанию Дали, оставил на перекрестке трех дорог, об его усыновлении бездетной парой). Графическое и нарративное отражение необыкновенных способностей Амирани также отмечено национальным колоритом.

Сопоставление нарративно-графических средств выражения в американских однотипных комиксах о суперменах и их героической борьбе с силами зла и в грузинском комиксе об Амирани выявляет глобальное сходство и индивидуальные различия в реализации разных вариантов соединения графических и словесных знаков в рамках адекватных комиксовых структур: в зависимости от вербальной национальной составляющей комикса и использования в них графических средств выражения стандартно универсальный тип нарративно-графических отношений, закодированный в комиксовой структуре, переходит в универсально-национальный тип.

ЛИТЕРАТУРА

1. *McCloud, S. Understanding comics / S. McCloud* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://scottmccloud.com/2-print/1-uc/>. – Дата доступа : 21.06.2017.
2. *Ванников, Ю. В. Типы научно-технических текстов и их лингвистические особенности / Ю. В. Ванников* – М. : Изд-во «Международные отношения», 1985. – 331 с.
3. *Чернявский, И. Комикстрейд. Гид по комиксам Fables / И. Чернявский* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://comicstrade.ru/2015/07/fables-guide/>. – Дата доступа : 21.06.2017
4. *Хомасуридзе, Н. Амирани – Рождение легенды. Комикс №1 / Н. Хомасуридзе.* – Тбилиси : Изд-во «Сакартвело», 2015. – 30 с.
5. *Хомасуридзе, Н. Амирани – Нападение каджей. Комикс №2 / Н. Хомасуридзе* – Тбилиси : Изд-во «Сакартвело», 2015. – 30 с.
6. *Чиковани, М. Грузинские сказания и легенды / М. Чиковани* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st001.shtml>. – Дата доступа : 21.06.2017.
7. *Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. с англ. и итал. С. Серебряного.* – СПб.: Symposium, 2005. – 502 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА
ГЕРОЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(на материале рассказа В. Короткевича «Белое пламя»)

Главный герой рассказа Владимира Короткевича «Белое пламя» Андрей Падкова родом из Беларуси. Он вспоминает *дом на беразе Нёмна* и *лугі Заходняй Беларусі*. Однако живет герой на Крайнем Севере: он занимается созданием школ для северных народов, переводом учебников на их языки и практически не имеет контактов с земляками. Таким образом, носитель одной картины мира попадает в непривычные для себя условия, и его картина мира, языковая в том числе, постепенно меняется.

Действие рассказа происходит в экстремальных погодных условиях, в регионе, где в культуре местных жителей значимым является концепт «снег». На основании известного примера Б. Уорфа о количестве наименований снега в языке эскимосов и отсутствии таковых в других языках можно предположить, что в тексте «Белого пламени» мы встретим большое количество слов, обозначающих разные виды и состояния снега. Анализ рассказа показывает, что встречающиеся в тексте лексические единицы которые можно отнести к семантическому полю «снег», весьма разнообразны. В качестве примеров приведем существительные *сняжынка*, *завея*, *наледзь*, *замець*, *лёд*, *занос*, *гурба*, *кілім*, причастия *занесены*, *заізелы*, прилагательные *снегавы*, *снежны*, *белы*, глагол *хрумстаць*. Однако для наименования элементов его картины мира главному герою Андрею Падкове достаточно белорусских слов – в тексте отсутствуют заимствования из языков северных народов. Отчасти это можно объяснить тем, что зима в Беларуси снежная и продолжительная, т.е. снег является достаточно значимым концептом, что находит отражение в языке. Возможно, это объясняется и тем, что главный герой еще не обладает такой развитой, как у жителей Крайнего Севера, способностью различать и, соответственно, называть виды снега.

Можно сказать, что в нашем случае значимость концепта «снег» в картине мира главного героя проявляется не только в разнообразии, но и в частотности слов, значение которых связано с ним, – описание погодных условий, снега и мороза занимает в тексте много места. Так, одно только слово *снег* встречается в тексте рассказа 25 раз, при этом 6 раз оно используется в форме множественного числа. Форму *снягі* мы интерпретируем как подчеркивающую вездесущность снега в картине мира героя. Примечательно, что даже одну из собак Андрея Падковы зовут *Сняжок*.

Особого внимания заслуживает восприятие главным героем цвета. Во-первых, в картине мира Андрея Падковы доминирует белый – прилагательное *белы* используется в тексте 15 раз, причем не только в сочетании со словом *снег*, хотя и относится практически во всех случаях к снегу, например, *мільёны белых пчол*, *белыя языкі*, *белы пакрой*, *белая падушка*,

и, конечно, *белае полымя*. Кроме слова *белы*, белизна обозначается синонимичными в рассматриваемом контексте или очень близкими по значению прилагательными *бледны* (*у гэтай краіне бледных снягоў*) и *сівы* (*сівая пара з ружовых вуснаў; сівы касмылёк валасоў*), а также глаголом *пасівець* (*пасівелі вейкі*).

Во-вторых, значимость белого в картине мира героя настолько велика, что в тексте даже выступает оппозиция *белый – не белый*, т.е. любого другого цвета, который может и не называться, например: *Падкова набачыў у кіламетры ад сябе гіганцкую стракатую пляму: вялізны табун аленяў или праз каляровае шкло акулераў бачыш ледзьве ўлоўную лінію небасхілу*. При этом *белый* для Андрея Падковы тождественен бесцветному, т.е. данную оппозицию можно иначе представить как *бесцветный – цветной*. Главный герой воспринимает окружающую его белизну как нечто бесцветное, с цветом у него ассоциируется только северное сияние. Так, рассматривая рисунки местных детей, он видит в них *тонкі каларызм, якому ў гэтай краіне бледных снягоў і размытых адценняў магло навучыць хіба толькі паўночнае ззянне з яго пералівамі чысцейшых фарбаў*. Именно в описаниях северного сияния в рассказе встречаются наименования ярких цветов, например, *смарагдавыя і малінавыя стрэлы паўночнага ззяння; нехта вялізны бавіўся, пускаючы ў неба рознакаляровыя дзіды. Яны варушыліся, перакрыжоўваліся, успыхвалі амеціставым, пранізліва-блакітным і чырвоным*.

При этом если цветом Севера у главного героя определенно выступает *белый*, то с Беларусью ассоциируются *зеленый* и *золотой*: *цягне туды, пад зялёныя гіганцкія дрэвы; плюнуць на ўсё, паехаць туды, дзе зялёныя дрэвы; верасы пад залатымі соснамі на Нёмне; залатыя лугі Заходняй Беларусі*.

Концепт «родина» представлен в рассказе в контексте размышлений о возвращении домой и воспоминаний главного героя, которые можно разделить на приятные для него и неприятные. К положительным образам, кроме *роднага дома на беразе Нёмна*, отнесем, во-первых, образы белорусской природы (*бусліныя шапкі ў шатах векавых дубоў, залатыя лугі, верасы пад залатымі соснамі на Нёмне, зялёныя дрэвы*), а во-вторых, такие элементы картины мира Андрея Падковы, как *струменьчык малінавага варэння, што паўзе з лыжачкі, и чмяліны мёд*. Примерами элементов с негативной окраской служат *гудкі загнаных цягнікоў, стрэлы ў натоўп, раздзёртыя крыкам ірты*.

Главный герой хотел бы вернуться на родину (*да болю часам хацелася туды, на залатыя лугі Заходняй Беларусі*), но не может этого сделать, т.к. туда *зараз усё адно не было дарогі*. Свою землю он представляет метафорами *чужая рабыня, мачыха яму, Андрэю Падкове*, что связано с вхождением территории Западной Беларуси в состав Польши: *Западная Беларусь зараз звалася шыпячым і брыдкім словам “крэсы”*. Эпитеты *шыпячы* и *брыдкі* выражают негативное отношение героя к термину *крэсы*, что, по нашему мнению, понятно, т.к. этот термин имеет экспансионистскую окраску. Примечательно, однако, что если один из эпитетов – *брыдкі* – это оценочное

прилагательное, негативная коннотация которого не зависит от контекста, то значение второго эпитета – *шыпячы* – приобретает негативный оттенок именно в данном контексте. В слове *крэсы*, к которому герой относит слово *шыпячы*, ни в белорусском, ни в польском языке шипящих звуков нет. Поэтому предположим, что герой характеризует не само слово, а польский язык, которому свойственно частое использование шипящих согласных, возможно, таким способом выражая негативное отношение к политике Польши в Западной Беларуси. Эта тема представлена и в разговоре с учительницей Антосей, которая оказалась в детском доме, потому что ее мать *палякі застрэлілі*.

Интересным лингвистическим средством представления картины мира Андрея Падковы являются сравнения, которые можно разделить на несколько категорий. Во-первых, ряд сравнений в рассказе «Белое пламя» служит средством уподобления реалий Крайнего Севера, в частности связанных с образом жизни чукчей, более понятным главному герою и белорусскоязычным читателям, белорусским реалиям. Например, в сравнении *цёмныя, добрыя, бы ў каровы, вочы* главный герой отмечает сходство глаз оленя с глазами привычной нам коровы; в сравнении *ездавья камчацкія лайкі, бялітасныя, як ваўкі*, собаки уподобляются обитающим в Беларуси волкам. О жителях Крайнего Севера Андрей Падкова говорит, что они *гасцінныя, як беларусы і рускія*, таким образом отмечая сходство этой черты характера с жителями Беларуси. К числу таких сравнений относятся также *твар стае чырвоным, як сасновая кара; пушыстыя, бы ў валёнках, лапы; вялікі, памерам са сподак для варэння, след; пахнучы дымам, як вэнджаны, вельмі гарачы чай; маленькая, падобная на сімпатычную шэранькую курачку; вузкія, нібы асакой прарэзаныя, вочкі*. Все перечисленные сравнения имеют белорусскую национальную окраску и выполняют функцию пояснения, прагматической адаптации, а кроме того, на наш взгляд, служат средством выражения ностальгии главного героя по родине.

Некоторые же сравнения имеют чукотскую национальную окраску, в чем проявляется определенная степень ассимиляции героем упоминаемых элементов картины мира чукчей. Так, например, в сравнении *ён трэція суткі ляжаў тут, пад снегам, як пясец* Андрей Падкова уподобляет себя северному животному. Описывая северное сияние, главный герой сравнивает его с персонажами чукотских народных легенд: *стрэлы пераліваліся, гулялі, бегалі і скакалі, як залатыя алені паўночных легенд*. Еще один персонаж рассказа, учительница из Беларуси Антося, описывает поезд как *вялізную, усю з жалеза, як лязо гарпуна, нарту*, используя чукотскую реалию *лезвие гарпуна*. Целевой аудиторией в данном контексте являются чукотские дети, чем и можно объяснить такое сравнение.

Кроме того, в тексте рассказа также встречаются сравнения, не имеющие национальной окраски и отражающие более общее, не являющееся национально-специфическим, восприятие героями окружающего мира, например, *шчырыя, як дзеці; яны былі Андрэю як браты; я тут зараз як у сваёй сям'і*.

Отметим также, что сравнение – это стилистическое средство, характерное не только для рассматриваемого произведения, но и для авторского стиля Владимира Короткевича в целом.

Н. М. Зуева (Мінск, Беларусь)

АКТУАЛІЗАЦЫЯ НАЦЫЯНАЛЬНАГА Ў МАСТАЦКАЙ ПРОЗЕ Л. КАЛЮГІ ПЕРЫЯДУ ССЫЛКІ

Творы Лукаша Калюгі (гады жыцця – 1909–1937) «Дзе косці мелюць», «Зэнка малы ніколі не быў», «Зоры Вам Вядомага горада» і раман «Пустадомкі» незавершаныя. Яны напісаныя ва ўмовах лагернага жыцця і ссылак, і таму маюць вялікае значэнне для беларускай літаратуры. Кожны з чатырох твораў Лукаша Калюгі дайшоў да сучаснікаў па шчаслівай выпадковасці. Напісаныя ў няволі творы надзвычай эмацыйныя, у іх адсутнічае традыцыйны сюжэт, выразная кампазіцыя, акрэсленая тэма і праблема.

Найбольш цэласным у плане сюжэтнай будовы твор, напісаны Калюгам за кратамі, – раман «Пустадомкі». Гэты твор ўдалося адшукаць Яўгену Лецку і апублікаваць у часопісе «Полымя» № 8 у 1990 годзе. Раман расказвае пра жыццё гарадскога студэнцтва, інтэлігентаў-мастакоў напачатку 1930 гадоў. Назва рамана «Пустадомкі» сімвалічная, яна мае вузкі сэнс. «Пустадомкамі» адчуваюць сябе ў горадзе інтэлігенты, якія выйшлі з сялян. Так, Марка, прачытаўшы братэрскі ліст, у якім той называе падобных сабе «пустадомкамі», меркаваў, «што гэна адно яны там, у гарадох, пустадомкамі парабіліся. А тут (не адно ў Шылавіч, але і ў вакулічнасці) яшчэ такія даматуры, што – проша прыехаць паглядзець!..» [1, с. 451].

Цэнтральнымі праблемамі ў рамане з’яўляюцца характар і абставіны, прыстасавальніцтва і бескампраміснасць, знішчэнне чалавека-гаспадара. Маральная немажоннасць калюгавага інтэлігента выяўляецца ў драматычных абставінах. У рамане «Пустадомкі» яскрава паказаны сыны Чугаеўскіх: Марка і Даніла. Першы застаўся пры бацьках на гаспадарцы, а другі – ужо каторы год жыве ў Мінску. Для абодвух сыноў выпрабаваннем на чалавечнасць з’яўляецца іх нечаканая высылка як кулакоў. Адзін з іх, Марка, паспяхова спраўляецца з гэтым выпрабаваннем, не аддзяляецца ад маці, а наадварот падтрымлівае як можа: *«Але быў пры ёй Марка – неадступны сын <...> У горы пазнаюцца лепшыя й горшыя дзеці. Марка ні на хвілінку не адступаўся ад мацеры»* [Там жа, с. 453]. Брат Даніла, «каменнае яго сэрца!» [Там жа, с. 454], не вытрымлівае экзамен, у той жа дзень уцякае першым цягніком, ратуе сябе. Пераможаным выходзіць з гэтай жорсткай праверкі і паэт Арсень Пакумейка, які паступова становіцца прыстасаванцам. У творы балюча і крыўдліва гучала туга па незваротнасці мінулых дзён, калі адышлі ў нябыт многія народныя святы і звычаі. Гэта, напрыклад, бачна, калі Даніла Невядомскі дасылае ліст брату Марку Чугаеўскаму: «Любы браце! Ты заўва-

жыў, што людзі кручаных дзён сіверынаю чуваць? Як бы ў чыстым полі, дзе адно дзікае лінялае неба было тупа звiсшы, раслі й гадаваліся яны» [1, с. 422]. Задума ж рамана значная, бо Калюга адным з першых пачаў пісаць пра непрыкаянасць чалавека, які нарадзіўся і вырас ў вёсцы, а жыве ў чужым горадзе: «Данілу дома чэрствы зрабіўся бацькаў хлеб – ён звалокся на свет шукаць крошак. І здавалася: чаго хацець?! – тымі крошкамі сыт быў Невядомчык. От толькі... каторы год, як у горадзе жыве, і ўсё няма тут нядзелі. Бокам абышлі й памінулі ягонае жыццё святочныя дні. Для Данілы марна і ў тыя нават гады падзяліўся каляндар на чорныя й чырвоныя лісты» [Там жа, с. 413]. Нездарма Даніла Невядомскі скардзіцца Марку на свой лёс: «Як пустадомкі туляемся каля чужых халодных вугоў. Ды калі й свой па ордэры завядзецца, у ім, не сагрэтым пакаленнямі, пуста і няўтульна, як у ваўкаўні» [Там жа, с. 422]. У процівагу праблеме «пустадомкавасці», адыходу ў незваротнае нацыянальных традыцый, у калюгавым творы шмат народазнаўчага матэрыялу, якім ён шчодро аздабляе свой мастацкі тэкст. Так, ужо ў якасці эпілога аўтарам узятая народная вясельная песня: «А ў нядзелю ды ранюсенька / Сіне мора калыхалася – / Сонейка купалася. / Купаючыся, ды затонула. / Там дзяўчынка ды воду брала – / Сонейка ратавала, / Ратуючы, ды сама ўпала. / – А мамачка, ды ратуй мяне / З глыбокага мора – / З вялікага гора» [Там жа, с. 404]. Калюга з вялікім майстэрствам дэманстраваў у сваім рамане ўсю разнастайнасць беларускіх народных свят і абрадаў. Так, ім апісана традыцыйнае святкаванне Вялікадня ў вёсцы, адлюстраваны царкоўны абрад асвячэння ежы: «Як выйшаў на дзядзінец з царквы поп з крапідлам ды развязаў Чугаеўчык сваё пасвянцаць...» [Там жа, с. 407].

У творы прыводзяцца яркія прыклады традыцыйнага абраду валачобнікаў: «А з нядзелі ды на панядзелак», як у іх таей песні п'яецца, хадзілі валачобнікі» [Там жа, с. 407]. Згадваюцца народныя песні, якія пелі валачобнікі: «– Адчыні акенца – паглядзі ў гуменца. / Ды твае двары тынам атынёны, / Тынам атынёны, садам асаджоны...» [Там жа, с. 408], або «– Вобад вісіць – калясо будзе... / Пазаві ў хату – харашо будзе» [Там жа, с. 409], пасля чаго гаспадарлівы чалавек павінен запрасіць у хату і пачаставаць асвечанай ежай: «Гарнец гарэлкі – то для пасядзенкі. / Сыр на талерку – закусіць гарэлку. / Парасё з хвостом ды цягні на стол, / Сем пар кілбас, дык і будзе з нас» [Там жа, с. 409]. Таксама даволі ярка і падрабязна апісваюцца зажынкi і дажынкi, згуртаваная праца жней, прыводзяцца ў прыклад іх прыгожыя песні. Напрыклад, «А ў нас сягоння ды зажон, зажон» – загаласіла аднаго разу надвечар шырокае поле» [Там жа, с. 423], або так: «хлусілі потым жнеі, зацемна дадому вярнуўшыся, калі хваліліся гаспадару: Змялі поле мяцёлкамі – / Прышлі дамоў з вясёлкаю, – бо не чыста на полі пасля іх стала, а пакінулі пры мяжы з тым заломам невялічкую лапіну» [Там жа, с. 447–448]. Згадваецца старадаўні беларускі звычай, калі дадому прыносілі першую «перавязаную жычкаю жменьку збажыны» [Там жа, с. 423] і ставілі на куце пад абразамі, і «ад тых дат і пачаў хрумстаць серп на палетку ...» [Там жа, с. 423]. Здаецца, што з-за недахопу часу Лукаш Калюга спяшаўся пакінуць

памяць пра здабыткі беларускай культуры, народныя традыцыі для наступнага пакалення. Таму далей у тэксце твора ён толькі пералічвае святы: «Там, па Вялікадні, як усеюцца і да касавіцы шмат будзе прыдатных свят: ушэсце, тройца, сёмуха, дзевятнік, дзсятуха...» [1, с. 441]. Письменник выдатна паказаў адносіны людзей да Бога і веру ў яго. Напрыклад, у гэта свята беларусы не дазвалялі сабе сварыцца: «...нашурмаваў бы Марка, дадому вярнуўшыся. Але гэты раз абышлося ціха, ды як ты будзеш распчынаць сварку ў такое вялікае свята – Вялікдзень, ды яшчэ на першы дзень!» [Там жа, с. 407]. У рамане «Пустадомкі» Лукаш Калюга рознабакова цэласна ахарактарызаваў свайго сучасніка-беларуса, у апісанні якога дамінавалі такія традыцыйныя рысы характару, як, напрыклад, вера ў наканаванае: «Але такі ўжо Невядомскіх лёс <...> паленаваўся паглядзець перад гэтым у сваю чорную кнігу, што ў ягоным лёсе напісана на гэтакі выпадак» [Там жа, с. 448]; гаспадарлівасць і шчодрасць: «Каго маці калі-небудзь збірала ў дарогу, парушэце прыемны ўспамін: <...> Скупасць не скаланула Пакумейчышынай рукі, калі яна спакавала Арсеню ў невялічкі куфэрак два сушаныя сыры, вантрабяную шкілёнду й танчэйшых вэнджаных кілбас дзве пары, ды да ўсяго гэтага сала сырога й абгатаванага па велікаватым куску. Не век жа людзі шылам елі пайкаваны хлеб!» [Там жа, с. 427]; міласэрнасць: «– Шчаслівае дарогі, – ласкавым словам выправіла іх з двара <...> Ну чым вам не родная маці?!» [Там жа, с. 428]. Бачыцца спроба маладога прэзаіка разабрацца ў гэндарнай псіхалогіі беларусаў той пары. Менавіта лінія каханьня паміж галоўнымі героямі рамана – Маркам і Стэфкай даюць уяўленне пра тое, што людзі адмоўна ставіліся да пазашлюбных сувязей, цнатлівасць заўсёды была ў пашане: «... абедзвюма рукамі каля плечукоў Стэфку [Марка] ашчарэпіў, прыхінуў да падушак. Тое самае прычынілася і здарылася гэта раз шмат такога, чаго доўга трэ было чакаць, каб яно само прыйшло натуральна й паступова» [Там жа, с. 439]. Вельмі паказальна ў рамане выяўляецца неабьякавасць герояў да чужога меркавання, яны баяцца «каб потым людзі пальцам паказвалі» [Там жа, с. 439]. У тэксце ўзгадваецца дасціпны народны гумар: «... як бы ні было крута, хай сабе горкі, але ўсё ж з нашым народам застаецца гумар» [Там жа, с. 454].

Змены, што адбываліся ў грамадстве, не перашкаджалі героям калюгавых твораў, а значыць і іх прататыпам – беларусам, верыць у сілы прыроды, народныя прыкметы: «Назаўтрае, на другі дзень Вялікадня, першы раз людзі пачулі зязюльку. <...> Ды нешта кукавала не вельмі: акажацца разоў колькі ды й сціхне» [Там жа, с. 411], або «... каб каласкі былі ў зямлю паўтыканы, то гэта было б на смерць, ато яны былі адно абломаны – на галодны год ды на ліхія пакуты, значыць. Стэфка паклікала жней да свае постаці на параду. Але знаўцу па гэтай часці сярод іх не знайшлося» [Там жа, с. 447]. Любоў і смутак па роднай старонцы аўтар рэпрэзентуе праз апісанні беларускіх вёсчак. Толькі ў выгнанні так па-мастацку дасканала, не шкадуючы выяўленчых сродкаў, паказваецца іх хараство: «Спрадвечныя крывічанскія вёскі – тыя ўсё каля рэчак, як статак у гарачыню. Сціснутца

яны, горш за тыя палахлівыя авечкі, – страху пры страсе. Абляпілі рэчкі, як мухі мёд. А выйдзі на загуменне... куды ні зірні, лесам край неба аблемаваны» [1, с. 408]. Менавіта актуалізацыя нацыянальнага ў рамане Калюгі дае адчуць «пустадомкавасць» больш зразумела, як атруту, што была прынесена часам.

ЛІТАРАТУРА

1. *Калюга, Л.* Творы: раман, аповесці, апавяданні, лісты / Л. Калюга; уклад., прадм. Я. Р. Лецкі. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 607 с.

Н. А. Каньшина (Мінск, Беларусь)

РЕКУРРЕНТНЫЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА

Специфика языка художественного текста заключается в индивидуальности стиля автора, для которого характерны своеобразные принципы отбора и включения в текст языковых единиц, определяемые личностью создателя, его художественно-образным восприятием, особенностью мировоззрения.

В художественном тексте происходит повторение – рекуррентность наиболее важных, в том числе концептуально значимых, смысловых моментов содержания. Благодаря этому художественная концепция автора, с одной стороны, получает возможность адекватного выражения в тексте; с другой – она закрепляется, подкрепляется и развивается в структуре воспринимающей мыслительной деятельности читателя. По мнению В. Е. Хализева, «Без повторов и их подобий («полуповторь», вариации, дополняющие и уточняющие напоминания об уже сказанном) словесное искусство непредставимо» [1, с. 263]. Многие лингвисты (М. П. Ионицэ, Б. Палек, Е. Агрикола) сходятся во мнении, что текст представляет собой совокупность семантических полей, объединяющих лексические единицы различных частей речи, имеющих общий рекуррентный лексико-семантический компонент (далее – РЛСК). РЛСК – это двукратное или многократное семное повторение в значении лексических единиц, вовлеченных в процесс формирования темы и смысловой организации текста.

На наш взгляд, анализ текста через выявление РЛСК заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, РЛСК, реализуясь в одно- или разночастеречных лексических единицах, позволяет варьировать и наращивать смысл, что способствует обогащению содержания художественного текста. Во-вторых, определяя конкретную семантическую реализацию совокупности лексических единиц, рекуррентный компонент обуславливает формирование актуального смысла, акцентируя при этом внимание на наиболее важных для автора деталях содержания, например:

Il y avait un peu de neige sur les sommets de montagnes et, au pied des montagnes, des uniformes rapiécés, un peu de bric et de broc: un bout de l'armée française, ressuscitée entre les morts. Nous venions de gagner une guerre que nous avions perdue et j'avais dix-sept ans [2, p. 14].

Так, глагол *gagner* 'победить, одержать победу' противопоставляется глаголу *perdre* 'проиграть, потерпеть поражение' в рамках одной рекуррентной цепочки: *Nous venions de gagner une guerre que nous avions perdue et j'avais dix-sept ans* 'Мы только что одержали победу в проигранной войне, и мне было 17 лет'. Однако актуальный смысл формируется благодаря выявлению семы *manque, défaut* 'отсутствие, недостаток, малое количество чего-либо', превалирующей в ряде лексических единиц: *il y avait un peu de neige sur les sommets de montagnes* 'было немного снега на вершинах гор', *au pied des montagnes des uniformes rapiécés* 'у подножья гор штопаные, латаные униформы', *un peu de bric et de broc* 'всего понемножку', *un bout de l'armée française ressuscitée entre les morts* 'небольшая часть французской армии, выжившая среди погибших'. Выявленная сема акцентирует внимание на потерях, которые повлекла за собой война: осталась только часть французской армии, выжившая среди погибших; не хватало обмундирования, и даже снега на горных вершинах было мало. Финальным моментом служит конструкция *j'avais dix-sept ans* 'мне было 17 лет', в которой также имплицитно выявляется сема *manque, défaut*, указывающая, что участник военных событий не достиг совершеннолетия. Благодаря данной семе формируется двойной смысл: победа в войне ассоциируется не с радостью, а с горестью утрат и потерь.

В следующих рекуррентных цепочках К. Симон через восприятие персонажа не только изображает войну, но и выражает свое отношение к ней:

... le dégoût, la répulsion, la simple répugnance: cette pouillerie de la guerre: l'herbe souillé des fossés, ces relents de caoutchouc brûlé, ces morts, ces détruits ... Et cela : que d'un instant à l'autre il allait lui arriver cette chose sale, brutale : d'être jeté à bas de son cheval par une balle ... Et alors la chute, le sang, la poussière où il roulerait..., son impassible visage transformé tout à coup en cette chose impudique et indécente : une ordure simplement, comme il pouvait en voir dans les fossés à droite et à gauche de la route, et sur laquelle les mouches se précipiteraient..., le sang bientôt non plus rouge, mais simplement d'un brun noirâtre, croûteux, son élégant uniforme déchiré, souillé de cette déjection, comme un enfant se barbouille de ses excréments ; sans compter le laisser-aller, le grotesque des cadavres par la mort violente [3, p. 191–196].

Центральная тема творчества Клода Симона – война, постоянная борьба человека с тем, что уничтожает сам принцип его существования. Через множество рекуррентных цепочек, содержащихся во внутренних монологах персонажей, К. Симон изображает войну. Она (*la guerre* 'война') вызывает отвращение (*le dégoût* 'отвращение', *la répulsion* 'гадливость', *la répugnance* 'омерзение' – общая сема *le sentiment de dégoût* 'чувство омерзения'), приводит к смерти (*ces morts* 'эти мертвые', *ces détruits* 'эти поверженные', *des cadavres* 'трупы' – сема *la mort* 'смерть'), имеет тошнотворный запах

нечистот (*cette déjection* ‘испражнения’, *ses excréments* ‘экскременты’ – сема *le déchet* ‘отходы’). У нее есть свой особый цвет – грязи (*chose sale* ‘грязная вещь’, *la poussière* ‘пыль’ – общая сема *l’absence de pureté* ‘отсутствие чистоты’). Особенностью примера является одновременное взаимопересечение и противопоставление рекуррентных цепочек. Ключевым моментом является конструкция в ближайшем будущем времени – *futur immédiat* (*il allait lui arriver* ‘может с ним произойти’), указывающая на то, что все описанное еще не произошло, а персонаж только предполагает и предвидит события, которые могут случиться в ближайшее время – возможную собственную смерть от выстрела – *d’être jeté à bas de son cheval par une balle*. Благодаря этому прослеживается другая цепочка, имеющая общую сему *transformation, changement* ‘трансформация, изменение’, где противопоставляется настоящее время (то, что существует сейчас) тому, что может измениться в ближайшем будущем (глаголы употреблены в формах ближайшего будущего времени и будущего в прошлом (*il allait arriver, roulerait, précipiteraient*)). И, как следствие, противопоставляются «существующие» признаки субъекта «измененным» (*son impassible visage transformé tout à coup en cette chose impudique et indécent: une ordure simplement* ‘безучастное лицо внезапно превратится в неприличное, неподобающее: просто в отходы’, *son élégant uniforme déchiré* ‘элегантная военная форма в изорванную’, *le sang bientôt non plus rouge, mais simplement d’un brun noirâtre* ‘красная кровь вскоре приобретет черно-коричневый оттенок’, *ces morts* ‘эти мертвые’ превратятся в *le grotesque des cadavres* ‘изуродованные трупы’ и т.д.). В данном примере, где каждая деталь значима, автор пытается вызвать чувство отвращения и ужаса перед войной. Через восприятие персонажа, присутствовавшего на поле боя, К. Симон не только выражает ту силу ощущений, которую испытал персонаж, столкнувшись с ужасом войны и ее угрозой, но и адресует свой посыл людям о необходимости предотвращать войны.

Таким образом, на явлении рекуррентности, реализующемся за счет РЛСК, строится полноценная художественная коммуникация. С точки зрения автора, развитие текста посредством РЛСК направлено на его творческий потенциал и активность мыслительного процесса по подбору адекватных лексических единиц для вербализации личностного смысла. С позиции читателя РЛСК является актуализатором смысла автора, передачи индивидуальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 1999. – 397 с.
2. D’Ormesson, J. Une fête en larmes / J. d’Ormesson. – Paris : R. Laffont, 2005. – 307 p.
3. Simon, C. Histoire / C. Simon. – Paris : Éd. de Minuit, 1967. – 402 p.

ПОНИМАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ЕГО РЕЦЕПЦИИ

Художественный текст, созданный выдающимися мастерами слова, обладает некоторой автономностью по отношению и к его автору, и читателю. Время и литературная мода также накладывают отпечаток на возможности интерпретации, которые заложены в этом тексте. Нечасто случается так, что квинтэссенция художественного произведения выражается одной ключевой фразой, которая определяет как его сюжетное развитие, так и его концепцию. В трагедии В. Шекспира «Макбет» такой фразой становится *fair is foul and foul is fair*, которую в макроконтексте трагедии можно перевести как ‘добрые поступки могут привести к дурным последствиям и, наоборот, дурные поступки могут быть обращены на пользу человеку, если он раскаивается в содеянном’. Как показывает проведенное исследование, эта фраза применима, прежде всего, по отношению к главному герою трагедии и отражает его постепенную деградацию с утратой нравственных ценностей. Видимо, такое развитие событий приводит исследователей к мысли о том, что эта трагедия христианская в своей основе. На это указывает и лексика: мир назван христианским, король – Помазанником Божьим.

Однако трудно охватить содержание этой фразы в ее целостности. В ней, на самом деле, две полноценные составляющие. *Fair* ‘добрый, честный’ – это Макбет в начале жизненного пути. Он – отважный военачальник. Вступив в схватку с изменниками, поднявшими мятеж в королевстве, он выходит победителем. Но «семя тли» – непомерное тщеславие – вызрело в его душе и в конечном итоге привело к гибели. Потеряв надежду на престол, так как король Дункан выбирает в качестве преемника своего старшего сына, Макбет задумал страшное злодеяние – убийство короля. По сути своей Макбет не убийца, и, если бы не подстрекательство супруги, возможно, он бы никогда не решился на это. Его терзаниями наполнен весь первый акт трагедии. Но черное дело сделано, и оно положило начало череде всех других преступлений, совершенных в трагедии. Сам Макбет признается, что он отдал свою душу врагу рода человеческого. На этом этапе своей жизни Макбет еще осознает убийство короля как злодеяние и терзается содеянным: *and mine eternal jewel / Given to the common enemy of man* ‘и я навечно отдал свой драгоценный камень (душу – Н. К.) врагу рода человеческого’. Но в слепящем блеске короны бледнеет невинно пролитая кровь. Однако при всей тяжести убийства Макбет пока еще остается христианином.

Тогда как же понять вторую часть ключевой фразы *foul is fair*? Думается, что она отражает восприятие Макбетом своих деяний после того, как он совершил преступление и в нем не раскаялся, как отпадение от

христианского мира. Кульминацией становится его разговор с наемными убийцами, которых он убеждает убить благородного Банко, догадывающегося о совершенном Макбетом злодеянии. «Банко, – уверяет нанятых убийц Макбет, – притеснял вас и пустил по миру, а потому вы только отомстите ему за то зло, которое он совершил». Чувствуя, что они колеблются, он спрашивает: *Are you so gospel'd / To pray for this good man?* ‘Неужели вы так следуете евангельским заповедям и молитесь за этого мужа?’ Так Макбет искушает этих несчастных и провоцирует их на преступление. И хотя он произносит *God be with you!* – это лицемерие. В убийцах живет дьявольский дух (*to spite the world*), кому как не Макбету этого не знать. Когда те отвечают ему: *We are men, my Liege* ‘Мы обыкновенные люди’, – самозванец взывает к их решительности и мужественности. Этим приемом небезуспешно пользовалась леди Макбет. Устав от совершенных преступлений, он желает разрушения всего мира. Таким образом, *fair* оборачивается другой своей стороной – *foul* ‘злой, бесчестный’.

Рецепция этой трагедии претерпела существенные изменения как в английском, так и в отечественном литературоведении. Эволюцию взглядов на концептуальную составляющую вплоть до XX в. можно проследить в Арденовском издании «Макбета» [1]. Отметим, что современники Шекспира не подчеркивали ее христианское содержание. Навязывая читателям собственные представления, они в значительной степени исказили ее смысл. По мнению современных исследователей, мы бы получили «чрезвычайно бедное представление о Шекспире, если ли бы заключили себя в мир современных ему теоретических концепций» [2, с. 6].

Более поздние исследователи устанавливали связь некоторых высказываний в «Макбете» с текстом Женевской Библии, которой, по мнению многих, пользовался Шекспир. В XX в. К. Честертон и У. Х. Оден уже писали о «Макбете» как самой христианской трагедии Шекспира.

В советский период ее рассматривали как «преступление и наказание», «борьбу с тираническим режимом», выдвигая на первый план сюжетные перипетии. Но даже в это время известный исследователь Шекспира А. А. Аникст признавал, что под видом ведьм в трагедии выведены бесы [3]. Современное отечественное шекспироведение мало внимания уделяет этому аспекту исследования, между тем как концепция этой трагедии формируется именно в контексте христианской культуры и связана с таким аспектом ее как сотериология, то есть учение о спасении души.

Foul is fair становится новой жизненной философией Макбета. Как прежде ведьмы, так теперь он сам выступает как искуситель, подвергает сомнению справедливость Евангельской истины «Не убий!» С этой минуты он стремительно несется к своей гибели не столько телесной, сколько духовной. Доверившись року, он гибнет навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shakespeare, W. Macbeth* / W. Shakespeare / ed. by Kenneth Muir. – London : Methuen & Co, 1957. – 207 p.
2. *Манн, Ю. В. Динамика русского романтизма* / Ю. В. Манн. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 384 с.
3. *Шекспир, У. Макбет* / У. Шекспир. – М. : Искусство, 1960. – 110 с.

Н. В. Копытко (Минск, Беларусь)

КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФЕНОМЕНА ПАМЯТИ В РОМАНЕ Д. КЭРОЛ ОУТС «ЧЕЛОВЕК БЕЗ ТЕНИ»

Современная американская писательница Джойс Кэрол Оутс (Joyce Carol Oates, род. в 1938 году) – автор более пятидесяти романов, новеллист, драматург, поэтесса, литературный критик, член Американской академии искусств. Ее произведения популярны у читателей всего мира, так как она умело облачает в образно-символическую форму страхи, тревоги и сомнения человека, живущего на рубеже тысячелетий. Осмысливая переживания отдельной личности в контексте социально-исторических перемен, Дж. К. Оутс обращается к эксперименту в области социально-психологической прозы. Вступая в активное взаимодействие с поэтикой современной литературы, традиционные жанрово-стилевые особенности психологической прозы, используемые писательницей, трансформируются и способствуют более полному раскрытию черт объективной действительности новейшего времени.

Художественный мир Дж. К. Оутс самобытен и обширен. Посредством многочисленных аллюзий ее произведения соединены с пространством мировой литературы. Чтобы понять причины событий, происходивших в XX веке, писательница исследует скрытую временем область исторического прошлого, а сумрачные сферы мистики, воссоздаваемые на страницах ее книг, позволяют читателям постичь смысл тех проявлений психической жизни, которые в реальности остаются за гранью восприятия и понимания.

Талант и писательское мастерство Дж. К. Оутс признаны как в США, так и далеко за их пределами. Об этом свидетельствует ряд престижных литературных премий и наград, которыми отмечены многие произведения писательницы. Среди них – Национальная книжная премия (1970), многочисленные премии О. Генри за достижения в области прозы малой формы, две премии Брэма Стокера за успехи в жанре готической литературы и премия «Фемина» (2004), присуждаемая Французской академией искусств за лучший зарубежный роман. Романы, рассказы и новеллы Дж. К. Оутс переведены более чем на 20 иностранных языков, в том числе на бело-

русский. Данные переводы переиздаются, и с каждым годом известность писательницы растет. Этому также способствуют интервью, публичные лекции и встречи с читателями, которые организует Дж. К. Оутс, путешествуя по всему миру [1].

В своих произведениях Дж. К. Оутс рассматривает проблемы исторической и индивидуальной памяти, национальных различий, анализирует влияние географических факторов на сознание и картину мира представителей разных континентов. Изображая действительность в ее многоликих проявлениях, писательница постоянно указывает на то, как тысячами невидимых нитей жизни отдельных людей связаны с судьбами всего мира.

В романе «Человек без тени» (*The Man Without a Shadow*), опубликованном в 2016 году, Дж. К. Оутс повествует о жизненных перипетиях нейробиолога Марго Шарп (Margot Sharpe) и ее пациента Илайхью Хупса (Elihu Hoopes), который страдает антероградной амнезией и способен сохранять в памяти лишь события последних 70 секунд.

Роман открывается загадочным эпиграфом, который представляет собой цитату из записей Илайхью и гласит: «Ужасно не уничтожение. Ужасно путешествие». Именно об «ужасах» своеобразного путешествия героев длиною в 31 год и идет речь в этом произведении.

Илайхью Хупс – потомок одного из влиятельных семейств Филадельфии. В юности он был непримиримым борцом за демократические права и справедливость. Позже он становится преуспевающим биржевым брокером с блестящими перспективами. А в 37 лет, когда он в одиночку путешествует по живописным окрестностям озера Лейк-Джордж (штат Нью-Йорк), расположенного у юго-восточного подножья горного хребта Адирондак, с ним происходит несчастный случай. Его последствия необратимы: функции краткосрочной памяти Илайхью серьезно нарушены. Он переносит сложную операцию на мозге, целью которой было остановить разрушительное влияние вируса энцефалита, попавшего в его организм вследствие укуса инфицированного комара. В результате чего Илайхью теряет краткосрочную память, и его будущее превращается в бесконечное настоящее, каждый отрезок которого длится всего 70 секунд.

Родственники Илайи дают согласие на то, чтобы сотрудники ведущей лаборатории памяти Института нейробиологии при Школе медицины Пенсильванского университета изучали механизмы его памяти путем ежедневного тестирования мнемических способностей. Таким образом, он становится своего рода подопытным кроликом для ученых-нейробиологов, работающих под руководством знаменитого доктора Милтона Ферриса, которые систематически проводят мнемические эксперименты, тщательно исследуя реакции и ответы Илайхью Хупса.

Двадцатичетырехлетняя аспирантка Милтона Ферриса Марго Шарп считает самой большой удачей в своей жизни то, что ей посчастливилось работать с таким испытуемым, как Илайхью Хупс, который, несмотря на свои многочисленные записи и карандашные наброски, не может запомнить

никого из тех, кого встречает впервые. Неслучайно поэтому он приветствует всех, включая и тех, кого встречал прежде, дружелюбным *hello* – так, как если бы он видел их в первый раз. Что касается большинства членов его семьи, они предпочитают не вспоминать о нем, оставив его почти полностью на попечении пожилой тетушки Лусинды Мейтсон.

Можно предположить, что со времени трагедии картина мира Илайхью перестает актуализироваться. Она словно застывает, что на уровне языка романа выражается «с помощью грамматических форм настоящего времени, которые автор использует на протяжении всего произведения» [2, р. 3]. В какой-то момент Марго Шарп думает об Илайе Хупсе как о «человеке без тени», сравнивая его с путником, «блуждающему кругами по сумеречному лесу» [3, р. 16]. Посредством памяти происходит постоянная актуализация картины мира, которая «представляет собой создаваемый человеком и удерживающийся в его сознании субъективный образ объективной реальности» [4, с. 196]. Таким образом, становится понятным основание для подобной аналогии – феномен отражения.

Илай постоянно думает о прошлом, поскольку его воспоминания о годах, предшествующих времени трагедии, отличаются четкостью и полнотой. Многие из его карандашных набросков изображают загадочную фигуру одиннадцатилетней девочки, лежащей на дне неглубокого ручья недалеко от озера Лейк-Джордж. С эскизами Илайи и его навязчивыми мыслями об этой девочке (его кузине по имени Грэтхен), которые выделены в тексте романа курсивом, в композиционную структуру произведения органично включается еще одна сюжетная линия (детективная), связанная с невыясненными обстоятельствами ее исчезновения, о котором семья Хупсов предпочитает умалчивать. Дж. К. Оутс преднамеренно создает у читателей ощущение того, что Илай как-то причастен к убийству Грэтхен. Однако для них так и остается тайной, стал ли главный герой невольным свидетелем последствий этой трагедии либо ее виновником.

Таким образом, картина мира, представленная на страницах романа, отличается сложностью и многоаспектностью. Она по сути своей диалогична, поскольку основана на мировосприятии двух персонажей, которые, выполняя разные социальные роли, в какой-то момент становятся звеньями одной цепи. Судьбы исследовательницы Марго Шарп и ее испытуемого Илайхью Хупса тесно переплетаются: Марго добивается значительных успехов благодаря изучению его случая и в то же время эмоционально настолько привязывается к Илайе, что остается с ним на протяжении 31 года. Однако ирония их отношений в том, что «*she meets him, she falls in love. He forgets her*» [3, р. 1]. И так продолжается вплоть до смерти Илайхью. Тщательно исследуя причудливые лабиринты памяти, Дж. К. Оутс заставляет нас задуматься о ее значительной роли в формировании картины мира, о глубоко субъективном характере этого психического феномена и о том, что представляет собой память: прошлое в настоящем или настоящее в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. LaSota, C. The Terms of the Experiment : An Interview with Joyce Carol Oates / C. LaSota // Electric Literature [Electronic resource]. – Mode of access : <https://electricliterature.com/the-terms-of-the-experiment-an-interview-with-joyce-carol-oates-286fe2c135e7>. – Date of access : 08.10.2017.
2. Anderson, E. K. Review of Joyce Carol Oates's *The Man Without a Shadow* / E. K. Anderson // Bearing Witness: Joyce Carol Oates Studies. – 2016. – Vol. 3. – Article 1. – P. 1–3.
3. Oates, J. C. *The Man Without a Shadow* / J. C. Oates. – London : Fourth Estate, 2016. – 371 p.
4. Исхакова, Р. Ф. Роль памяти в формировании языковой картины мира (на материале английского языка) / Р. Ф. Исхакова // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. – 2009. – Вып. 3. – С. 196–201.

И. Л. Поражинская (Минск, Беларусь)

СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЕЛИНЕК

Эльфрида Елинек (Elfriede Jelinek, 1946) – одно из самых известных имен в современной австрийской литературе. Творчество Э. Елинек является предметом исследования во всем мире, но писательницу не любят в Австрии за радикальность ее взглядов и неподкупность манеры изображения.

Писательница Э. Елинек имеет репутацию скандального автора прежде всего у себя на родине, в Австрии, так как ее творчество, ломающее представления критиков и ожидания читателей, не оставляет никого равнодушным потому, что она изображает греховную изнанку бытия.

Многие критики были в корне не согласны с тем, что Нобелевскую премию вручили стороннице феминизма, принадлежавшей в прошлом к коммунистическому движению, писавшей в духе экспериментальной литературы поп-арта и постмодернизма на языке, вызывающем отторжение и оголявшем наиболее болезненные проблемы современного общества. Хотя Елинек к тому времени написала более 30 произведений, а пьесы завоевали немецкую и австрийскую сцены, ее разоблачающая сатира, агрессивный стиль подачи материала, неприкрытая жесткость изображенного, непримиримость в манере изложения, острая тематика не способствовали благосклонности со стороны читателей и критиков. Но в то же время невозможно отрицать, что ее произведениям присущи в духовном смысле типично австрийские черты.

В центре повествования каждого произведения Эльфриды Елинек находится один или несколько смертных грехов. Смертными грехами считаются гордыня, зависть, чревоугодие, похоть, гнев, алчность и уныние.

Гордыня приводит к краху главную героиню романа «Пианистка» («Die Klavierspielerin», 1983). Писательница показывает жизненный треугольник, гранями которого являются: главная героиня Эрика, ее мать и влюбленный в Эрику студент. Сложные мучительные отношения показаны бескомпромиссно. Э. Елинек рисует жизнь Эрики под тяжким диктатом матери. Материнская инстанция полностью вытеснила отцовскую инстанцию. Мать с детства прививала дочери идею избранности: она родилась, чтобы стать великой пианисткой. Гордыня приводит к неизбежному краху надежд: как матери, так и дочери. На примере пианистки Э. Елинек показывает процесс культурной маргинализации личности.

Роман, опубликованный только в интернете, на личной странице Эльфриды Елинек, под названием «Зависть» («Neid»), сопровождается картиной семи смертных грехов, изображенных Иеронимом Босхом. Эльфрида Елинек мастерски играет греховными страстями. Ирония автора заключается в том, что с веб-страницы категорически запрещено цитирование, к неприкрытой зависти критиков.

Роман «Похоть» («Lust») (слово *Lust* имеет в немецком языке несколько значений, таких как ‘удовольствие’, ‘потребность’, ‘увлеченность’, ‘страсть’, ‘желание’, ‘радость’, ‘склонность’, ‘похоть’) вышел в свет в 1989 году и открыл новый постмодернистский период творчества писательницы. С самого начала Э. Елинек выбирала для разработки неудобные темы. Сюжеты у нее нетрадиционные, изложение скачкообразное, фрагментарное, фиксированное на повторах, аллюзиях, пародировании. Для писательницы не существует табу. В центре повествования два смертельных греха, таких как похоть и чревоугодие. Описываемый автором мир романа страшен. Сюжет представляет собой результат процветания идеологии общества потребления.

Гнев нашел свое отражение в романе «Перед закрытой дверью» («Die Ausgesperrten», 1980). Писательница показывает банду подростков, пытающихся обратить на себя внимание. Герои в романе изменяются, взрослеют, познают мир, но не развиваются духовно. Свое несогласие, неприятие действительности они выражают через насилие: грабежи, нападения и попытки подложить бомбу. Деструктивное начало коллективного бессознательного предстает как корень зла. Сюжет основан на реальных событиях, на документах, свидетельствующих об ужасном убийстве семьи Вундерер учеником из Вены в 1950-ых гг. Соотношение вымысла и фактов писательница использовала для придания произведению убедительности.

Агрессивно настроенные молодые люди пытаются в этом произведении изменить общество своими анархистско-революционными идеями и поступками – это тема, которая часто встречается и видоизменяется у Э. Елинек. От романа «Мы только пестрые бабочки, детка!» («Wir sind Lockvögel, Baby!», 1970) до драмы «Ульрика Мария Стюарт» («Ulrike Maria Stuart», 2006) она прослеживается в разных ракурсах.

В качестве названия для своего очередного романа Э. Елинек выбрала слово, передающее еще одно негативное качество человека, которое проявляется в социуме. Она не склонна заблуждаться относительно свойств

личности. Ее позиция представляется скорее циничной, чем гуманной. И все же писательница именно из соображений гуманизма анализирует причины, делающие человека злым и жадным. В романе «Алчность» («Gier», 2000) автор показывает, как стремление к наживе воспитывается властными структурами. Особенно это качество, с точки зрения писательницы, свойственно мужчинам. Ведь если для женщины сексуальные отношения – это залог любви и счастья, то с точки зрения мужчины – это путь к манипуляции женщиной, подчинения ее себе. Но конечной целью для него в западном обществе является ее имущество, денежные сбережения, недвижимость.

Жестокость вследствие алчности играет роль повсеместно принятого стереотипа современной культуры: как в политике, так и в семье. Э. Елинек не обещает читателю, что что-то может измениться в лучшую сторону. Автору необходимо, чтобы каждый сам для себя нашел ответ на вопрос, как справиться с глупостью, жадностью и накопительством, как выжить в патриархальном обществе с искаженными ценностями.

Подвергая рассмотрению мотивы человеческих взаимоотношений, художник слова создает в романе «Алчность» сложные сюжетные схемы, в которых переплетаются изображаемые акты человеческой жизни и психики, картины бытовой действительности, заранее наделенные автором отрицательной оценкой. Сарказм пронизывает размышления автора о духовной деградации человека, об эгоизме, алчности, женоненавистничестве. Автор сожалеет о загубленной молодости главной героини (ее зовут Габи Флюх). Непонимание, отчуждение, безразличие, смерть – таковы вехи духовного развития всех характеров. В конфликте, положенном в основу романа, выражена вечная борьба полов, общественные и антиобщественные, нравственные и безнравственные противоречия между традиционным взглядом на женщину и ее стремлением к обладанию правами. Морально-этические и социальные конфликты определяют проблематику книги. Жизненная правда произведения состоит в том, что в современном западном обществе не человек, а собственность составляет смысл бытия. Исключительно с собственностью соотносятся жизненные позиции героев, их оценки, статус в обществе. Собственность оказывается неотъемлемой частью самооценки человека и его значимости в капиталистическом обществе.

Автор сосредотачивается на судьбе главных героев (Герти Зингер, Габи Флюх, Курта Яниша), на их отношениях, на становлении и развитии их характеров. Роман включает развернутую картину современных общественных нравов, социальных условий, драматический сюжет, где динамика перипетий сочетается с динамикой внутренней (психологической), дополненной сатирическим пафосом. Постоянное присутствие автора, насмешливое отношение к героям, грубоватые шутки, эксцентричные выпады, игра с читателем придают критический пафос повествованию. Герои тонут в болоте мещанства, алчности, ненависти, презрения. Желать любви в изображенном писательницей обществе бесполезно, мечта о счастье тщетна, социум, его властные структуры определяют взаимоотношения, а жестокость (особенно к женщине) – повсеместно принятая норма.

И, наконец, уныние можно обнаружить в каждом произведении австрийской Нобелевской лауреатки. Художественные произведения Э. Елинек иллюстрируют восприятие писательницей действительности *ex negativo*. В эстетике автора центральное место занимает категория безобразного, за которой в духе Г. Э. Лессинга признается право показа в искусстве. Критически воспринимая окружающий мир, писательница фиксирует внимание исключительно на негативных чертах современного общества. Как следствие, у нее отсутствуют положительные характеры и перспективы положительного исхода ситуации.

В конфликтах, изображенных Э. Елинек, нашли выражение вечная борьба нравственного и безнравственного. Беспринципность социальной практики приводит характеры писательницы к духовному оскудению.

Т. А. Рохлина (Рязань, Россия)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЗМА В НЕМЕЦКОМ ШВАНКЕ

Тексты, отражающие проявления смеховой культуры, несомненно, заслуживают внимания культурологов, филологов и лингвистов: их языковое оформление дает представление о некоторых национальных особенностях мировосприятия, о том, над чем и как смеялись предыдущие поколения. Наш интерес направлен на яркий, самобытный для немецкой культуры и малоизученный литературный жанр – немецкий шванк. Он представляет собой короткий шуточный рассказ, в котором представлен комический конфликт и изображены некоторые социальные типы (крестьянин, священник, адвокат) или отрицательные персонажи (глупец, хвостун), которые обводят друг друга вокруг пальца, ставят в неудобное положение или высказывают мудрое мнение [1, S. 423]. Персонажи шванка противопоставлены друг другу как победитель и побежденный [2, S. 138] (в нашей интерпретации – как обманывающий и обманутый персонажи).

С одной стороны, шванк обладает национально-культурной спецификой, с другой стороны, он является последователем соответствующих французских (фаблио) и итальянских (фацетии) жанров, что позволяет включить и рассматривать шванк в контексте западноевропейской смеховой культуры и западноевропейской картины мира XV–XVI вв.

С позиций современника язык шванков не кажется остроумным, но именно этот язык является незаменимой составляющей жанра. Язык шванков и комический эффект становились предметом исследования зарубежных (В. Дойферт, Э. Мозер-Рат, З. А. Нойманн, Н. Нойманн) и некоторых отечественных (Б. Пуришев, И. В. Десятникова) исследователей. В имеющихся работах исследуются литературоведческий и лексико-стилистический аспекты выражения комизма, грамматическая же сторона, будучи не столь

ярко выраженной, остается до сих пор вне фокуса внимания лингвистов. В нашем исследовании мы обратились к изучению шванков с позиций грамматики текста и сосредоточили внимание на референтной структуре текстов шванков.

В текстовых референтах находят воплощение темы и образы немецких шванков. В качестве основных референтов выступают персонажи, обозначаемые посредством указания профессии/рода деятельности (*der Wirt* ‘хозяин’, *der Pfaffe* ‘поп’, *der Diener* ‘слуга’ и т.д.); социального положения (родственных связей) (*der Sohn* ‘сын’, *die Tochter* ‘дочь’, *der Edelmann* ‘аристократ’ и т.д.) и федральной земли/региона проживания (*der Bayer* ‘баварец’, *der Schwabe* ‘шваб’, *der Sachse* ‘саксонец’). В качестве второстепенных референтов выступают персонажи и предметы, с которыми взаимодействуют персонажи: предметы обихода (*das Bett* ‘кровать’, *das Geld* ‘деньги’, *die Kleider* ‘одежда’ и т.д.); еда и напитки (*die Eier* ‘яйца’, *das Brot* ‘хлеб’, *der Trunk* ‘напиток’ и т.д.); религиозные понятия (*das Kruzifix* ‘распятие’, *Gott* ‘Бог’, *die Kirche* ‘церковь’ и т.д.); понятия, связанные с жизненными циклами (*die Hochzeit* ‘свадьба’, *der Tod* ‘смерть’, *der Totenbaum* ‘гроб’ и т.д.); домашний скот/животные (*das Pferd* ‘лошадь’, *der Esel* ‘осел’, *das Schaf* ‘овца’ и т.д.); локальные обозначения (*das Gericht* ‘суд’, *das Wirtshaus* ‘постоялый двор’, *die Kirche* ‘церковь’ и т.д.); обозначения, связанные с естественными отправлениями (*der Harn* ‘моча’, *der Furz* ‘газы’, *die Scheiße* ‘дерьмо’); части тела (*der Hintern* ‘зад’, *die Hand* ‘рука’, *das Gesicht* ‘лицо’ и т.д.) [3, л. 22–23].

Анализ референтов и референтной структуры шванка способствует не только установлению тем, имеющих значение для бюргеров XV–XVI вв., но и, что представляется более глобальным, выявлению специфичности репрезентации жанровых особенностей шванка как поучительного и комического произведения на текстовом уровне и в итоге ведет к раскрытию своеобразия мировосприятия немецкоязычной общностью в эпоху Возрождения.

Рассматривая шванки с позиций когнитивно-коммуникативного подхода, отметим, что коммуникативная ситуация шванка двуслойна: 1) плоскость коммуникации «персонаж – персонаж» и 2) плоскость коммуникации «автор шванка – читатель». Комический эффект в произведении обусловлен непониманием коммуникантов. В плоскости «персонаж – персонаж» один из персонажей является обманывающим, второй – обманутым, в плоскости «автор шванка – читатель» перед автором стоит задача рассмешить читателя, представив ему обманутого, глупого персонажа [3, л. 54–55]

Анализ языкового оформления текстовых референтов в речи персонажей и в авторской речи показал, что ситуация непонимания персонажей-коммуникантов происходит при попытке идентификации объектов действительности: известный объект воспринимается персонажем-адресатом как неизвестный и наоборот. Такому представлению экстралингвистической ситуации служит манипулирование видами референции: интродуктивной

(предмет известен только говорящему) и идентифицирующей (предмет известен как говорящему, так и адресату) (в терминологии Н. Д. Арутюновой). В немецком языке наиболее универсальным способом выражения референции является артикль. Определенный артикль служит сигналом идентифицирующей референции, неопределенный артикль является сигналом противоположного значения [4, с. 106].

В шванке М. Линденера *Von einem Goldschmied und [einem] armen Studenten* ‘О золотых дел мастере и о нищем студенте’ (перевод В. Топорова) главный персонаж шванка – золотых дел мастер – хочет уличить неверную жену в измене. Для этого он обманом убеждает своего подмастерья отправиться к нему домой и соблазнить его супругу, выдавая ее за неизвестную женщину:

Dem Student gab er Antwort und sprach: ‘Lieber guter Jüngling, ich habe kein Geld bei mir, aber willst du mir folgen, so will ich dich an einen Ort weisen, wo du Kurzweil und Freudenspiel mit einem schönen Weib haben sollst und man dir dennoch Geld genug dazu geben wird... [5, S. 251–252] ‘И ответил он студенту так: ‘Нет у меня здесь в мастерской ни гроша, но если, добрый и милый юноша, ты последуешь моему совету, я укажу тебе место, где ты можешь скоротать времечко и получить свое удовольствие с пригожей бабенкой, да еще и денег тебе за это отсыпят’ (перевод В. Топорова) [6, с. 102].

Вместо идентифицирующей референции (для безошибочной идентификации референта персонажем-адресатом) говорящий употребляет интродуктивную референцию, выраженную в языке именной группой «имя существительное + неопределенный артикль + прилагательное», для обозначения известного объекта (своей супруги), чем умышленно вводит в заблуждение своего собеседника. Только в концовке шванка раскрывается действительное положение вещей, при котором к известному объекту действительности применяется идентифицирующая референция с соответствующими референтными сопроводителями (определенный артикль, придаточное определительное предложение, притяжательное местоимение), обеспечивающими безошибочную идентификацию референта персонажем-адресатом:

*Mein lieber Junge, **die Frau, mit der du so gehandelt hast, ist meine Ehefrau**... [5, S. 256]* ‘Милый юноша, **женщина, с которой ты так позабавился, – моя законная супруга...**’ (перевод В. Топорова) [6, с. 104].

Для читателя умысел обманывающего персонажа ясен с самого начала, поскольку автор шванка в авторской речи употребил виды референции, адекватные объектам действительности (для введения нового текстового референта – интродуктивная, для именованного уже известного объекта – идентифицирующая референция).

Грамматические и лексические средства в речи персонажей и в речи автора, оформляющие референтную структуру текста, представляют несоответствие в мирах персонажей, высвечивают факт обмана одного персонажа

другим. Именно этот факт одурачивания, игравший одну из главных ролей в комизме Средневековья и Возрождения, представляется читателю при помощи указанных средств, чем достигается комический эффект в немецком шванке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Neumann, S. A.* Den Spott zum Schaden: Prosaschwänke aus fünf Jahrhunderten / S. A. Neumann. – 2. Aufl. – Rostock : Hinstorff, 1977. – 467 S.
2. *Deufert, W.* Narr, Moral und Gesellschaft. Grundtendenzen im Prosaschwank des 16. Jahrhunderts / W. Deufert. – Bern, Frankfurt / M., 1975. – 158 S.
3. *Рохлина, Т. А.* Языковая репрезентация комического в жанрах немецкой смеховой культуры (на примере немецкого прозаического шванка) : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Рохлина. – М., 2016. – 174 л.
4. *Москальская, О. И.* Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков) / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.
5. *Lindener, M.* Rastbüchlein / M. Lindener // Deutsche Schwänke in einem Band. Ausgewählt, übertragen und eingeleitet von G. Albrecht. – Weimar : Volksverlag, 1961. – S. 251–257.
6. *Линденер, М.* Книжица для отдохновения / М. Lindener; пер. В. Топорова // Немецкие шванки и народные книги XVI века. – М. : Художественная литература, 1990. – С. 102–110.

А. С. Самофалова (Тюмень, Россия)

КОГНИТИВНАЯ МАТРИЦА КОНЦЕПТА-ОППОЗИЦИИ «ГЕРОЙ–АНТИГЕРОЙ» ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ю. ЖИВАГО (на материале произведения Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»)

Языковая личность представляет собой многогранный объект лингвистических исследований, который может быть рассмотрен с различных позиций. Термин «языковая личность» трактуется посредством понятия индивида, носителя лингвокультуры, «человека говорящего». Несмотря на это, главным параметром является исследование языковой личности в антропоцентрическом ключе, где именно человек выступает субъектом, осознанно производящим свою деятельность.

В центре внимания настоящей статьи находится концепт-оппозиция «герой–антигерой», выступающий как системно-текстовый элемент языковой личности, раскрывающий сущность главного героя в исследуемом романе. Источником материала исследования послужил текст романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», где главным действующим лицом является Юрий Живаго.

В качестве основного метода исследования выступает когнитивно-матричный анализ, направленный на вскрытие интегративного концепта, с помощью которого возможно смоделировать когнитивную матрицу. Мы воспользовались моделью частной когнитивной матрицы, которая вбирает в себя ядро в разных когнитивных контекстах [1, с. 64]. Цель нашего исследования – сконструировать матрицу языковой личности Ю. Живаго, где Юрий Живаго является ядром интегративной матрицы.

Компонентный анализ лексем *герой/антигерой* послужил предварительным этапом для моделирования когнитивной матрицы концепта-оппозиции «герой–антигерой». Так, по данным толковых и идеографических словарей концепт «герой» параметризуется посредством таких компонентов, как *храбрец, кумир*; концепт «антигерой» включает в себя *дегероизированный персонаж, посредник автора*. При этом вектором семантического пересечения антонимичных имен исследуемого концепта-оппозиции является сема *протагонист*, что позволяет методом слияния соединить матрицы концепта «герой/антигерой» и посмотреть реализацию каждой ячейки когнитивной матрицы концепта-оппозиции «герой–антигерой».

Выделенные параметры будут являться интегральными признаками, которые, в свою очередь, представлены в тексте романа «Доктор Живаго» соответствующими концептуальными областями (макродоменами), ориентированными на воссоздание представления многоаспектности осмысления концепта-оппозиции «герой–антигерой» (*герой* как человек, обладающий смелыми и профессиональными качествами и *антигерой* как лицо, лишенное качеств, присущих герою; выразитель идей автора). Материал исследования натолкнул нас на идею заменить макродомен *кумир* на макродомен *профессионал*, поскольку языковая личность Юрия Живаго проявляет свои профессиональные навыки и умения доктора.

Внутри когнитивно-дискурсивных контекстов определяются домены, которые являются текстовым дейксисом, связанным с пространственно-временным вектором в произведении «Доктор Живаго», активизирующим героические/негероические характеристики языковой личности главного персонажа. Таким образом, концептуально-тематические области *храбрец, профессионал/дегероизированный персонаж, посредник автора* содержат пространственно-временные домены: *детство/отрочество* (родительский дом), *семейная жизнь* (семья), *любовная жизнь* (другая семья), *рабочее время* (работа), *военное время* (война/революция), *духовная жизнь* (внутренний мир), позволяющие увидеть художественную целостность романа. В каждой концептуально-тематической области представлены компоненты, из которых выделяются когнитивные модели.

Так, когнитивный контекст *храбрец* репрезентирует смелые качества главного героя, которые обнаружены в компонентах *детство/отрочество, семейная жизнь, любовная жизнь*. Домены *детство/отрочество, рабочее время, военное время* составляют когнитивно-дискурсивный контекст *профессионал* и раскрывают талант и профессионализм главного героя. Концеп-

туально-тематическую область *дегероизированный персонаж* представляет собой лицо, лишенное героических качеств, в которую входят домены *детство/отрочество, семейная жизнь, любовная жизнь, военное время*. Концептуальная область *посредник автора* выступает в роли выразителя идей писателя и представлена компонентами *военное время* и *духовная жизнь*.

Для реализации ячеек матрицы в выше перечисленных компонентах мы задействовали когнитивные механизмы (концептуальная метафора и когнитивная метонимия) как «способы мысленной конфигурации концептуальной структуры матричного характера, объективируемой языковой формой» [2, с. 39] для раскрытия внутреннего состояния, переживаний, способностей, а также мировоззрения главного действующего лица.

Приведем пример некоторых выделенных когнитивных моделей. Например, концептуальная область *посредник автора* в компоненте *военное время* актуализируется в структурной метафоре *война – стрельба*, которая развивается по вертикальной оси и описывает события Первой мировой войны в приведенном контексте следующим образом: *По ней (дороге) бесконечной вереницей тянутся пленные. Везут раненых. Стреляет пушка. Снова стреляет, сегодня, как вчера, завтра, как сегодня, и так каждый день и каждый час...* [3, с. 114].

В предложении «Таким новым была война, ее кровь и ужасы, ее бездомность и одичание. Таким новым были ее испытания и житейская мудрость, которой война учила. Таким новым были захолустные города, куда война заносила...» [3, с. 145] представлена лексическая единица *учить*, которая формирует метафорический перенос *война – учитель*. Вводится также метафора *война – стихия воды*, актуализированная посредством глагола *наводнять* в макроконтексте: «Теперь фронт **наводнен** корреспондентами и журналистами. Записывают «наблюдения», изречения народной мудрости, обходят раненых, строят новую теорию народной души. Это своего рода новый Даль, такой же выдуманный, лингвистическая графомания словесного недержания» [3, с. 114]. Революционеры, по словам Юрия Живаго, представлены метафорой *люди – машины*, о чем свидетельствует следующее предложение: «Самоуправцы революции ужасны не как злодеи, а как **механизмы** без управления, как сошедшие с рельсов **машины**» [4, с. 38].

В проведенном анализе было выявлено 53 лингвокогнитивные модели, процентная актуализация которых показала, что преобладают когнитивные модели, представленные в макродомене *посредник автора*, который «высвечивает» ключевой компонент *военное время*. В домене *военное время* раскрывается исторический образ страны и военные события Первой мировой войны, революции и гражданской войны с точки зрения беспартийного человека. Нейтральное отношение доктора к враждующим сторонам очевидно репрезентировано в следующем отрывке: «В ней (больнице) уже началось расслоение. Умеренным, тупоумие которых возмущало доктора, он

казался опасным, людям, политически ушедшим далеко, недостаточно красным. Так **очутился он ни в тех, ни в сих, от одного берега отстал, к другому не пристал**» [3, с. 164]». Следовательно, можно сделать вывод, что исследуемая языковая личность Юрия Живаго выражает индивидуально-авторское отношение к государственному перевороту, носящее резко отрицательный характер, и общее негативное восприятие трагических событий войны и революции, унесших множество человеческих жизней. Посредством яркой палитры языковых средств автор совмещает противоположные качества героя и антигероя в лице главного действующего лица доктора Живаго для того, чтобы показать весь сгусток противоречий, связанных с войной и революцией и ее последствиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев, Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
2. *Дзюба, К. А.* Когнитивные механизмы формирования наименований торговых марок / К. А. Дзюба // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 38–44.
3. *Пастернак, Б. Л.* Доктор Живаго: роман / Б. Л. Пастернак. – Вильнюс : Вага, 1988. – Книга 1. – 223 с.
4. *Пастернак, Б. Л.* Доктор Живаго: роман / Б. Л. Пастернак. – Вильнюс : Вага, 1988. – Книга 2. – 254 с.

Т. В. Сивова (Гродно, Беларусь)

КАРТА ПРОСТРАНСТВА В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА К. Г. ПАУСТОВСКОГО

Значимость категории пространства в картине мира К. Г. Паустовского, писателя-романтика, путешественника, классика русской и советской литературы, 125-летний юбилей которого в 2017 г. отмечала литературная и научная общественность, не вызывает сомнений: художественный и исследовательский интерес писателя к пространству отражен в его произведениях, широта географического диапазона которых поражает (например, топонимическое пространство романа «Романтики» включает свыше 240 географических номинаций).

В произведениях К. Г. Паустовского¹ прослеживается особое отношение к географической карте: *Моя любовь к картам принесла мне много*

¹ Материалом послужили произведения раннего периода творчества: романы «Романтики» (Р), «Блистающие облака» (БО), повести «Кара-Бугаз» (КБ), «Колхида» (К), а также произведение зрелого периода творчества – гексалогия «Повесть о жизни» (П).

знаний, а порой и радостных неожиданностей (П); *С детства я любил географические карты и планы ...* (П); *И еще одна карта сыграла большую роль в моей жизни – карта Кара-Бугаза* (П), – в связи с чем открывается новый ракурс в реконструкции пространственной картины мира писателя.

По данным «Русского ассоциативного словаря» [1], стимулу *карта* (в значении ‘чертёж земной поверхности’) соответствуют следующие реакции: мира – 22; местности – 5; географическая – 3; география, мир, области – 2; Америки, большая, геодезия, Германия, город, города, масштаб, местность, моря, Москвы, Острова сокровищ, план, политическая, приключения, рисунок, света, СССР, страны, схема, читать – 1.

Выявленные в произведениях К. Г. Паустовского на основании анализа лексической сочетаемости лексемы *карта* совпадения «реакций» крайне малочисленны (*географическая, Москвы*), что свидетельствует о высокой степени индивидуализированности авторской перцепции карты пространства. Даже в позициях, по которым отмечены совпадения, у К. Г. Паустовского фиксируем значительное расширение: а) по охвату территории и функциональной специфике карты (*географическая – 9; морская – 3; звёздного неба, погоды – 1*), с конкретизацией данных географической карты ([карта] *залива; центрального болотного и лесного массива*): *Возвращаюсь к географическим картам с их скупыми на слова объяснениями – «легендами»* (П); *Мне было приказано во что бы то ни стало сомкнуть на морской карте берега залива, изображенные в виде двух разорванных кривых линий* (КБ); б) топонимического списка ([карта] *Атлантического океана, Каспийского моря – 2; Кара-Бугаза, Кара-Ада, Крыма, Москвы, Рима – 1*), также с конкретизацией ([карта] *восточного побережья Каспийского моря*): *Это история о карте Атлантического океана, о близнецах, о моей рассеянности* (П); *Когда я был в Ливнах, геолог Алексей Дмитриевич показал мне старую карту восточного побережья Каспийского моря* (П).

Специфика авторской перцепции карты пространства проявляется в широте характеристик, с которыми коррелирует лексема *карта* в художественном тексте. Приведем здесь основные: а) темпоральная характеристика ([карта] *старая 3; старинная, выгоревшая от старости, выцветшая, новая, новейшая 1*); писатель акцентирует внимание на возрасте карт, отдавая приоритет, согласно традиции романтизма, старому перед новым: *... купил в Париже на набережной Сены старую карту и прислал мне в подарок в Тарусу* (П); *Новейшая карта Крыма пестрит топорными, безличными, а то и просто нелепыми названиями* (П); фокусирует внимание на особенностях оформления старинных карт: *Потом Черпунов показал мне звездный глобус, старые карты с «розой ветров» ...* (П); б) характеристика ‘сделанный собственноручно’, актуализация которой подтверждает увлечение К. Г. Паустовского картографией ([карта] *самодельная 3*): *Мы с Глебом наносили реку на самодельную карту и придумывали названия для всяких излучин, заводей, обрывов и замечательных мест* (П); *Он вышел из города пешком, с компасом, ружьем и самодельной картой* (К); в) колористическая

характеристика ([карты] синие; слабо подкрашенные акварелью; выцветшие 1): *дощатый дом, увешанный синими картами* (К); г) пространственно-темпоральная характеристика ([карта] *Рима гоголевских времен* 1): *На уроках о Гоголе Селиханович воскрешал перед нами Рим гоголевских времен – его карту, его холмы и руины, его художников, карнавалы, самый воздух римской земли и синеву римского неба* (П); д) характеристика ‘лишенный необходимой влаги’, иллюстрирующая тенденцию к интенсификации восприятия действительности, свойственную раннему, романтическому периоду творчества писателя: *Даже от карт этих мест тянет сухостью и начинается жажда* (КБ).

Значимость для К. Г. Паустовского карты пространства подтверждается и на уровне организации пространства художественного текста, модель которого может быть представлена с помощью пространственных номинаций, которые, согласно В. Г. Гаку [2], образуют четыре концентрических расширяющихся круга: человек – дом – страна – мир (с учетом содержания исследуемых текстов здесь используем трансформированную модель: творчество – человек – дом – природа).

Так, карта актуализируется в пространстве творчества при обращении к художественному тексту: *Габуня уверял, что в «Илиаде» блестяще разработана карта погоды времен Троянской войны* (К); к авторскому тексту: *Мне хотелось написать книгу чисто географическую, суровую, строгую, похожую на отчет о путешествии – такой же живописный, как самодельная и грубая карта, набросанная углем на куске оберточной бумаги* (П); к архитектуре: [памятник Жеребцову] *У ног его развернется медная карта залива* (КБ), а также к вымышленному пространству: *Некоторые из нас любили в детстве (и любят до сих пор) придумывать и рисовать карты воображаемых великолепных мест, почти всегда – девственных и пустынных* (П); *Добавил я на карте или, вернее, отметил на ней те воображаемые места, где хорошо бы сделать привал во время столь же воображаемых будущих моих скитаний по берегам Кара-Бугаза* (П). Писатель романтизирует карту пространства: *В эти карты, должно быть, каждый вкладывает свое представление о земном рае, о счастливых и богатых краях, куда с первых лет жизни стремились его помыслы* (П); создает истории, связанные с ними: *С географическими картами в моей жизни связано несколько более или менее интересных историй* (П); *Однажды в бакалее мне завернули кусок голландского сыра в обрывок географической карты. По своей дурной привычке всегда что-нибудь читать или рассматривать за чаем, я начал изучать этот обрывок карты и вдруг почувствовал холодок под сердцем* (П).

В пространстве человека географическая карта работает на создание романтического образа персонажей: [Гоген] *Жить в городе и не знать даже карты звездного неба – это уж слишком!* Так он сказал перед бегством из Парижа (Р); их сущностной характеристики: [капитан] *Выбор книг говорил*

об устойчивых склонностях их громоздкого и простоватого хозяина, – там были лоции, мореходная астрономия, «Азбука коммунизма», Джек Лондон по-английски, много географических карт ... (БО).

В пространстве дома географическая карта создает интерьер: ... **в окне второго этажа** за плохо задернутой занавеской **виднелись выцветшие карты на стене** и сваленные на подоконнике книги (П), а также опосредованную характеристику персонажей (пересечение с пространством человека): [Габуня] **Книги, барометры, тяжелые болотные сапоги, карты и небольшой бюст Ленина на деревянной неструганой полке** (К).

И только создавая **пространство природы**, непреходящая значимость которой в творчестве писателя не подлежит сомнению, К. Г. Паустовский констатирует превосходство природы над картографией: *В разрывах гор открывались облитые росой, кудрявые долины. Их было множество, и, должно быть, ни одна географическая карта не могла вместить все эти долины, даже на самом большом своем листе* (П).

Таким образом, выявленные особенности перцепции и атрибуции карты пространства, широкий спектр характеристик, которыми она наделяется, ее актуализация в основных пространствах художественного произведения и ее романтическое восприятие К. Г. Паустовским свидетельствуют о значимости карты в художественной картине мира писателя-романтика и могут служить предпосылкой глубокого лингвистического интереса к проблеме осмысления географического пространства в его творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / редкол. : Ю. Н. Караулов [и др.]. – М. : АСТ-Астрель, 2002. – Т. I : От стимула к реакции. – 2002. – 784 с.; Т. II : От стимула к реакции. – 2002. – 992 с.
2. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–134.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Н. В. Барашко (Минск, Беларусь)

РОЛЬ ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

На современном этапе мировое образование должно развиваться в контексте диалога культур, основной его целью является не просто подготовка высокопрофессионального специалиста в той или иной области, но и «человека культуры», способного и готового к общению и сотрудничеству с людьми разных национальностей, рас, вероисповеданий и культур, мирному плодотворному сосуществованию в обществе культурного и национального плюрализма, основанном на гуманистических и демократических ценностях.

Решения этих задач помогают осуществить инфокоммуникационные технологии. Вопросами совершенствования технических средств обучения, технологиями и методами их применения занимались в разные годы известные ученые-педагоги: Л. П. Прессман, Е. С. Полат, С. И. Архангельский, И. В. Роберт и др.

Вопросы методики преподавания иностранного языка в контексте диалога культур и межкультурной коммуникации рассматривались в работах В. П. Фурмановой, С. Г. Терминасовой.

Эффективность применения инфокоммуникационных технологий во многом зависит от того, насколько методически грамотно и педагогически оправдано их включение в структуру учебно-воспитательного процесса.

К дидактическим принципам, обеспечивающим высокую эффективность инфокоммуникационных технологий, относятся принципы: связи обучения с жизнью, научности, доступности, систематичности, преемственности, наглядности, мотивационной стимуляции, педагогической технологичности.

Потенциал новых инфокоммуникационных технологий проявляется многопланово, открывая возможности:

- совершенствовать методологию и стратегию отбора содержания школьного образования, вносить изменения в обучение традиционным дисциплинам;

- повышать эффективность обучения, его индивидуализацию и дифференциацию, организовывать новые формы взаимодействия в процессе обучения и изменения содержания и характера деятельности обучающего и обучаемого;

- видоизменять и улучшать управление учебным процессом.

Приобщение к культуре изучаемого языка в контексте диалога культур предполагает постижение ценностей иноязычной чужой культуры, на основе чего также происходит переосмысление роли и места своей культуры. При

этом важное значение приобретает практическая деятельность, в данном случае применение инфокоммуникационных технологий. А. А. Леонтьев, считает, что «чужая культура усваивается только в процессе какой-либо деятельности: учебной, практической или любой другой... происходит осознание усваиваемых фрагментов чужой культуры, «переформулирование» чужой культуры в терминах своего лингвокультурного опыта. Таким же образом познается не только чужая культура, но и ранее неизвестные фрагменты своей культуры» [1, с.120].

В этом отношении инфокоммуникационные технологии предоставляют больше простора и возможностей в сравнении с традиционным обучением, поскольку каждый студент на основе информационно-коммуникационных технологий активно взаимодействует друг с другом, а также с преподавателем, и при этом выступает как субъект учебной, познавательной, творческой деятельности.

Необходимо также перечислить наиболее современные инфокоммуникационные технологии и их преимущества. Во-первых, это наиболее распространенная и доступная мультимедийная среда. По определению А. В. Смирнова, «Мультимедия – это совокупность средств, позволяющих объединять в интерактивном режиме обычную информацию (текст и графику) со звуком и движущимися изображениями» [2, с. 58]. Отличительными чертами мультимедия являются: интерактивность, универсальность, разнообразие форм.

Доказанным фактом является то, что большинство людей запоминают 15 % услышанного и 25 % увиденного. Одновременное их сочетание повышает запоминаемость до 65 %. Это еще один положительный момент в адрес мультимедия.

Особую роль в жизни современной школы играют веб-сайты и образовательные порталы, одним словом, интернет-ресурсы. Образовательное значение Интернета неопределимо: открытый доступ к удаленным источникам информации, международным библиотекам, виртуальным музеям, возможность электронной переписки со сверстником из любой страны мира. В связи с этим важно, чтобы школьник не только овладел определенным предметом, но, что более ценно, научился самостоятельно приобретать знания, работать с информацией, овладел способами познавательной деятельности.

Тем актуальнее и важнее становится необходимость применения инфокоммуникационных технологий на уроках иностранного языка как главной формы самостоятельной познавательной деятельности, на основе которой в свою очередь школьники приобщаются к изучаемой культуре, стирая границы, преодолевая тысячи километров, сидя за компьютером.

Сегодня исследуются методики использования телеконференций. Так, Д. А. Богданова указывает на то, что именно телеконференции стали активно применяться западными педагогами, они «позволяют организовать коллективную работу учащихся, реализовать методы деловых игр, мозгового штурма» [3].

Только через диалог с другой культурой можно достигнуть определенного уровня самопознания, так как при диалогической встрече двух культур каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, одновременно обогащая другую.

Сфера применения компьютера в обучении иностранным языкам необычайно широка, в том числе, для достижения цели образования в области современных неродных языков, которая заключается в формировании вторичной языковой личности. Причем процесс становления вторичной языковой личности связан не только с овладением обучающимся вербальным кодом иностранного языка и умением его использовать практически в общении, но и с формированием в его сознании «картины мира», свойственной носителю этого языка как представителю определенного социума.

Организовать образовательный процесс на основе реализации принципов поликультурного образования возможно с помощью информационно-коммуникационных технологий. Использование на уроке данных технологий, по мнению ученых-методистов, является одним из самых важных результатов инновационных вопросов не только в школе, но и в методике преподавания иностранных языков. Использование ИКТ позволяет осуществить задуманное, сделать урок современным [4]. В процессе работы с компьютером учащиеся осваивают ключевые компетенции, которые востребованы работодателями, а именно, иноязычную коммуникативную компетенцию в совокупности всех ее составляющих – речевую, языковую, социокультурную, компенсаторную, т.е. способность и готовность осуществлять диалог культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьев, А. А.* Национально-культурная специфика речевого поведения / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1977. – 352 с.
2. *Смирнов, А. В.* Технические средства в обучении и воспитании детей: учеб. пособие для средних учебных заведений / А. А. Смирнов. – М. : Издат. центр «Академия», 2005. – 208 с.
3. *Богданова Д. А.* Методика развития компьютерной грамотности в условиях дистанционного обучения: дис. ... канд. пед. наук. 01.06.17 / Д. А. Богданова. – Москва, 1996. – 140 л.
4. *Барашко, Н. В.* Использование информационно-коммуникативных технологий во внеклассной деятельности по иностранному языку / Н. В. Барашко // Актуальные вопросы обучения иностранным языкам в вузах неязыкового профиля : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 22 ноября 2013 г., [Минск] / ред. Б. М. Хрусталева [и др.]. – Минск : БНТУ, 2014. – С. 35.

КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМА В ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИКЕ
В ТЕХНИЧЕСКОМ УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(на материале немецкого языка)

Методика преподавания иностранных языков и господствующая теория о языке всегда находились во взаимосвязи и взаимодействии. Так, современная методика преподавания иностранных языков определяется когнитивной парадигмой лингвистических исследований; в рамках данной парадигмы язык, по-прежнему, является системой, которая рассматривается как одна из составляющих когнитивной структуры человека, как один из модусов «когниции», представляющий собой вершину айсберга, в основании которого находятся другие когнитивные механизмы [1, с. 306]. Результатом процесса взаимодействия человека с внешним миром, обработки воспринимаемой информации, распределения ее по существующим в сознании рубрикам или создания новых категорий, установления связей между классами объектов и явлений и т.п. является формирование концептуальной системы, определенная часть которой находит отражение в языковой картине мира как совокупности «зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочивание предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [2, с. 39]. Понимание языка как одной из когнитивных способностей человека и языкового знака как фиксирующего и объективирующего знания, т.е. результаты познавательной деятельности человека, в том числе профессиональной, может найти непосредственное применение в практике преподавания немецкого языка в техническом университете, и в частности при обучении лексике, так как этот факт не носит сугубо специфический (лингвистический) характер, а потому будет понятен студентам технических специальностей и будет способствовать повышению эффективности обучения немецкому языку.

Следует отметить то обстоятельство, что на первой ступени высшего образования иностранный язык изучается студентами технических специальностей, как правило, только в первом и втором семестрах и перед изучением дисциплин по их специальности. Тогда в процессе работы с иноязычными профессионально ориентированными текстами студент не только продолжает изучать иностранный язык как отдельный предмет, но он также в определенной степени приобретает знания по своей специальности, зафиксированные в иноязычной картине мира. Здесь мы не проводим четкую и однозначную границу между обучением терминам и не терминам, т.к. полагаем, что должен быть единый подход к обучению как общепотреб-

бительной, так и терминологически маркированной лексике. При этом мы не отрицаем необходимость обращать внимание студентов на то, что отдельные лексемы являются обозначением понятийного элемента в соответствующей области знания. К тому же насыщенность специальных текстов терминами может быть разной, поэтому знание базовой общеупотребительной лексики является не менее значимым.

Различные языковые элементы – слова, словосочетания, грамматические формы и конструкции, словообразовательные типы, и т.д. – имеют различную частотность, и чем чаще элемент встречается в текстах, тем нужнее его знание. Это обстоятельство диктует необходимость отбора, например, лексического материала и создания на этом материале системы упражнений с визуализацией моделей знаний, которые зафиксированы лексемами в той или иной предметной области, как «на поверхности», т.е. в языковой форме, так и в семантике слова. Например, анализ текстов для работы со студентами факультета электронно-информационных систем показал, что наиболее частотными в них являются слова, образованные по следующим моделям:

– отглагольные прилагательные с суффиксом *-bar*. Модель [Stamm des Verbs + **-bar**] имеет значение, т.е. фиксирует знание о том, что 1) действие, названное глаголом, может быть выполнено, 2) что-то подходит для действия, названного глаголом: *benutzbare, korrigierbare, ausführbare Programme* ‘используемые, корректируемые, выполняемые программы’, *einsetzbare, reparierbare, tragbare Computer* ‘применяемые, ремонтируемые, переносные компьютеры’, *übertragbare Daten* ‘передаваемые данные’ и т.д;

– отглагольные существительные с суффиксом *-er*. Модель [Stamm des Verbs + **-er**] имеет значение, т.е. фиксирует знание о том, что эта лексема является наименованием субъекта/объекта, производящего действие, названное глагольной основой: *der Benutzer* ‘пользователь’ «*jemand, der etwas benutzt*», *der Brenner* ‘привод оптических дисков’ «*ein Gerät zum Speichern der Inhalte auf CD/ DVD-Speichermedien*»;

– двусоставные сложные имена существительные, с общим правым компонентом, т.е. основным словом, модель [Substantiv/Adjektiv + **Substantiv**]: *die Funktionstaste* ‘функциональная клавиша’, *die Navigationstaste* ‘навигационная клавиша’, *die Pfeiltaste* ‘клавиша «стрелка»’, *die Leertaste* ‘клавиша пропуска’, *das Eingabegerät* ‘устройство ввода данных’, *das Ausgabegerät* ‘устройство вывода данных’, *das Peripheriegerät* ‘периферийное устройство’ и т.д., в основе образования данных сложных слов лежит фрейм (более подробно о фрейме как механизме образования немецких сложных слов см. [3]);

– субстантивированные глаголы, модель [Verb → **Substantiv**] имеет значение ‘обозначение процесса’: *das Formatieren* ‘форматирование’, *das Ausschalten* ‘выключение’, *das Verschieben* ‘перемещение’ и т.д.

В текстах встречаются также слова, понимание которых как по форме, так и через перевод на родной язык для студента-первокурсника не представляется возможным, т.к., как правило, это термины, например, математи-

ческий термин *die Mantisse* ‘мантисса’, на что указывает маркер *Math.* ‘мат.’. При этом словарная дефиниция в немецком толковом словаре Дуден [4], фиксирующая значение данной лексемы, может стать источником знания, стоящего за этим словом «Reihe der beim [dekadischen] Logarithmus hinter dem Komma stehenden Ziffern». Здесь же можно привести в качестве примера слова, образованные по вышеуказанным словообразовательным моделям, однако раскрытие их значения возможно благодаря вновь тому знанию, которое зафиксировано в словарных дефинициях, например: производные лексемы *die Auflösung* ‘разрешение (печати)’ «die Anzahl der (Druck-)Punkte pro Zoll»; *der Treiber* (EDV) ‘драйвер’ «Programm, mit dem ein peripheres Gerät gesteuert wird»; сложные слова *das Fließkomma* (EDV) ‘плавающая запятая’ «Format zur Behandlung von Zahlen im Code eines Programms und zur Speicherung von Zahlen in einem Computer», *Tastenkürzel* ‘горячие клавиши’ «Tastenkombination – gleichzeitiges Drücken von zwei oder drei Tasten» и т.д.

Подобное обращение к словарным дефинициям может способствовать более эффективной семантизации лексем, потому что, как указывал, например, Б. А. Плотников: «... для более успешного изучения иностранного языка перевод желательно применять только на первых этапах знакомства с языком, а в последующем для раскрытия значений иностранных слов и выражений целесообразнее использовать толковые словари изучаемого языка. Необходимо помнить, что точный перевод многих слов и выражений невозможен из-за неодинакового объема их значений в разных языках. К тому же регулярное использование перевода в процессе изучения иностранного языка неизбежно приводит к интерференции, т.е. многостороннему влиянию, в том числе и в области семантики, средств родного языка на изучаемый язык, что создает большие трудности для активного овладения последним» [5, с. 164].

Таким образом, создание системы упражнений для формирования у студентов навыка семантизации лексем, образованных по наиболее частотным словообразовательным моделям, дополненных упражнениями, например, на соотношение понятия и дефиниции, будет способствовать эффективному усвоению студентами соответствующей лексики, формированию беспереводного типа мышления, а также приобретению профессиональных знаний через иноязычную картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / Ин-т языкознания РАН; под. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 239–320.
2. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с.

3. Зозуля, О. Л. Фреймовый подход к семантизации сложных слов в обучении немецкому языку в неязыковых вузах / О. Л. Зозуля // Универсальное и национальное в языковой картине мира : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2–3 окт. 2015 г. / редкол. Н. В. Фурашова (отв. ред.), Н. Е. Лаптева, Е. В. Зувская. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 128–131.

4. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bänden [Электронный ресурс]. – Elektronische Datei (576 Mb). – Mannheim : Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 электр. опт. диск (CD-ROM).

5. Плотников, Б. А. Основы семасиологии : учеб. пособие для филол. фак. вузов / Б. А. Плотников; под ред. А. Е. Супруна. – Минск : Выш. шк., 1984. – 223 с.

Н. Е. Лаптева (Минск, Беларусь)

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УМЕНИЯ ЧТЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Чтение, в том числе иноязычных текстов, предполагает извлечение и переработку информации, которая содержится в тексте, ее понимание и осмысление. Активная позиция чтеца как субъекта деятельности во многом определяет успешность функционирования механизмов, лежащих в основе рассматриваемого вида речевой деятельности, – вероятностного прогнозирования, восприятия, понимания и осмысления. Активность чтеца обуславливается тем, насколько эффективно он использует стратегии чтения, которые обеспечивают продуктивное взаимодействие с текстовой информацией в соответствии с мотивами, целями и задачами осуществляемой деятельности. Непосредственно на работу с информацией, в том числе с текстовой, направлены когнитивные стратегии чтения.

Процессуальной стороной стратегии являются действия или операции. При этом стратегия может предусматривать выполнение как одного, так и нескольких действий, направленных на успешное решение задач. Ряд исследователей отмечает, что количество и качество действий, а также варианты их реализации зависят от особенностей объекта – читаемого текста, и субъекта – читателя, в частности, от уровня его владения языком и возрастных особенностей.

Действие отдельных механизмов чтения сопровождается группой стратегий, что объясняется составом операций, лежащих в основе каждого отдельного механизма, с одной стороны, и определенной сложностью выполнения операций, с другой. Для такого рода групп когнитивных стратегий чтения свойственна разноуровневая организация, согласно которой стратегия

высшего уровня включает в себя серию частных стратегий. Так, стратегии предваряющей текстовой деятельности объединяют такие частные стратегии, как прогнозирование общего содержания текста по заголовку, определение характера информации по иллюстрациям, внешней структуре, актуализация фоновых знаний по теме текста, построение первоначальных гипотез, ожиданий.

Овладение стратегиями представляется достаточно длительным процессом, поскольку они должны пройти этап активной тренировки и применения в предметной деятельности. Только при выполнении данных условий стратегии станут автоматизированными действиями, целенаправленно выполняемыми при деятельности чтения. Иными словами, речь идет о формировании навыка применения когнитивных стратегий чтения. Критериями сформированности данного навыка могут служить следующие параметры: владение знаниями о стратегиях, целенаправленное использование соответствующих стратегий, успешное выполнения заданий по чтению.

Владение стратегиями чтения может способствовать повышению мотивации к осуществлению данного вида деятельности, во многом обеспечивая его успешность.

О. А. Сулейманова (Москва, Россия)

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

К настоящему моменту языковая картина мира (далее – ЯКМ) приняла вид топоса: все признают ее объективную данность и рассматривают как одну из ключевых методологических посылок. Исследованы разнообразные фрагменты в различных лингвокультурах, особенно те, что рельефно представляют лингвокультурные особенности языков и ключевые концепты культуры, такие, как *душа, любовь, сердце, деньги* и др. в русском языке и культуре или в англосаксонской и многих других культурах. Ряд семантических систем исследован в работах А. Вежбицкой – например, обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия, толкование эмоциональных концептов или структура имен собственных в [1].

Более «частные» фрагменты – например, сравнительный анализ концептуализации мыши и крысы в различных культурах и в связи с этим обсуждение в работе У. Эко [2] проблемы выбора переводческого эквивалента при переводе романа А. Камю – также получают описание.

Особенно отчетливо различие во фрагментах языковых картин мира проявляется в переводческой перспективе. В связи с этим для формирования у студентов системного представления о различных языковых

картинах мира можно было бы использовать работу в формате исследовательских студенческих проектов, фокусирующихся на анализе языковой репрезентации разнообразных фрагментов КМ.

Такие проекты могут принимать форму «чисто» семантических исследований – например, может изучаться семантика группы единиц, и по результатам анализа выстраиваться микросистемы ЯКМ. В качестве таких микросистем могут предлагаться актуальные и частотные группы единиц: слова, репрезентирующие, например, процессы инновации и реконструкции (*to renovate – refurbish – repair – reconstruct*), процессы приобретения знания (*discover – learn – find out*), чрезвычайно востребованные в англосаксонской культуре и не всегда понятные для отечественной культуры детализированные представления отношений собственности (*to collect, borrow, have, return, reimburse, etc.*) и иные релевантные для современного дискурса кластеры.

На начальных этапах обучения можно предлагать упрощенные форматы в виде обработки уже имеющихся семантических описаний (отметим, что при этом студенты все-таки осваивают методику сложного семантического анализа, проходя весь путь с автором исследования, взятого ими за основу своего проекта). Так, существующее описание фрагмента английской ЯКМ, связанной с концептуализацией процессов зрительного восприятия [3], может послужить основой в том числе сравнительного проекта – опираясь на имеющееся описание английских глаголов зрения типа *stare, ogle, look, gaze*, студенты по аналогии выстраивают соответствующий фрагмент русской ЯКМ.

Это также могут быть сравнительно-сопоставительные проекты (выполняются на основе поисковой деятельности и анализа словарных данных), например, может предлагаться к рассмотрению концептуализация (вредных) привычек в различных языках: метафоризация описания алкогольных напитков в разных языках через представление о процессах горения (укр. *горилка*, в ряде восточноевропейских языков *палинка, огненная вода* в младодописьменных культурах, *винокуренный завод, винокурня*), причем в процессе производства напитков скорее задействованы процессы дистилляции и брожения, чем горения (в отличие от курения – *курить, дымить, палить*, где имеет место реальный процесс горения).

Интересной для проектной работы представляется в принципе область метафоризации и метонимизации (например, изучение метафоризации академического дискурса на материале лекций преподавателей и их общения со студентами в процессе обучения на семинарах и практических занятиях – проект *Metaphors Students Live By*) или проект на тему «Нарушение постулатов Грайса в политическом дискурсе», в рамках которого исследовались выступления известных политических деятелей.

В ходе такой практической работы студенты естественным образом усваивают сложнейшие теоретические представления, пропуская их через собственную практическую исследовательскую деятельность. При этом формируются межкультурные компетенции, которые призваны служить основой в целом переводческой компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
2. *Эко, У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – СПб. : Symposium, 2006. – 574 с.
3. *Шабанова, Т. Д.* Семантическая модель английских глаголов зрения / Т. Д. Шабанова. – Уфа : Восточ. ун-т, 1998. – 198 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

М. Г. Антанюк-Пруто, Н. А. Ганчарова (Мінск, Беларусь)

ЕЎРАПЕЙСКАЯ ФРАЗЕАЛОГИЯ І КУЛЬТУРА

(да пытання аб стварэнні вучэбнага слоўніка)

Неабходнасць вывучэння мовы ў сувязі з культурай народа-носьбіта сёння не выклікае сумневаў і з'яўляецца нарматыўным патрабаваннем адукацыі. Спецыялісты ў галіне старажытных моў спрабуюць укараніць культуралагічны аспект у практыку выкладання, у падручнікі і навучальныя дапаможнікі. Пры гэтым выкарыстоўваюцца розныя спосабы ўвядзення культуралагічнай інфармацыі: тэматычны, філалагічны, экстралінгвістычны.

У прапанаваным артыкуле разглядаюцца структура і прынцыпы складання вучэбнага слоўніка «Античные и библейские афоризмы» [1]. Зыходным пунктам вывучэння лацінскай мовы ў сувязі з антычнай культурай у слоўніку служыць лацінамоўная афарыстыка. Асаблівае месца лацінамоўных выслоўяў вызначаецца вялікай роляй лацінскай мовы і літаратуры ў гісторыі еўрапейскай культуры. Гэтыя адзінкі даўно выйшлі за межы лацінскай мовы і рымскай літаратуры і сталі міжнародным здабыткам, прычым не толькі ў перакладзе на нацыянальныя мовы, але і ў арыгінале. У вытанчанай і лакальнай форме яны адлюстроўваюць актыўную думку многіх пакаленняў, нясуць у сабе агульнапрызнаную чалавечую мудрасць, раскрываюць многія агульначалавечыя прынцыпы маралі.

Мы выкарыстоўваем тэрмін *лацінамоўны*, а не *лацінскі*, таму што гэтыя выказванні ўзніклі не толькі ў антычны перыяд, але і ў больш позні час. Пад афарызмамі мы разумеем розныя тыпы выказванняў: прыказкі, прымаўкі, выслоўі, сентэнцыі, крылатыя словы, якія прынята размяжоўваць. У дадзеным выпадку не мае значэння, выказвае афарызм арыгінальную аўтарскую думку ці народную мудрасць. Важна тое, што выказанае некалі слова заключае ў сабе агульначалавечую мудрасць, якая ўзнікла на глебе культурна-гістарычнай і жанравай разнастайнасці крыніц маральнай думкі.

Слоўнік змяшчае звыш 380 лацінамоўных выслоўяў, разлічаных на рэпрадуктыўнае засваенне. Кожная слоўнікавая адзінка перакладзена на рускую і беларускую мовы, пры гэтым выкарыстоўваліся ўстойлівыя і апрабаваныя ў лексікаграфічнай літаратуры версіі перакладу. У многіх выпадках падаюцца руска-беларускія фразеалагічныя эквіваленты.

Культуралагічны аспект знаходзіць сваё адлюстраванне ў гісторыка-літаратурным каментарыі. Тут можна знайсці звесткі аб крыніцы і аўтарскай прыналежнасці выслоўя (калі аўтар вядомы), пра абставіны яго паходжання. Напрыклад:

Citius, altius, fortius

рус. *Быстрее, выше, сильнее.*

бел. *Хутчэй, вышэй, мацней.*

«Эта фраза принадлежит доминиканскому монаху, французскому писателю и проповеднику Анри-Мартену Дидону (1840–1900). Она впервые была произнесена на школьном спортивном празднике. А.-М. Дидон рассматривал спорт как важную составную часть воспитания, поскольку он укрепляет у молодежи чувство уверенности в себе и дисциплину. В 1894 г. его друг Пьер де Кубертен (1863–1937) предложил сделать эти слова девизом Олимпийских игр. Он был президентом Международного олимпийского комитета (1896–1916, 1919–1925)».

Разам з папулярнымі лацінамоўнымі выслоўямі мы палічылі неабходным уключыць у слоўнік вядомыя вобразныя словы і выразы антычнага паходжання, якія сустракаюцца ў літаратуры ў рускім і беларускім напісанні. Яны атрымалі ў слоўніку неабходныя тлумачэнні:

Прокрустово ложе, бел. *Пракрустаў ложак* «искусственная мерка, под которую насильственно подгоняют что-либо без учета его сущности. Прокруст (букв. «вытягиватель») – прозвище разбойника Дамаста, который подгонял зашедших к нему путников, укорачивая или вытягивая ноги при помощи молотка, к размерам ложа».

У раздзел «Біблейская афарыстыка» ўвайшлі выразы (біблеізмы) двух відаў: 1) адзінкі, якія ўзніклі на аснове тэксту Бібліі, цытатныя выразы: *Не сотвори себе кумира*, бел. *Не рабі сабе куміра*; 2) адзінкі, што ўзніклі на аснове біблейскіх сюжэтаў: *Соломоново решение*, бел. *Саламонава рашэнне*. Яны адсутнічаюць у тэксце Бібліі і ўтварыліся шляхам яго пераасэнсавання.

Біблейскія выразы – гэта залаты фонд сусветнай і нацыянальнай культуры. На працягу многіх стагоддзяў Біблія аказвала вялікі ўплыў на духоўна-культурнае развіццё і станаўленне ментальнасці людзей. Святое Пісанне ўзбагаціла мовы сотнямі ўстойлівых вобразных выразаў.

Сёння біблеізмы шырока выкарыстоўваюцца ў мастацкай літаратуры і публіцыстыцы, а таксама ў жывой штодзённай гаворцы: «Кто не с нами, тот против нас», «Кто не работает, тот не ест», «Козел отпущения» і інш.

У слоўнікавых артыкулах прыведзены тлумачэнні, крыніцы і гісторыя ўзнікнення афарызмаў, а таксама спасылкі і цытаты з Бібліі. Напрыклад:

Нет (несть) пророка в отечестве своем.

бел. *Няма прарока ў сваёй айчыне.*

Значение: мы не слышим тех мудрых людей, которые рядом с нами, но с легкостью воспринимаем на веру слова пришельцев и чужестранцев. Несколько измененное изречение Христа. В Евангелии от Луки (4, 24) содержится рассказ о том, что Иисуса, уже признанного в Галилее, на севере Израиля, не приняли в его родном городе Назарете: «Истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве». В Евангелии от Марка (6, 3) также говорится, что люди с трудом верили сыну простого плотника, который вырос на их глазах: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды, Симона? Не здесь ли между нами Его сестры?». Иисус отвечает: «Не бывает пророка без чести, разве только в отечестве своем и у сродников, и в доме своем».

Асноўнай крыніцай біблейскіх выразаў для рускай і беларускай моў з'яўляецца царкоўнаславянская мова, на якую Біблія была перакладзена з грэчаскай у IX ст. У рускай мове частка біблеізмаў, утвораных сродкамі царкоўнаславянскай мовы, прыжылася: Притча во языцех, Ничтоже сумняшеся, Темна вода во облацех, Разверзлись хляби небесные. У многіх выразях адбылася замена слоў і граматычных форм царкоўнаславянскай мовы на ўласныя. У беларускай мове згаданыя царкоўнаславянскія і некаторыя іншыя выразы або не прыжыліся, або не ў поўнай меры адаптаваліся. У гэтых выпадках быў выкарыстаны даслоўны пераклад.

Некаторыя рускія і беларускія біблеізмы маюць нацыянальна-культурную адметнасць і таму адсутнічаюць у лацінскай мове. Адсутнасць лацінамоўных эквівалентаў звязана і з рознай традыцыяй выкарыстання царкоўнаславянскага і лацінскага перакладаў Бібліі. Царкоўнаславянскі пераклад быў прыняты праваслаўнай царквой і актыўна выкарыстоўваўся на ўсходнеславянскіх землях. У рускай праваслаўнай традыцыі і сёння ўжываецца царкоўнаславянская мова, таму некаторыя царкоўнаславянскія выразы замацаваліся і ў сучаснай беларускай мове. Пераклад Бібліі на латынь (Вульгата) быў зроблены ў 382–405 гг. Пасля ён быў дапоўнены і стаў кананічным для Рымска-каталіцкай царквы. Лацінамоўныя біблейскія выказванні шырока распаўсюдзіліся ў новых еўрапейскіх мовах і сталі міжнароднымі: *Homines bonae voluntatis* – *Люди доброй воли*, бел. *Людзі добрай волі* і інш.

У слоўніку таксама прысутнічае раздзел «*Vagia*», дзе ўтрымліваюцца лацінскія пажаданні, абрэвіятуры, пададзены звесткі аб грэчаскіх і рымскіх багах-алімпійцах з указаннем іх функцый і атрыбутаў, дзевяці музах, Сямі мудрацах Старажытнай Грэцыі, сямі цудах свету.

Культуралагічнае значэнне мае таксама паказальнік імёнаў аўтараў афарызмаў і гістарычных асоб, з якога можна даведацца не толькі аб персаналях, але і аб грэка-рымскай і ў цэлым аб сусветнай гісторыі і культуры. Напрыклад: Ганнібал (Аннибал) Барка (247 или 246–183 до н. э.), знаменитый карфагенский полководец, из аристократического рода Баркидов, сын карфагенского полководца периода 1-й Пунической войны (264–241 до н. э.) Гамилькара Барки (?–229 до н. э.).

Кніга з'яўляецца не толькі справачным выданнем, але і метадычным дапаможнікам па вывучэнні антычных і біблейскіх афарызмаў, а таксама фактаў антычнай і больш позняй еўрапейскай культуры.

Слоўнік быў задуманы як вучэбны, аднак яго функцыянальныя магчымасці больш шырокія. Немалаважная яго роля ў тыпалагічных і супастаўляльных даследаваннях у галіне фразеалогіі, у вывучэнні пытанняў уплыву антычнай і хрысціянскай культуры на лексіку еўрапейскіх моў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Гончарова, Н. А.* Античные и библейские афоризмы: с культурологическим комментарием / Н. А. Гончарова, М. Г. Антонюк. – Минск : Конкурс, 2013. – 208 с.

ВОЕННАЯ ТЕМА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

История Германии полна военных столкновений, поэтому неудивительно, что военный след прослеживается и во фразеологическом фонде немецкого языка: фразеологические единицы (ФЕ) являются не только единицами языка, но и культуры. Фразеологизмы выборки можно условно разделить на три группы: 1) имеющие в своем составе наименования оружия, 2) отражающие воинские обычаи и ритуалы, 3) другие единицы военной тематики.

Большинство ФЕ корпуса относятся к первой группе. Оружие – неотъемлемый атрибут жизни общества – развивалось и совершенствовалось в ходе истории, как и сам язык. Готовясь к войне, люди в каждом уголке земли не только создавали новые виды оружия, но и придумывали названия для них: от каменного топора и холодного оружия до огнестрельного оружия и современных космических военных установок. В единицах материала обнаружены следующие наименования оружия: *Axt* ‘топор’, *Bogen* ‘лук’, *Bombe* ‘бомба’, *Flinte* ‘ружье’, *Kanone* ‘пушка’, *Knüppel* ‘дубинка’, *Kugel* ‘пуля’, *Lanze* ‘копье, пика’, *Messer* ‘нож’, *Mine* ‘мина’, *Panzer* ‘танк’, *Pistole* ‘пистолет’, *Pfeil* ‘стрела’, *Pulver* ‘порох’, *Schild* ‘щит’, *Schwert* ‘меч’, *Spieß* ‘пика’.

К наиболее современным видам оружия, зафиксированным во фразеологическом фонде немецкого языка, относится название пулемета Максима образца 1908–1915 гг., сокр. 08/15: *das ist Null-acht-fünfzehn* ‘все та же рутина’ (из-за частого повторения в немецких воинских инструкциях это понятие стало синонимом солдафонства, всего косного, консервативного, единообразного).

Фразеологизмы второй группы отражают воинские ритуалы и обряды, которые, в первую очередь, относятся к германцам и/или к рыцарям Средневековья. Смыслом жизни германцев были битвы и сражения. Они постоянно совершали набеги на Римскую империю, повергая в ужас римские легионы. Античные авторы отмечали беспощадность германцев в войнах, называя их варварами, дикими племенами, несущими смерть и разрушения.

Во фразеологии немецкого языка зафиксированы некоторые воинские ритуалы германцев (*j-n auf den Schild heben* ‘оказывать почести кому-л.’ досл. ‘поднять на щит’, *etwas im Schilde führen* ‘что-то замышлять’ досл. ‘что-то нести за щитом’, *sich auf den Fuß getreten fühlen* ‘чувствовать себя побежденным, униженным’ досл. ‘чувствовать, что наступили на ногу’, *hausen wie die Wandalen* ‘хозяйничать, как вандалы’), а также единицы, связанные с образом жизни и обычаями германцев. Например, единица *auf der Bärenhaut liegen/auf die faule Haut liegen* ‘бездельничать’ (досл. ‘лежать на

медвежьей шкуре') базируется на том факте, что, занимаясь только войной и охотой, все остальное время германцы почивали на медвежьих шкурах, не обременяя себя никакими заботами.

Постоянные набеги германцев на Римскую империю в итоге привели к ее упадку, что ознаменовало конец существования Древнего мира и начало Средневековья. Его визитной карточкой стало рыцарство. Рыцарями были переняты некоторые воинские традиции германцев. С рыцарством связаны не только самые яркие страницы средневековой истории (турниры, посвящение в рыцари, крестовые походы, сражения верхом, куртуазное поведение и рыцарские романы), но и следующие ФЕ: *j-n aus dem Sattel stechen* 'победить кого-л., сместить с занимаемой позиции' досл. 'выбить кого-л. из седла', *j-n in den Sattel heben* 'помогать кому-л.' досл. 'поднять кого-л. в седло', *mit offenem Visier kämpfen* 'открыть и честно бороться' досл. 'сражаться с открытым забралом', *das Visier lüften* 'обнаружить себя, свои планы' досл. 'поднять забрало', *um den runden Tisch* 'за круглым столом', *j-m den Fehdehandschuh hinwerfen* 'бросить кому-л. перчатку', *den Fehdehandschuh aufnehmen* 'поднять перчатку', *die Klängen kreuzen* 'скрестить шпаги', *sich die Sporen verdienen* 'заслужить признание' досл. 'заслужить шпоры' и др.

В третью группу входят единицы, которые невозможно отнести к первым двум названным группам, например: *nach Schema F handeln* 'делать механически, по шаблону, формально' досл. 'действовать по схеме F', *ein unsicherer Kantonist* 'ненадежный человек' досл. 'ненадежный рекрут'. Новейшим выражением в этой группе является фразеологизм *bis 5 Minuten nach 12 weiterkämpfen* 'сражаться, когда битва уже проиграна' (немецкое выражение, употребленное в связи с бессмысленным и безнадёжным сопротивлением гитлеровских войск, когда исход войны был уже решен в пользу СССР).

Фразеологизмы, относящиеся к военной тематике, кумулируют «дух нации» с ее историей, традициями, обычаями.

С. В. Паремская (Минск, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ КОШКА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Лингвистика XXI века активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации. Язык – это путь, по которому человек проникает не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. Вся многовековая культура народа отражается в его языке, каждый язык специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует и отражает деятельность человека. В. А. Маслова пишет: «Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д.» [1, с. 1].

Хранителем культурной информации является любой текст, а всякий фразеологизм – это минимальный текст, который и содержит определенную информацию.

Один из виднейших современных ученых-фразеологов В. Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», особенно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации (цит. по [1, с. 82]).

Фразеологизмы – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них «как бы законсервированы мифы, легенды, обычаи» [Там же, с. 82]. Фразеологические единицы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки. В центре фразеологического значения находится сам человек и его воззрения на мир. Фразеологизм как языковая единица имеет не только особую семантику, но и свое происхождение, индивидуальную этимологию и историю, определенное отношение к литературной норме и место в стилистической системе.

Фразеологический состав языка представляет собой весьма ценное лингвистическое наследие, потому что именно в нем отражается культурно-историческое мировоззрение народа, его культура, обычаи, традиции, фразеологизмы сохраняют и воспроизводят его менталитет и культуру от поколения к поколению. Для изучения фразеологического состава языка очень важно познать внутренние закономерности образования и развития фразеологических единиц.

Наиболее ярко ментальность немецкого и русского народов проявляется во фразеологизмах с компонентом-зоонимом. Животные всегда жили рядом с человеком. Домашнее животное – это помощник, друг, еда и одежда; дикое животное – это, в первую очередь, пропитание, без которого человек не может обойтись. Кроме того, животные были и мерилем многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных. Соответственно, животные всегда были в центре внимания человека. И это не могло не отразиться и во фразеологизмах. Люди подмечали поведение животных, их повадки и переносили эти свойства на человека, сравнивали поведение животных с поведением людей. При использовании названий животных во фразеологизмах люди чаще были склонены отмечать отрицательные черты, чем положительные.

Фразеологизмы с компонентами-зоонимами – обширный пласт языка. Активность использования того или иного названия животного во фразеологизмах неодинакова. Одними из наиболее частотных лексем с компонентам-зоонимом являются *кот* и *кошка*. Поскольку возможность наблюдения за поведением кошки и ее повадками в естественных условиях существовала с самого времени ее приручения, стали обнаруживаться сходства, аналогии в поведении кошки и человека в бытовых условиях. Результаты этих наблюдений закреплялись в языке в форме разнообразных пословиц, пого-

ворок, устойчивых выражений, представляющих метафорический перенос характерных особенностей животного на человека. Так, в разных источниках нами зафиксирована в немецком языке 21 фразеологическая единица с зоонимами *Katze* и *Kater*, в русском – 25 фразеологических единиц.

В плане этимологии слово *кот* представляет собой общеславянское заимствование из латинского языка. Латинское *cattus* – ‘дикая кошка’ [2, с. 216]. Слово «кошка» имеет восточнославянское происхождение [2, с. 217]. В немецком языке для обозначения этого животного используются слова *Katze* ‘кошка’ и *Kater* ‘кот’.

Кошачья натура всегда признавалась обманчивой. Кроме того, кошки обычно охотятся в кромешной тьме, что позволило человеку причислить их в определенной степени к темным силам. В этой связи считалось, что немецкое существительное *der Ketzer* ‘еретик’ восходит к слову *Katze* [3].

Характер фразеологической мотивированности и мера ее проявления во фразеологизмах с зоонимом *кошка* и *кот* в немецком и русском языках варьируются. Так, немецкий фразеологизм *die Katze im Sack kaufen* имеет полное соответствие в русском языке ‘купить кота в мешке’. В обоих языках этот фразеологизм означает ‘приобрести/купить неизвестно что’. Этот оборот встречается во многих языках и диалектах и благодаря своей наглядности не нуждается в дополнительном пояснении. Закрепление этого фразеологизма со словом *кошка* связано с тем, что раньше на рынках, чтобы обмануть невнимательного покупателя, часто вместо поросенка или кролика в мешок подсовывали ничего не стоящую кошку. Аналогичное происхождение имеет и выражение *die Katze aus dem Sack lassen* ‘проговориться, открыть карты, выкладывать начистоту’. Выражение *für die Katz sein*, тоже имеющее аналог в русском языке, ‘кошке/псу под хвост’, означает ‘сделать что-то напрасно, впустую’. А вот выражение *der Katze die Schelle umhängen* ‘взяться за щекотливое, неприятное, но необходимое дело’ восходит к древней басне, в которой мыши провели собрание, чтобы посоветоваться, как им защититься от кота. В русском языке фразеологизма с компонентом *кошка* с таким значением не зафиксировано. Выражение *Katzenwäsche machen* ‘умыться на скорую руку’ основывается на мнении, что кошки очищают свой мех путем быстрого и поверхностного слизывания грязи.

В понимании мира всегда большую роль играла оценка, а в познавательные процессы включались эмоции. Фразеологическим средствам языка свойственна эмоционально-экспрессивная окраска, связанная с их яркой образностью. При этом фразеологизмы имеют как отрицательную, так и положительную направленность. Например, фразеологизмы *Katze und Maus spielen* ‘играть, как кошка с мышкой’, *die Katze weiß, wo sie genascht hat* – ‘знает кошка, чье мясо съела’, *da ist die schwarze Katze zwischen gekommen* – ‘черная кошка пробежала (между кем-то)’ подчеркивают негативные свойства этого животного – вороватость, двуличность, хищность, непредсказуемость, тающие возможные неприятные последствия. И, напротив, на основе наблюдений над живучестью кошки возникли такие фразеологизмы, как *zäh*

wie eine Katze sein ‘живуч как кошка’, *auf die Füße wie die Katze fallen* ‘он, как кошка, все на ноги падает’. Эти фразеологизмы отражают одобрительное отношение к жизнестойкости и выносливости животного.

Таким образом, во фразеологических единицах немецкого и русского языков отражается картина мира, непосредственно окружающего человека, а наблюдения над домашними животными позволяют человеку богаче, полнее, образнее отражать многообразные жизненные ситуации. Кошка является одним из наиболее популярных персонажей русской и немецкой паремии и фразеологии. Представление об этом животном у двух народов, отраженное во фразеологизмах немецкого и русского языков, в целом имеет много общего. Различия между обоими языками наблюдаются в единичных случаях (например, русский фразеологизм *драная кошка*, не имеющий аналога в немецком языке).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высших учебных заведений / В. А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 208 с.
2. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей / под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
3. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GK04119#XGK04119. – Дата доступа : 04.09.2017.

Р. Ф. Сахарова (Минск, Беларусь)

ЧЕРЕЗ ВНУТРЕНнюю ФОРМУ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ – К ЗАКОНОМЕРНОСТЯМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ (на материале немецкого и белорусского языков)

«В понятии внутренней формы слова содержится ряд идей о принципах познания человеком окружающего мира и себя самого в этом мире, отраженных в слове, о познавательной функции языка и т.д.» [1, с. 122].

Одной из характерных черт современной лингвистики является ее стремление выявить и описать когнитивные механизмы языковой репрезентации явлений внешнего и внутреннего мира человека. При этом одним из путей достижения этой цели представляется установление первичного образа, лежащего в основе возникновения языковой единицы. «Возможность выявить механизмы появления новых значений, т.е. расширения и развития

соответствующей категории, а значит, и реконструировать принципы и механизмы мыслительной деятельности» [1, с. 122] дает обращение к внутренней форме единицы.

Данное положение стало отправной точкой при определении задач анализа устойчивых сочетаний со значением базовых эмоций в немецком и белорусском языках. Обращение к внутренней форме привлеченных к исследованию языковых единиц позволило сделать вывод, что в двух языках эмоции о с о з н а ю т с я как состояния, имеющие конкретные физиологические проявления / ощущения, описание которых используется в процессе номинации эмоций: напр., нем. *vor Zorn weinen* 'плакать от гнева', *rot, blass vor Zorn sein* 'покраснеть, побледнеть, от гнева', *vor Wut heulen* 'выть от гнева'. бел. *трэсціся ад гневу, плакаць ад гора, набляднець ад страху* (подробнее см. [2]). При этом следует также отметить, что данные физиологические проявления / ощущения могут описываться не напрямую, а через призму объектов или действий внешнего мира, приобретенного ранее опыта: напр., нем. *j-m dreht sich das Herz im Leibe (her)um* 'досл. у кого-л. Переворачивается сердце', бел. *сэрца пераварочваецца*. Приведенные примеры фиксируют ощущаемые человеком изменения в работе сердца, которые осознаются через сравнение с конкретным опытом переворачивания чего-л. В примере нем. *sich in Tränen auflösen* 'досл. раствориться в слезах' фиксируется опыт растворения чего-л. в жидкости: *auflösen* ((in einer Flüssigkeit) zerfallen lassen 'раствориться (в какой-л. жидкости)'). В подобном примере бел. *аблівацца слязамі (слязьмі)* зафиксирован опыт обливания себя чем-л. (напр., водой).

Исследователь Н. Д. Арутюнова указывала на то, что внутренний мир человека моделируется по образу внешнего, материального мира, поэтому основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах [3]. Данный факт доказывает привлеченный к исследованию материал: для репрезентации эмоций могут использоваться такие глаголы, как нем. *teilen* 'поделиться', бел. *падзяліцца* (напр., радостью), т.е. в основе концептуализации эмоций лежит первичный, по-новому о с о з н а н н ы й опыт.

Данную закономерность демонстрируют следующие примеры: нем. *flammender Zorn* 'пылающий гнев', бел. *агністы, пякельны гнеў, баяцца як агню*: человек описывает эмоции, используя древнейший опыт, связанный с горением или огнем. При этом выбор именно данного опыта, по нашему мнению, не является случайным. Страх – негативная эмоция, обусловленная наличием какой-либо реальной или предполагаемой опасности. Человек же издревле боялся пожаров (напр., вызванных ударом молнии). Как следствие, сравнение испытываемой эмоции с объектом сильного страха стало устойчивым сочетанием. При описании другой негативной эмоции – гнева – человек также использует сравнение ее с огнем, однако в данном случае в основе сравнения лежит знание об огне как о чем-то ярком, пылающем, а также опыт, вызванный прикосновением к чему-то горящему.

Проанализированные примеры доказывают, что анализ, во-первых, внутренней формы языковых единиц помогает установить, «насколько активно какая-либо структура знания участвует в представлении новых ментальных содержаний¹ Это позволит сделать вывод о степени релевантности тех или иных структур знания в картине мира определенного народа» [1]. Во-вторых, как было упомянуто выше, анализ внутренней формы – это путь к установлению механизмов мыслительной деятельности человека.

Таковыми механизмами, лежащими в основе языковой репрезентации эмоций в немецком и белорусском языках, являются механизм **метонимии** – механизм мышления/осознания по смежности (подробнее о метонимии см. [4]): описываются телесно-физические проявления эмоций, т.е. телесно-физическое выступает вместо психического: нем. *vor Freude springen* ‘прыгать от радости’, бел. *скакаць ад радасці*, и механизм **метафоры** – механизм мышления/осознания по аналогии (эмоция в данном случае осознается как некая сила): нем. *Wut erfasst, packt* ‘гнев охватывает (досл. схватывает)’, *Angst ergreift, packt* ‘страх охватывает (досл. схватывает)’ или бел. *гнеў бярэ каго-небудзь, гора аханіла кагосьці*.

Однако «распознать» механизм, лежащий в основе образования единицы, не всегда легко. Немецкий фразеологизм [*Gift und*] *Galle spucken* употребляется сегодня в значении *sehr wütend sein, ausfallend, gehässig reagieren* ‘быть в сильном гневе, агрессивно, злобно реагировать’ и содержит имя существительное *Galle* ‘желчь’. Желчь с давних времен является символом всего горького, неприятного, напр., нем. *bitter wie Galle* ‘досл. горький как желчь’. Использование данного имени существительного при описании гнева позволяет сделать вывод, что проявление гнева интерпретируется как нечто неприятное. Кроме того, гнев в данной единице сравнивается с ядом, который «выплевывает» змея, когда кусает человека, так и человек «выплевывает» («выплескивает») свой гнев на окружающих [5]. Однако, если рассмотреть данную единицу с точки зрения физиологии, то следует обратить внимание на то, что при переживании гнева повышается уровень выделяемой в организме человека желчи, что также находит отражение в языке: напр., нем. *j-m läuft die Galle über* ‘досл. у кого-л. желчь переливается через край’ имеет значение ‘кого-л. охватывает гнев’, т.е. в единице нем. [*Gift und*] *Galle spucken* лексема *Galle* ‘желчь’ употребляется вместо всей эмоции. Следовательно, в основе образования единицы, которая может содержать факультативный компонент ‘[*Gift und*]’, лежит механизм осознания по смежности.

¹ В процессах языковой репрезентации эмоций в немецком и белорусском языках это, в первую очередь, опыт «физический» переосмысленный на основе какого-л. древнейшего опыта (подробнее см. [2])

Такое подробное обращение к этимологии при анализе языкового материала позволяет установить, что в основе образования данной единицы лежат одновременно два механизма – механизм метафоры и метонимии. Подобное явление получило в лингвистике название **метафтонимия** и сегодня приобретает все большее внимание со стороны лингвистов. Однако следует заметить, что, говоря о перспективах исследования фразеологических единиц с когнитивной точки зрения, еще в 2010 г. (!) Е. С. Кубрякова и Н. В. Фурашова писали о необходимости обратить внимание на данное явление: изучение метафтонимии может «внести свой вклад в изучение ментальных процессов, протекающих в сознании человека» (подробнее см. [6]). И, как демонстрирует привлеченный к исследованию материал, именно механизм метафтонимии является главным механизмом языковой репрезентации эмоций в сопоставляемых языках.

Таким образом, анализ устойчивых сочетаний со значением базовых эмоций в немецком и белорусском языках подтверждает тезис Н. В. Фурашовой о том, что «внутренняя форма слова как первичный образ, служит для осознания и представления новых данных» и позволяет реконструировать принципы и механизмы мыслительной деятельности человека [1, с. 116].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фурашова, Н. В.* О роли внутренней формы слова в дальнейшем развитии его значений / Н. В. Фурашова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 116–123.
2. *Сахарова, Р. Ф.* К истокам вербализации эмоций: от ощущения к фразеологизму / Р. Ф. Сахарова // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 14–15 октября 2016 г. / редкол. : Н. В. Фурашова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 199–203.
3. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русс. культуры, 1999. – 896 с.
4. *Фурашова, Н. В.* О «восстановлении статуса» метонимии в семантических исследованиях на примере немецкого языка // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2009. – № 1. – С. 161–165.
5. Duden. Das Herkunftswörterbuch: Etymologie der deutschen Sprache / hrsg. von der Dudenredaktion. – 5., neu bearb. Aufl. – Berlin, Mannheim, Zürich : Dudenverl., 2014. – 954 S.
6. *Кубрякова, Е. С.* О перспективах исследования фразеологизмов с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова, Н. В. Фурашова // *Słowo. Tekst. Czas X: Jednostka frazeologiczna w traucyjnych i nowych paradygmatach naukowych.* Pod red. M. Aleksiejnki, H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2010. – P. 74–81.

МЕХАНИЗМЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Одним из фундаментальных понятий современной науки о языке является языковая картина мира, представляющая собой систематизированный план языка. Язык аккумулирует и фиксирует общие эталонные и стереотипные представления, отражает интерпретационные механизмы человеческого сознания и помогает ее сделать доступной для изучения.

Фразеологическая картина мира (ФКМ) является частью языковой картины мира, но она наиболее ярко и точно передает дух народа и его менталитет, культурно-исторический опыт познания мира, культурные установки и стереотипы. Фразеологические единицы (ФЕ), представляющие совокупность устойчивых сочетаний слов, воспроизводимых в качестве готовых и целостных единиц, отличаются от лексических единиц своей образностью. Являясь сгустками культуры, ФЕ наиболее ярко воспроизводят фрагменты культуры, и поэтому каждый язык имеет свою оригинальную ФКМ.

На сегодняшний день существует несколько подходов к выявлению культурной составляющей значений ФЕ. В силу господства когнитивной парадигмы наиболее широко используемым является когнитивный подход. В когнитивистике ФЕ рассматриваются в качестве микротекстов, структурирующихся в ходе познавательно-интерпретационной деятельности носителями языка. Данный подход предусматривает анализ отдельных фразеосемантических полей для выявления в их рамках фразообразовательных механизмов, совокупность которых отражает национальные особенности языкового структурирования мира.

В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть ФКМ через призму противоположности. Противопоставление элементов объективной реальности является фундаментальным механизмом мышления. Вопросы фразеологической антонимии, в основе которой лежит понятие противоположности, остаются наименее изученными. Актуальность исследования обусловлена использованием методов когнитивной лингвистики, ранее не применяемых при изучении механизмов образования антонимических отношений между ФЕ. Такое исследование поможет вскрыть глубинные основания образования антонимических отношений и основные когнитивные механизмы противопоставления культурной информации. Отметим, что существующие классификации фразеологических антонимов (ФА) не учитывают главной особенности ФЕ – образности их значения. Деление ФА на имеющие схожие и разные образы в основе противоположных значений не отражает всей сложности формирования фразеологических значений.

В работе используется основной постулат когнитивной лингвистики о том, что знания, приобретаемые в ходе предметно-познавательной деятель-

ности, организуются в сознании и в языке при помощи концептуальных метафор, отвечающих за категоризацию знаний, получаемых при помощи разных перцептивных каналов. Рабочее определение концептуальной метафоры – это существующие в сознании носителей языка концептуальные схемы между понятийными сферами, продуцирующие метафорические смыслы слов и высказываний. Используя положения о метафоре, выдвинутые Э. Маккормаком [1], мы соотносим фразеологическую образность с метафорическими структурами на: 1) довербальном уровне, представленным когнитивным (концептуальные схемы) и семантическим подуровнями (образы, заимствованные из определенных понятийных областей); 2) вербальном уровне, представленным собственно языковыми средствами, репрезентирующими определенные образы. Данные уровни не являются взаимоисключающими и отражают разную степень абстракции.

Исследование проводится на материале ФЕ, репрезентирующих антонимические концепты «success/failure». На фразеологическом материале формируется ряд оппозиционных тематических групп, соответствующих отдельным концептуальным признакам рассматриваемых антонимических концептов. Внутри оппозиционных тематических групп выявляются оппозиционные концептуальные схемы (ОКС), моделирующие значения ФЕ. В статье рассматривается общая ОКС *Success is Movement / Failure is (No) Movement* ‘Успех – это движение / Неуспех – это движение (или его отсутствие)’ (всего 90 ФЕ), на основе которой выделяются бинарные оппозиции (две ФЕ связаны антонимическими отношениями) и синонимико-антонимические группы (два ряда синонимичных ФЕ связаны антонимическими отношениями). Вслед за Е. Н. Миллером [2] в качестве основного критерия установления антонимических отношений между ФЕ используется наличие общих и противоположных элементов в их значениях. Особое внимание в исследовании уделяется рассмотрению взаимодействия ОКС и антонимических образов, задействованных в формировании значений ФА, и их лексической представленности.

Рассматриваемая общая ОКС имеет сложную структуру и делится на частные ОКС: *Success is Moving / Failure is Not Moving* ‘Успех – это движение / Неуспех – это отсутствие движения’ и *Success is a Linear Movement / Failure is a Circular Movement / Failure is Having an Obstruction on your Way* ‘Успех – это линейное движение / Неуспех – это движение по кругу / Неуспех – это наличие преграды’. Данные частные ОКС основываются на контрастных образах «движение – затрудненное движение/отсутствие движения» и «движение по прямолинейной траектории – движение по кругу – невозможность движения из-за преграды», вербализующихся при помощи образов: дороги (*to be on the right track* ‘быть на правильном пути’); прямолинейного движения (*to make headway* ‘делать успехи’); «шага» (*to make great strides* ‘делать большие успехи’); «кругового движения» (*to go around in circles* ‘топтаться на месте’); «облегченного или затрудненного движения» (*to run*

before you can walk ‘торопить события, взять на себя непомерно сложную задачу’); «отсутствия движения» (*a no-goer* ‘неудачник’); «преграды» (*a dead-end* ‘тупик, безвыходная ситуация’).

Рассмотрим два примера ФА, выделенных на основе рассматриваемой ОКС.

1. В основе противоположных значений ФЕ, входящих в бинарную оппозицию *to be in the doldrums* ‘быть в упадке’ «if a business, an economy or a person’s job is in the doldrums, it is not very successful and nothing new is happening in it; lacking activity or progress» vs. *to go (get) out of doldrums* ‘пережить период застоя’ «to overcome the lack of activity or progress» лежит контрастный образ «быть в зоне штиля – выйти из зоны штиля»: компонент *doldrums* является морским термином, обозначающим экваториальную штилевую полосу. В основе формирования антонимических значений ФЕ лежит частная ОКС *Success is Moving / Failure is Not Moving*.

2. В основе противоположных значений ФЕ, входящих в синонимико-антонимическую группу *(to be) plain (clear, smooth, easy) sailing* ‘идти легко, как по маслу’ «to be easy to do or achieve» / *(to get) an easy ride* ‘не испытывать трудностей’ «to experience no problems in a situation that is normally difficult or unpleasant» vs. *(to be) a rough sailing* ‘тяжелый процесс достижения цели’ «very difficult progress requiring much greater effort than normal progress» / *(to get) a rough (bumpy) ride* ‘тяжело даваться’ «to be likely to have a lot of problems and that it will be very difficult for them to achieve something» лежит контрастный образ «легкое движение – затрудненное движение», представленный лексическими единицами *plain (clear, smooth, easy) sailing – a rough sailing* (легкое и спокойное мореплавание – мореплавание в период шторма) и *an easy ride – a rough (bumpy) ride* (легкая езда при помощи транспортного средства – езда по неровной и жесткой местности). В основе формирования антонимических значений ФЕ лежит первый элемент частной ОКС *Success is Moving / Failure is Not Moving*.

Результаты исследования показали, что в основе формирования противоположных значений могут лежать 1) схожий антонимический образ, взаимодействующий с одной из частных ОКС; 2) единая частная ОКС, но образы при этом заимствуются из разных понятийных сфер; 3) разные частные ОКС, в этом случае наблюдается взаимодействие разных образов, заимствованных из различных понятийных областей.

Таким образом, декодирование когнитивных механизмов формирования антонимических отношений помогает распознать особенности выхода противоположности в пространство языка, т.е. как культурная информация, отражающая сквозь образы и ассоциации определенные стороны жизни языкового социума, схематически противопоставляется в сознании носителей языков и структурируется впоследствии во фразеологической картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маккормак, Э.* Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры: сб. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–385.
2. *Миллер, Е. Н.* Природа лексической и фразеологической антонимии / Е. Н. Миллер. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 221 с.

Н. В. Фурашова (Минск, Беларусь)

ПОЛИСЕМИЯ – ФРАЗЕОЛОГИЯ: ЧИСТОТА ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ VS. ИСКУССТВЕННОСТЬ ГРАНИЦ?

Предмет многолетнего исследования автора – вторичные значения глаголов физического действия в немецком языке. Тема настоящего доклада мотивирована несколькими обстоятельствами. В 2010 году при оформлении командировки для участия в международной конференции «Фразеологические единицы в традиционных и новых научных парадигмах» в г. Щецин (Польша) автору был задан вопрос, какое отношение она имеет к фразеологии, изучая вторичные значения глагольной лексики. Интуитивно автор осознавала свою причастность к фразеологии, но вопрос заставил ее задуматься.

Следующим импульсом послужила дискуссия после выступления автора на конференции «Универсальное и национальное в языковой картине мира» в 2016 г., в ходе которой прозвучал комментарий о необходимости соблюдать чистоту объекта фразеологии, т.е. признания границы между полисемией и фразеологией.

Стимулом для дальнейшего исследования данной проблемы явились публикации и рассуждения лингвистов об условности границ в языке. Приведем в качестве примера понимание языка как целостного организма, который лингвисты в целях исследования разлагают на уровни, но которые не функционируют изолированно; сравнение лингвистов с врачами-специалистами – кардиологами, урологами и т.п., которые специализируются на отдельных органах, но не могут не учитывать их взаимодействие со всеми остальными и с организмом человека в целом. Показательно в этом отношении появление новой теории в лингвистике – грамматики конструкций, одним из основных постулатов которой как раз и является тезис об отсутствии таких границ [1, р. 20; 2, р. 109; 3, р. 17; 4, р. 12; 5, р. 441; 6, р. 25]. В качестве основной единицы языка постулируются конструкции, которые принадлежат разным уровням языка, а некоторые из них представляют собой «стыки», «интерфейсы» разных уровней.

И наконец – и это самое главное – в ходе исследования полисемии глаголов физического действия регулярно вставал вопрос о том, что

включать и что не включать в корпус анализируемого материала, т.е. вопрос о проведении границы между полисемией и фразеологией. Продемонстрируем обозначенную проблему на конкретных примерах.

Так, одно и то же переносное (вторичное) значение глагола *schneiden* ‘резать’, а именно ‘игнорировать кого-л.’ представляется в лексикографических источниках и как лексико-семантический вариант (ЛСВ) в семантической структуре данного многозначного глагола, и как фразеологизм в словаре идиом. Чтобы быть отнесенной в категорию фразеологизмов, единица должна как минимум являться словосочетанием. Данному критерию анализируемый пример не соответствует. Ср. дефиниции переносного значения *jemanden schneiden* ‘игнорировать кого-л.’ и конкретного непереносного, первичного *etwas schneiden* ‘разложить что-л. на части с помощью ножа или др. режущего инструмента’, где позиция объекта воздействия одинаково открыта, т.е. варьируема.

С другой стороны, в значении *sich schneiden* ‘заблуждаться, ошибаться’, представленном в толковых словарях как отдельный ЛСВ, данный глагол имеет очень ограниченный контекст употреблений: *Da hast du dich geschnitten!* ‘Ну, тут ты дал маху’, иногда в настоящем времени.

Так же противоречиво представление глагола *brechen* ‘(с)ломать, разбить’ в переносном значении ‘сломать, преодолеть что-то, что является барьером’ (*das Schweigen, einen Rekord, die Blockade brechen* ‘нарушить молчание, побить чей-то рекорд, прорвать блокаду’) и ‘не соблюдать что-л.’ (*einen Vertrag, das Gesetz, einen Eid, sein Schweigen, das Wort brechen* ‘нарушить договор, закон, клятву, молчание, не сдержать слово’). Эти сочетания приведены и как ЛСВ данного глагола в толковых словарях, и как фразеологизмы в соответствующих словарях.

Примеров можно привести намного больше, чего не позволяет объем данной публикации. Но уже описанного выше достаточно для иллюстрации проблемы. В этой связи можно утверждать, что теоретические требования соблюдения чистоты объекта исследования не согласуются с практикой лексикографического представления семантики лексической единицы (в данном случае – глагола физического действия в немецком языке). Исходя из этого, а также из положений современных лингвистических исследований можно констатировать, что границы в языке условны и постулируются исследователями в их целях. В течение какого-то периода это оказывается оправданным и необходимым для познания сущности избранного объекта исследования (метафорически – определенного органа человека в области медицины), однако за ним наступает этап, когда этот объект (орган) необходимо исследовать во взаимодействии со всеми остальными и в системе, частью которой он является.

Категория вторичных значений лексических единиц (глаголов) устроена по известному принципу «центр – периферия». Если между представителями двух центров, т.е. прототипической фразеологической единицей (например, пословицами и поговорками) и «просто» переносным значением глагола границу провести можно, то на периферии это оказывается затруднительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Achard, M.* Representation of cognitive structures: syntax and semantics of French sentential complements / M. Achard. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1998. – 377 p.
2. *Broccias, C.* Cognitive approaches to grammar / C. Broccias // *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives* / ed. by G. Kristiansen [et al.]. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 81–115.
3. *Croft, W.* Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective / W. Croft. – Oxford : University Press, 2001. – 416 p.
4. *Langacker, R. W.* A View of Linguistic Semantics / R. W. Langacker // *Topics in Cognitive Linguistics* / ed. by B. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam / Philadelphia, 1988. – P. 49–90.
5. *Langacker, R. W.* Cognitive Grammar / R. W. Langacker // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford, 2007. – P. 421–462.
6. *Traugott, E. C.* The grammaticalization of NP of NP patterns / E. C. Traugott // *Constructions and Language Change* / ed. by A. Bergs and G. Diewald (*Trends in Linguistics. Studies and Monographs*; 194). – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2008. – P. 23–45.

Л. В. Чернышова (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ *ОДЕЖДА* В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Идея взаимосвязи языка и культуры – основная в современных лингвистических исследованиях, выполненных в русле антропоцентрической парадигмы. Фразеология не случайно стала важнейшим полем изучения человеческого фактора в языке, так как устойчивые выражения – это особые вербальные знаки, наделенные «культурной памятью». В ней «концептуальны не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [1, с. 8].

В нашем докладе фразеология понимается в широком смысле: кроме собственно идиом и устойчивых сочетаний, принимаются во внимание пословицы и поговорки. При анализе материала мы руководствуемся когнитивным подходом, учитывая, что фразеологизмы «вызывают в сознании образы, связанные с буквальным прочтением языковых знаков, которые могут вступать в противоречие с актуальным значением» [2, с. 37].

Антропоцентричность языка обусловлена принципом, сформулированным в древности Протагором: человек – мера всех вещей. Исходя из этого

принципа при рассмотрении пространственных номинаций, В. Г. Гак утверждает, что они образуют четыре концентрически расширяющихся круга: человек – дом – страна – мир [3, с. 127]. Человек ставит себя в центр мироздания и создает образ мира, являющегося гармоническим единством вещей и людей, интерпретирует его, придавая многим вещам особую культурную значимость.

В пространственном отношении самым близким предметом для человека является одежда. И в собственно номинации, и в символических свойствах семиотического кода, связанного с одеждой, отчетливо проявляется национально-культурный компонент, хотя сам человек, его тело в русской фразеологии, как и вообще в языке, безусловно, важнее всего того, что его окружает: *Была бы кость да тело, а платье сам делай*.

В русской фразеологии не вся одежда культурно отмечена, концептуально только видовое *одежда (платье)*, а также родовое *рубашка / сорочка, кафтан* и *шуба*, значительно реже *сарафан, камзол, армяк, жупан, тулуп, портки*. Эти артефакты (искусственно созданные вещи) обладают утилитарными и символическими свойствами (вещностью и знаковостью), то есть потенциально могут быть использованы и как вещь, и как значение. В русской фразеологии четко отмечено место всех перечисленных предметов по отношению к человеку и их аксиологичность.

Самый близкий, *свой* предмет – *рубашка*: *Своя рубашка ближе к телу*. Рубашка коррелирует с «естественным покрытием» – *кожей*, но по сравнению с ним менее ценна: *Своя кожа рубахи дороже*, а также со смертью, локализирующейся рядом с кожным покрытием: *Рубаха к телу близка, а смерть ближе*. Далее по отношению к телу следует *кафтан*: *Рубашка кафтана к телу ближе* и, наконец, *шуба*: *И кафтан греет, когда шубы нету*. Таково расположение наиболее частотных номинаций одежды по шкале *ближе – дальше, свое – чужое*.

По шкале материальной оценки все наоборот: наиболее дорогим видом одежды является *шуба*, менее ценна *рубашка*: *Лиха беда кафтан нажить, а рубаху и дома сошьют*. Аксиологичность, согласно примерам, зависит от величины усилий, потраченных на приобретение этих предметов гардероба.

Русские наивные представления об одежде энантиосемичны. С одной стороны, она не значима, важен сам человек: *Не жупан пана красит, а пан жупана*. Мирозренческая метафора представляет одежду (как и другие артефакты) *тленом*: *Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего дороже*. Гораздо важнее, как свидетельствует фразеологическая единица, здоровье, а также ум: *К шубе ума не пришьешь; Встречают по одежке, а провожают по уму* (хотя и здесь энантиосемия *Тот и умен, кто богато наряжен*). В приоритете по сравнению с одеждой совесть: *Платье черненько, да совесть беленька* и еда: *Голодный и в портках хлеба украдет* (то есть и одетый) и др.

С другой стороны, без одежды прожить нельзя, она даже еды важнее: *Коли нечего на плеча вздеть, так на печи преть; Голодный поле перебежит,*

а нагой – ни с места. Кроме того, как известно, все же *по одежке встречают.* В принципе для наивного сознания наличие одежды и еды в комплексе – символ благополучия: *Были б хлеб и одежда, так и ел бы лежа.*

Количество и качество одежды определяют уровень благосостояния. Бедность – это когда одежды столько, сколько на себе: *И в мир и в пир одежда одна; Хлеба с душу, денег с нужу, платья с ношу* и др., когда одежда плохая: *Житье скупое платье носит худое; Холодно, на ком платье одно, а двое, да худое – не лучше того* и др. Символ бедности – короткое платье: *Одежка вряд* (то есть средней руки, по В. Далю) *не обобьет пят; Есть вашей братьи в коротком платье.*

В русском наивном мировидении качество одежды связано с представлениями о приличии: *В рогожу одеться, от людей отречься; Платье чисто, так и речь честна.* Интересно, что сема *богатство* как наличие одежды эксплицирована слабо. Даже *шуба* – самый дорогой предмет гардероба – не несет ее: *Зимой без шубы не стыдно, а холодно, а в шубе без хлеба и тепло, да голодно.* То есть, согласно наивному мировосприятию, наличие добротной одежды – необходимость.

Однако ценность одежды все же проявляется в представлениях о ней как об объекте воровства: *Бедному да вору всякая одежда впору; Видит и кривой, на ком кафтан чужой.* Приведенные примеры свидетельствуют, что, по народному мнению, чужое всегда малоценно в моральном плане: *Чужая одежда не надежда, чужой муж – не кормилец; В чужом платье не накраиваться.*

В русской фразеологии вид одежды, а также ее качество указывают на гендерную дифференциацию: *Отчего мужик в кафтане, а баба в сарафане?; Молодец в кафтане, девка в сарафане,* а также сословные различия: *По платью видят, кто такой идет; Служить стану – по кафтану.*

Социальное положение связывается и с цветом одежды. У малоимущих она серая: *На мужике кафтан хоть сер, да ум у него не черт съел; Рад Епифан, что нажил серый кафтан* (то есть и этому рад). Богатое сословие наряжается в синюю и зеленую одежду, в русской фразеологии она репрезентирована также как символ щегольства: *Пуст карман, да синь кафтан; Камзолы зеленые, а щи несоленые.* Цвет одежды часто используется как антитеза сущности человека: *Голосиста пташка, да черна рубашка; Рубашка беленька, да душа черненька.*

По мнению русского крестьянина, автора фразеологии, каждый должен держаться своей одежды, то есть своего сословия. Устойчивые сочетания, несущие эту сему, декларативны: *По росту одежку прибирай; По одежке протягивай ножки; Не подстать синему кафтану голубой подбой; Не дай бог владети смердьему сыну собольей шубой!* и др.

Культурная значимость номинаций одежды в составе устойчивых сочетаний подтверждается их эталонностью. Эталон – это то, в чем образно измеряется мир. Чаще всего они существуют в образе устойчивых сравнений, но в принципе эталоном может быть любое соизмерение мира относительно

человека: проявление нормативных представлений о явлениях природы, общества, их качества, свойства. В скрытом виде эталон содержит в себе предписания, он влияет на избирательность и оценку: *Купи постройку крытую, а одежду шитую; Крой новый кафтан, а к старому примеряй; Родился в рубашке; По Ивашке и рубашка; Ему дьявол чванством кафтан подстегал; Шуба прошвы не стоит* и др.

Наш материал показывает, что фразеологизмы, включающие названия одежды, отображают типовые ситуации и представления, выполняют роль символов, эталонов, стереотипов русской культуры, и «именно эта стереотипность, символичность и эталонизированность образного основания фразеологизмов обуславливает их культурно-национальную специфику» [2, с. 250]. Подобное своеобразие присутствует во всех культурах, оно коррелирует с местом проживания, образом жизни, особенностями ее уклада. Сведения об одежде, отраженные во фразеологии, позволяют эксплицировать специфику наивного восприятия этноса, уникальность его менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
2. *Ковшова, М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
3. *Гак, В. Г.* Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–135.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Богданова Л. И.</i> Новые слова как отражение нового мироощущения	4
<i>Dröbiger H.-H.</i> Perspectivation and Perspective. Outlines on Conceptual Metonymy	7
<u>Piirainen E.</u> “Widespread Idioms in Europe and Beyond”: Benefits for Language Worldview?	12
<i>Харитончик З. А.</i> Многократность деривационных актов или широкозначность метафоры	20

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА

<i>Биюмена А. А.</i> Антропоморфная метафора в политическом тексте	22
<i>Водяницкая А. А.</i> Многоликая оценка: к вопросу о метафоризации оценивания	24
<i>Герасимович О. В.</i> Осмысление лексем с корнем <i>-люб-</i> в языковой картине мира славян	27
<i>Дмитриева И. В.</i> Национально-культурный компонент в семантике угрозы	30
<i>Евграфова Ю. А.</i> <i>По уши плыть, а у милой быть</i> : любовь в мужской картине мира (на материале паремий английского, валлийского, гэльского и англо-шотландского языков)	33
<i>Курбаленко Н. В.</i> Каузативные конструкции со значением ассистивности в современном немецком языке	36
<i>Курганова Н. И.</i> Структурные параметры картины мира	39
<i>Lemish N. Ye.</i> National and Cultural Peculiarities of Euphemism as a Language Universal	42
<i>Лещёва Л. М.</i> Метафоры и концептуальные структуры	45
<i>Максименко О. И., Хроменков П. Н.</i> Лигвоконфликтогенез в дискурсе идеологий Нового времени (Россия и Германия)	47
<i>Найверт Ю. О.</i> Формирование семантики базисных прилагательных со значением ‘форма’ (на материале немецкого языка)	50
<i>Никитенкова К. Г.</i> Аналогия как механизм формирования значения переходных компонентов (на материале немецких имен прилагательных) ...	53
<i>Racovská J.</i> The Picture of a Czech School through the Prism of Children of Older School Age	55
<i>Петракова Ю. И.</i> Ономасиологические возможности субстантивных единиц в процессах вторичной номинации	58

<i>Сатинбаева В. С.</i> Профессиональная языковая картина мира в немецкоязычном блог-дискурсе (на примере авторского блога)	61
<i>Сытько А. В.</i> Долженствование в институциональном дискурсе	64
<i>Хрисонопуло Е. Ю.</i> Варьирование английских предложений с формальным подлежащим и актуализация концептуальных архетипов в художественном тексте	68
<i>Шуранова Е. Э.</i> Димензиональные признаки в семантике вещепризнаковых имен существительных (на материале немецкого и русского языков)	71
<i>Чэнь Тин.</i> Phraseology in the Chinese Linguistic Tradition	73

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА

<i>Алексеева А. В.</i> Профессиональный стереотип сквозь призму юмора (на материале дневниковых записей медицинских работников)	76
<i>Артемова О. А.</i> Глагольная категория времени как средство выражения темпорального дейксиса в белорусском и английском языках	79
<i>Белютина Ю. А.</i> Стратегии невежливости в коммуникативной ситуации «поздравление» (на материале английского языка)	82
<i>Борзенец С. Е.</i> Национальная специфика культурной семантики прецедентных топонимов	86
<i>Булгакова М. П.</i> Эпидигматические отношения и универсальные пути семантической деривации	89
<i>Быкова О. И., Чаусова Е. А.</i> Лексические средства объективации концепта «деньги» в немецкоязычном культурном пространстве	91
<i>Гапанович Е. А.</i> Своеобразие представления совокупной семантики во французской лингвокультуре	94
<i>Дардыкова Е. В.</i> Фазовая семантика в глагольных системах английского и турецкого языков	97
<i>Дегтярёва В. С.</i> Метафорические репрезентации прецедентного имени «Aschenputtel» в немецком медийном дискурсе	100
<i>Дудина А. М.</i> К вопросу о широкой семантике глагольных единиц (на материале французского и белорусского языков)	103
<i>Езан И. Е., Неборская Л. Н.</i> Дискурсивный аспект твиттер-коммуникации (на примере твитов немецких политиков)	106
<i>Кастирович Г. А.</i> Апеллятивность как универсальная категория и особенности ее реализации в словообразовании немецкого языка	109
<i>Лебедева И. Г.</i> Судебное красноречие на французском языке: стилеобразующие и стилемодифицирующие фонетические черты	111
<i>Левковская Н. А.</i> Механизмы убеждения: естественные и распространенные инструменты осуществления влияния	114
<i>Майко Т. В.</i> О конструкциях с глаголом поддержки <i>давать</i> в русском языке	116

<i>Манько Н. И.</i> Выражение побуждения в простом предложении с признаковым модификатором	119
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Социолингвистический аспект аббревиации в языке современной французской публицистики	122
<i>Романкевич М. Н.</i> Лингвоспецифичность глагола <i>partager</i> во французском языке	125
<i>Тарасевич Л. А.</i> Универсальное и национальное в языковой картине пространства	128
<i>Флягина М. В.</i> Образы географического пространства в диалектной картине мира донских казаков (на примере гидронимической апеллятивной лексики)	131
<i>Якубёнок Л. М.</i> Языковые особенности аргументации в немецкоязычной адвокатской речи	134

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Белютин Р. В.</i> Специфика перевода метафор в спортивном дискурсе (на материале немецкого и русского языков)	137
<i>Бурдыка М. Я.</i> Эмацыянальна-экспрэсіўныя часціцы ў беларускай і англійскай мовах	140
<i>Иванченко М. Ю.</i> Особенности перевода метафор, актуализирующих предательство	143
<i>Солонович Л. В.</i> Особенности перевода реалий (на примере романа Г. Бёлля «Глазами клоуна»)	146
<i>Таунсенд К. И.</i> Исторические переводы как документальное свидетельство эпохи	149

КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Басилая Н. А. Гаприндашвили Н. Н.</i> Универсальное и национальное в грузинском графическом нарративе	152
<i>Гаранович Т. И.</i> Лингвистические средства представления картины мира героя литературного произведения (на материале рассказа В. Короткевича «Белое пламя»)	155
<i>Зуева Н. М.</i> Актualізацыя нацыянальнага ў мастацкай прозе Л. Калюгі перыяду ссылкі	158
<i>Каньшина Н. А.</i> Рекуррентный лексико-семантический компонент как средство актуализации языковой картины мира автора	161
<i>Коноплева Н. Н.</i> Понимание концепции художественного произведения в процессе его рецепции	164
<i>Копытко Н. В.</i> Картина мира сквозь призму феномена памяти в романе Д. Кэрл Оутс «Человек без тени»	166

<i>Поражинская И. Л.</i> Семь смертных грехов в творчестве Э. Елинек	169
<i>Рохлина Т. А.</i> Грамматические средства выражения комизма в немецком шванке	172
<i>Самофалова А. С.</i> Когнитивная матрица концепта-оппозиции «герой–антигерой» языковой личности Ю. Живаго (на материале произведения Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»)	175
<i>Сивова Т. В.</i> Карта пространства в пространственной картине мира К. Г. Паустовского	178

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

<i>Барашко Н. В.</i> Роль инфокоммуникационных технологий на уроках иностранного языка в контексте диалога культур	182
<i>Зозуля О. Л.</i> Когнитивная парадигма в обучении лексике в техническом учреждении высшего образования (на материале немецкого языка)	185
<i>Лаптева Н. Е.</i> Стратегический потенциал умения чтения иноязычных текстов	188
<i>Сулейманова О. А.</i> Дидактический потенциал теории языковой картины мира	189

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

<i>Антанюк-Пруто М. Г., Ганчарова Н. А.</i> Еўрапейская фразеалогія і культура (да пытання аб стварэнні вучэбнага слоўніка)	192
<i>Внук Т. В.</i> Военная тема во фразеологии немецкого языка	195
<i>Паремская С. В.</i> Фразеологизмы с компонентом-зоонимом <i>кошка</i> в немецкой и русской языковых картинах мира	196
<i>Сахарова Р. Ф.</i> Через внутреннюю форму устойчивых сочетаний – к закономерностям концептуализации эмоций (на материале немецкого и белорусского языков)	199
<i>Скворцова Н. С.</i> Механизмы отражения противоположности во фразеологической картине мира.....	203
<i>Фурашова Н. В.</i> Полисемия – фразеология: чистота объекта исследования vs. искусственность границ?.....	206
<i>Чернышова Л. В.</i> Концептуальный компонент <i>одежда</i> в русской фразеологии.....	208

Научное издание

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Минск, 13–14 октября 2017 г.

Ответственный за выпуск *Н. В. Фурашова*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*

Ст. корректор: *С. О. Иванова*

Подписано в печать 18.09.2018. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 80 экз. Заказ 37.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.